

ПИОНЕР

АВГУСТ

Издательство «Правда» 1951 г.

8

П И О Н Е Р

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ

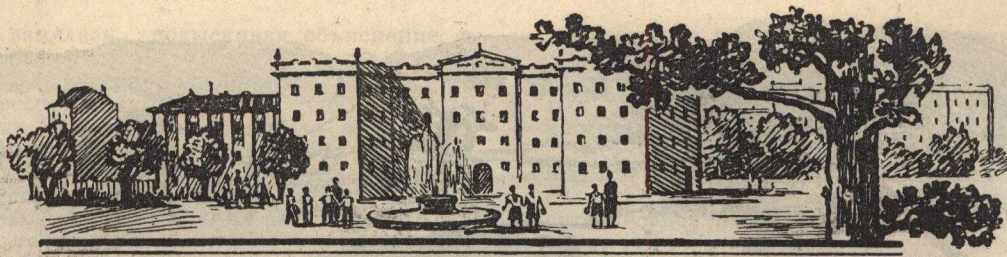
№ 8

Август

1951 г.

В ШКОЛУ

ЖЕЛАЮ ВАМ УСПЕХА, РЕБЯТА!

И. А. Каиров,
министр просвещения РСФСР

Дорогие ребята! Наше родное советское правительство позаботилось о том, чтобы вы хорошо отдохнули за каникулы, окрепли, набрались сил, бодрости и здоровья.

Близок час, когда во всех школах Советского Союза прозвенит звонок к первому уроку нового учебного года.

Великое счастье — возможность учиться; великое счастье — приобретать всё новые и новые знания. Вы избавлены от необходимости собирать знания по крохам, как приходилось когда-то великим и талантливым сыновьям нашего народа, таким, как Ломоносов, как Горький. Но и в новых прекрасных школах, которые даны вам советской Родиной, вам надо положить немало труда, проявить немало усердия, чтобы по-настоящему крепко и глубоко усвоить то, чему вас учат.

Вы живёте в эпоху грандиозных строек коммунизма. Огромные судходные каналы прокладываются через бескрайные степи Дона, Поволжья, Украины; строятся гигантские гидроэлектростанции; орошаются пустыни Средней Азии; по воле советского человека меняют русло реки, на опалённых засухой безводных землях вырастают леса и дубравы. Вам, ребята, предстоит продолжить и завершить то, что начато вашими дедами и отцами, — построение счастливого коммунистического общества.

Но быть участником этого великого дела нельзя без больших, глубоких знаний. «Чтобы строить, надо знать, надо овладеть наукой. А чтобы знать, надо учиться. Учиться упорно, терпеливо», — сказал товарищ Сталин. Вы должны всегда помнить эти слова.

Поздравляю вас с началом нового учебного года, ребята! Будьте дисциплинированы, настойчивы и прилежны в учении. Желаю вам успехов в наступающем учебном году.

ШКОЛА НА ИМАРГЕ

А. Малых

Рисунки Е. Васильева

Приезд учительницы

1

В кабинет секретаря всё входили и входили разные люди, и Оле начинало казаться, что секретарь забыл о её существовании.

— Будьте добры, может быть, товарищ Андросов забыл обо мне? Напомните,— сказала Оля пожилой машинистке.

Та обернулась и окинула нетерпеливую приезжую девушку неприязненным взглядом. Но оливо круглое лицо, с которого даже трудная дорога не могла полностью согнать детский, во всю щёку румянец, видимо, понравилось машинистке.

— А что вам сказал товарищ Андросов?— спросила она мягко.

— Он сказал: «Подождите»,—ответила Оля.

— Ну и ждите спокойно, товарищ Андросов никогда ничего не забывает.

Оля посмотрела в широкое двойное окно. По реке тянулись дымки быстрых катеров. Шёл снег.

А в Москве сейчас солнце, на всех лотках виноград, на дачах ещё купаются в речках, весёлых, стремительных, не похожих на эту угрюмую, стальную, медленную реку.

Да, она всё же не понимала, как далеко она едет. Одно дело представлять себе, другое—видеть, чувствовать. Пять дней она ехала железной дорогой, и в окнах вагона проносились южные сады, горы, сухие степи, чёрные леса, снова горы, снова леса, снова степи — и всё это складывалось в тысячи и тысячи километров. Потом она села на паром, и семь дней за бортами речного экспресса проносились таёжные берега. Ей достался билет четвёртого класса — место на палубе, под открытым небом. Она могла ждать следующего парохода и устроиться лучше, но её тревожили мысли о работе и хотелось скорее всё узнать. Вначале поездка была интересной: величавая река, перед которой Волга казалась маленькой, яркое солнце лета, освещавшее зелёные мощные леса, крутые ска-

лы берегов. Потом недалеко от Полярного круга лето кончилось, и сразу наступила поздняя осень. Пронизывающий ветер бурно мчался по палубе, с неба падал снег, перебиваемый острым дождём, воды реки разливались всё шире, делались свинцовыми и ледяными. Она куталась в пальто и то тряслась от холода, думая только о том, чтобы согреться, то, согреваясь, отдавалась ещё неясной тревоге за будущее. А затем вырос Ергалан — угрюмое сборище чёрных деревянных домов, иссечённых ледяными дождями, скученных на узком куске берега среди бесконечных просторов тундры. Она стояла на берегу, промокшая, озябшая, и думала о том, что здесь, наверно, редко бывает солнце.

В дверях появился Андросов, высокий плотный человек с седоватыми висками. Он посмотрел на неё и улыбнулся. Она встала.

— Измучились, Ольга Ивановна?—спросил Андросов негромко.

— Нет, нет, я ничего... я так,—ответила она растерянно, вдруг осознав, что она действительно страшно измучена трудной дорогой.

— Пойдёмте, теперь нам никто не мешает. Мария Максимовна,—обратился он к машинистке,—ко мне пока никого не пускать.

2

— Ольга Ивановна, вы просили назначения на Север?

Оля не умела лгать и ответила решительно:

— Нет, я просила о другом назначении. Но когда мне... но когда я... в общем, я дала согласие.

— Так... Значит, не было желающих,—сказал Андросов хмуро.— А ведь хорошее место—это не то место, где легко живётся. Хорошее место—это такое место, где ты нужен, где без тебя трудно обойтись.

— Нет, у нас были желающие! А направили меня, потому что... потому что...

Она замаялась, подыскивая объяснение, а потом выпалила:

— Я... я, наверно, здоровее.

Андросов улыбнулся:

— Так. Значит, вас предпочли желающим. Что ж, это верно: для решения задач, которые перед нами ставит Север, одного непроверенного испытанием желания недостаточно. Но я думаю, что выбор пал на вас не только потому, что вы крепче своих товарищей, — продолжал Андросов, разыскивая какую-то бумагу. — В характеристике сказано, что вы... вот... — Андросов отыскал нужное место. — «Изобретательная, вдумчивая, волевая...» — прочитал он.

Оля покраснела.

— «Настойчивая, душевная, внимательная...» — не щадил её Андросов. — А на материке у вас остался кто-нибудь?

— Да, мать с братом, он старше меня, — ответила она, ещё более краснея и удивляясь тому, что он называет центральные области Союза «материком», словно бы Ергалан находился на острове, отрезанном от остальной суши.

— Когда мне позвонили из окрОНО, что вы приехали, что вам двадцать один год, я, признаюсь, не обрадовался. Молодому человеку, и особенно девушке, здесь вначале, пока не втянется в работу, будет тяжело. Вам уже говорили, что вы назначены в отдалённый нганасанский колхоз?

— Говорили.

— Ваше стойбище находится в пятистах километрах к северу от Ергалана.

Он ходил по кабинету и, куря то и дело потухавшую папиросу, говорил, а Оля, сидя в просторном кресле, поворачивала голову вслед за его движениями. Андросов говорил ясно и точно. Он не утешал и ничего не пытался смягчить. Но она с удивлением заметила, что слушает не столько то, что он говорит, сколько самый звук его голоса. Между значением слов и выражением голоса существовало какое-то важное различие. Слова были безжалостно правдивы, а звук голоса отменял и ступёвывал значение слов и словно внушал ей: страшно, но не так страшно, преодолели и ещё преодолеем — всё в наших силах, завтра будет много лучше, чем сегодня.

— На Севере много народностей, — говорил Андросов, — в прошлом все они были обречены на вымирание, но, пожалуй, самым отсталым, нищим племенем были нганасаны. И после Октябрьской революции, когда жизнь других народностей уже бурно текла по новому руслу, нганасаны только стали пробуждаться к жизни. Чем это объясняется? Дело в том, что ещё в семнадцатом веке нганасаны были оттеснены на самые дикие пространства Азии и расселились в бесплодных снежных пустынях. К моменту революции нганасан осталось около семисот человек. И жили они, оторванные не только от всего мира, но и друг от друга.

Андросов рассказывал, а Оля видела картины этой страшной прошлой жизни. Она видела чумы, занесённые снегом, голодных людей, во тьме ожидающих короткого лета. Ожидающих лишь для того, чтобы с появлением солнца устремиться ещё дальше на се-

вер, вслед за дикими оленями, гонимыми на север жарой. Она видела оленей, спасающихся от укусов овода на вершинах гор, покрытых вечным снегом; она видела охотников, настигающих оленей в горах; она видела, как с наступлением осени стада оленей возвращаются на старые места и вслед за ними снова перекочёвывают люди. И снова зима, десять месяцев зима, мрак и голод, если короткое лето не было удачным.

— За несколько лет до революции товарищ Сталин, находившийся в ссылке, в Туруханском крае, говорил Спандарьяну о том, что должны будут сделать большевики для народов Севера: «Возродить этот народ, создать для людей Севера, как и для всего народа, подлинно человеческую жизнь — наш священный долг». Помните эти слова, Ольга Ивановна, всегда помните и руководствуйтесь ими. «Создать для людей Севера подлинно человеческую жизнь» — такова задача, поставленная перед нами партией.

— Я сделаю всё, что смогу, — робко сказала Ольга.

— Нет, этого мало. Вы должны сделать всё, что требуется, — сказал Андросов, нахмурясь.

Потом он снова улыбнулся, сел в кресло и продолжал:

— Многое мы уже сделали. В нганасанских стойбищах организованы колхозы, созданы обобществлённые стада оленей. Построены больницы, школы, хотя каждое бревно, отправленное в далёкое стойбище, стоит дорого, очень дорого. В нашем стойбище школа по плану должна была строиться только в будущем году, но председатель колхоза Селифон Чимере не стал дожидаться — получил лес, сплавил по Дударе, оттуда волоком тащил на Имаргу и вот силами колхозников построил школу, уверяет, что прекрасную. Вы будете открывать эту школу. Книжки, тетради, карандаши Селифон уже увёз. Конечно, вам будет тяжело: они не знают русского языка, вы не знаете нганасанского. Но вы комсомолка. И у вас будет опора: Селифон Чимере, он человек ещё молодой, окончил курсы в Ергалане, говорит по-русски. И нганасаны встретят вас приветливо. Это приветливый народ, талантливый и умный.

— Я понимаю, — сказала она горячо.

— Ну, так, завтра я поговорю с вами ещё раз, уже на конкретные темы, а сейчас дам вам записку. В окрсовете вы встретите Селифона Чимере, он ждёт вас уже третий день и сам отвезёт на Имаргу. Я уверен, что вы установите с ним хорошие отношения.

3

— Каждый чум варит пищу, теперь нганасан суп кушает, — сказал Селифон Чимере хвастливо. — Ты любишь суп, Ольга Иванна?

— Да, очень...

Они едут и едут, с раннего утра до позднего вечера, и кругом — ни деревца, ни избы, ни следа жизни. Озёра и болота, серая цепкая трава, ручьи, струящиеся по камням, низко навалившееся на камни небо. Пустыня внизу, пустыня сверху. А впереди холмистый горизонт, ветвистые рога оленьей упряжки. И снег, медленно опускающийся на землю.

Как же сильны люди, которые преобразовывали этот край!

— Тебе будет хорошо, — говорил Селифон, радостно усмехаясь и смотря на неё блестящими тёмными глазами. — Что хочешь — бери, что надо — говори. В школе живи, наша школа хорошая, настоящая, из дерева, такая школа только в городе есть, лес из Ергалана возили. Хочешь — чум поставим, очаг сделаем, будешь суп варить. Первая олени, первая рыба, первая куропатка — всё тебе дам. Жир будешь пить — хорошо!

Он бросал передовую упряжку, пуская оленей шагом, и шёл рядом с её нартами. Да, Селифон мог быть опорой. Его ещё молодое, энергичное лицо становилось почти вдохновенным, когда он описывал школу. Он, видимо, был бесконечно обрадован тем, что окружной отдел народного образования дал в его стойбище учительницу.

— Хорошая дорога, — приговаривал Селифон. — Хорошо доедем.

Олени с трудом тащили поклажу по плохо прикрытой снегом земле, и нарты наклонялись, прыгали, проваливались в ямы, почти опрокидываясь при подъёме. Сжав губы, Оля стиснула руками перекладину нарт и напругла всё тело. Может быть, именно это напряжение, эта готовность ежесекундно отразить толчок и утомляли её больше, чем самые толчки и удары.

На какой-то низинке, где снегу было больше, нарты пошли ровнее, без толчков. Селифон принялся кричать и погонять оленей хореем. Она слышала в Ергалане, что олени могут бежать быстрее лошадей, а ей не верилось. Но сейчас, беспшумные и стремительные, они мчались, и всё кругом сливалось в бешеном беге. Всё летело: камни, травы, холмы. Даже тучи, казалось, не спеша отходили назад, открывая дорогу упряжке. Только сеть красиво запрокинутых рогов неподвижно висела впереди.

— Здесь отдохнём, — сказал Селифон, останавливая упряжку у подножья холма. — Ночевать будем.

Оля села у костра. Это был маленький дымный огонёк.

Оля взошла на вершину и осмотрелась. Всюду была пустыня — белый снег, чёрные камни, чёрная вода внизу, серые глыбы туч, недвижно повисшие над землёй, вверху. Начинало темнеть, и две пустыни неразличимо переходили одна в другую. Ни леса, ни дома, ни дыма. Камни и небо, небо и камни.

Оля с волнением и гордостью подумала, что преобразователями этого края будут и её ученики.

— Ольга Иванна! — крикнул Селифон. — Иди, рыба кушай!

Она села у костра — это был маленький, дымный огонёк, на котором нельзя было сварить пищу, у которого нельзя было согреться, — и положила ноги в сапогах на груды тлеющего мха. Селифон быстрыми, чёткими движениями резал сырую мороженую рыбу на тонкие лепестки.

— Кушай строганина, хорошо! — сказал он, протягивая ей рыбу.

— Нет, нет, — сказала она и, поспешно вынув из мешка колбасу и хлеб, предложила Селифону.

— Тоже хорошо, — сказал Селифон, набивая рот колбасой. — Сейчас спать будем. Спать мешок будем, я тебе хорошая мешок дам.

— Давай сделаем костёр побольше: что-то холодно, — смущённо сказала Оля.

Они принялись собирать растущий кругом мох. Селифон рвал его резкими, сильными движениями, быстро переходя с места на место, но понадобилось минут пятнадцать на то, чтобы в его руках оказалась небольшая охапка...

— Ещё надо, Ольга Иванна? — спросил он виновато, сваливая мох в костёр.

Над костром поднялся едкий, медленный дым, и в этом дыму истлевал, не давая пламени, сырой мох. Оля невольно вспомнила весёлые костры своих пионерских лет, вспомнила пламя, встававшее широкими полотнами над костром. Такие костры они могли зажечь в три минуты. Если Селифон будет целый час собирать мох — мха не хватит на две минуты хорошего огня. В этом краю костёр, как и горячий суп, не обычное дело, а достижение. Им, как и супом, пока баловаться нельзя.

— Не надо, Селифон, довольно, спасибо, — сказала она, поднимая на него красные от усталости глаза.

Он принёс ей спальный мешок, заботливо положил под мешок остатки мха, чтоб было не так сыро от земли.

— Ложись, Ольга Иванна, — сказал Селифон, с недоумением смотря на неё.

— Ничего, ничего... Ложись, отдыхай, а я ещё посижу, — ответила она.

Он посмотрел на кормящихся мхом оленей и полез в свой мешок. Она сидела на камне, погрузив ноги до половины в дымящийся костёр, и упрямо стремилась воскресить в своей памяти облик Андросова, его голос...

Она делает всё, что требуется. Она делает всё, что требуется.

На тундру опускалась тьма. Казалось, что чёрная пустынная земля

расширяется, поднимается вверх и наполняет своей каменной чернотой пустынное небо. Тихой струёй промчался пронзительный холодный позёмок. Оля зябко передёрнула плечами. Этот ветер не имеет направления. Казалось, он исходит от всего: от камней, от воды, от оленей, от неба и облаков.

Оля поднялась и направилась к спальному мешку.

4

Стойбище было расположено очень удачно. Оно занимало плоскую вершину довольно обширного холма, подножье которого омывала неширокая, но полноводная, быстро мчавшаяся и гремевшая у скал река. А кругом на три стороны света громоздились горы. В таком месте ни северные, ни восточные, ни даже западные ветры не могли свободно свирепствовать, и это, вероятно, и было главной причиной того, что здесь возникло стойбище.

Оля была слишком измучена дорогой, чтоб рассматривать местность, но эта грозная красота помимо её желания поразила её взгляд. Горы — пики и башни, зубчатые стены, острые гребни! С их вершин рушились вниз десятки водопадов, шум которых складывался в какую-то сумрачную и величественную мелодию.

— Смотри, смотри, Ольга Иванна, вот школа! — кричал Селифон счастливым голосом, указывая хореем на одинокое деревянное здание. За школой, ближе к реке, стояли чумы, их было немного. Над чумами поднимались тонкие дымки.

Она сошла с март и быстро вошла в школу. Ошеломлённая, переходила она из комнаты в комнату.

Школа состояла из одного большого класса и нескольких маленьких комнат, но даже сараи для дров там, на юге, строились лучше, чем эта школа.

— Стекло! — восторженно кричал Селифон, подходя к окну и любовно глядя раму. — Смотри, Ольга Иванна, настоящее стекло, как в городе.

Сквозь непротёртое стекло мутно лился неясный холодный свет.

— Сам делал! — с восторгом говорил Селифон, похлопывая длинный стол, видимо, заменяющий парты. — А жить будешь... идём, идём, я всё тебе покажу! — восклицал Селифон, таща её за руку.

В коридоре она столкнулась со старой нганасанкой.

— Ная Гиндиште! — сказал Селифон, радостно похлопав старуху по плечу. — Твоя помощник теперь, класс убирай, печь топи.

Оля вошла в маленькую угловую комнату. Сквозь окно, затянутое оленьим пузырём

(стёкол, видно, не хватило), проникало сумрачное сияние, и в этом сиянии снова выступали неоштукатуренные доски стен. В углу стоял топчан — единственная мебель этой комнаты.

— Хорошая комната, правда? — сказал Селифон, смотря на учительницу блестящими, восторженными глазами. — Здесь тебе всё, всё сделают! Что хочешь — бери! Стол тебе поставлю, лампу, у меня есть. Как в городе, будешь жить. Печь тебе сделаю, суп вари, меня зови в гости, — он лукаво и счастливо засмеялся.

— Кто всё это делал? — спросила она, отводя глаза в сторону, чтобы их выражение не смутило его счастья.

— Всё сам делал! — сказал он с воодушевлением. — Тоги Ямкин и Най Окуо помогали, они в Ергалане работали. Весь колхоз помогал. Мне школу могут строить не скоро. Школу строят теперь Якову Бетту: у него в колхозе ребят больше. Мне школу построят через год. Я колхозникам сказал: «Сами строить будем». Мне секретарь партии говорил: «Подожди, Селифон, скоро до тебя доберёмся, настоящую школу сделаю». Я говорил: «Не хочу ждать, сам сделаю». Я два дня просил: «Дай Ольгу Ивановну»; пока дал. «Смотри, — говорит, — не обижай». Не буду обижать, как в городе будешь жить, Ольга Иванна! Что надо, говори. У меня ещё лес есть, Тоги и Ная дам, сам работать буду, всё сделаем! Что надо, говори!

Он стоял, улыбаясь и, видимо, ожидая ответа.

Оля восхищалась его энергией, понимала, что его нужно поддержать, похвалить, ведь построить своими силами даже такую школу — первое деревянное строение в этих местах — было очень трудно, но она чувствовала, что сейчас ей не найти нужных слов. Минутку побыть бы одной. Собраться с мыслями.

Она села на топчан.

— Селифон... Да! Ты не можешь попросить кого-нибудь принести мои чемоданы?

5

— Ольга Иванна, дети пришли в школу, учиться хотят, — сообщил Селифон, возвращаясь с чемоданами.

Голос его срывался, руки дрожали, и она поняла, как волнует Селифона встреча учительницы с учениками. Она встала, не взглянув на чемоданы. Сейчас она увидит своих учеников.

В классе на грубо сколоченных скамьях сидели мальчики и девочки, одетые в меховые одежды с наброшенными на головы капюшонами. Видимо, они пришли не заниматься, а посмотреть на учительницу — ни у одного не было ни тетради, ни карандашей. Десятки тёмных блестящих глаз, казавшихся ей неразличимо одинаковыми и очень похожими на глаза Селифона, встревоженно смотрели на неё. Никто не встал при её появлении и не ответил на её приветствие. Селифон вошёл вместе с ней и присел на скамье рядом с детьми.

— Здравствуйте, дети, — повторила она.

Но они молчали и смотрели на неё, словно

ожидали чего-то очень важного, что она должна была сделать.

— Кто-нибудь понимает по-русски? — спросила она Селифона.

— Никто, никто не понимает, — радостно усмехаясь, сказал Селифон. — Говори, Ольга Иванна, все будут понимать. Учи, Ольга Иванна.

Она ещё раз посмотрела на своих учеников и подошла к худенькому широкоскулому мальчику, положила руку на капюшон его малицы. Мальчик со страхом отодвинулся, издав какое-то гортанное восклицание, и все его соседи подались к стене, освобождая ему место.

— Как тебя зовут? — спросила она, стараясь быть спокойной.

Мальчик молчал, смотря на неё со страхом. Селифон что-то строго сказал ему, видимо, переводя вопрос учительницы. Мальчик неясно и застенчиво произнёс какое-то слово.

— Как? Повтори, — переспросила она.

Селифон снова сказал что-то мальчику, и мальчик опять издал какие-то неясные гортанные звуки. Слово, которое он произнёс, было похоже на «горох», «Григорий» и «гроб» сразу. Она попыталась повторить этот звук, и кто-то засмеялся. Она беспомощно взглянула на Селифона.

— Мгоробие, — сказал Селифон отчётливо.

Она прошла по классу, вспоминая, что она думала сказать этим мальчикам и девочкам, ничего не понимающим по-русски. В её голове как-то нескладно и хаотично вставали и проносились какие-то ненужные сейчас грамматические правила и обрывки учебных конспектов по дидактике и педагогике. Всё это было не то...

— Нам придётся очень трудно, ребята, — наконец сказала она, хотя знала, что, кроме Селифона, никто не понимает её слов.

— Я буду изучать ваш язык, а вы — русский. Потом мы сможем разговаривать, а теперь будем учиться отдельным словам. Начнём сейчас же. Вот я беру этот предмет, — она высоко подняла в воздухе карандаш. — Он называется карандаш. Повторите за мной: карандаш.

Она три раза отчётливо повторяла это слово, но никто не отзывался. Селифон что-то сердито сказал своим соседям, но дети со страхом смотрели на Селифона и молчали. Словно застыв, они впивались глазами в её лицо и карандаш и молчали.

— Я прошу вас сказать: ка-ран-даш, — сказала она упавшим голосом.

Но дети молчали.

— Может быть, это — слишком трудное слово, — сказала она, стараясь овладеть собой. — Попробуем другое.

Она подняла руку.

— Ру-ка, ру-ка, ру-ка, — отчётливо повторяла она.

Селифон опять что-то сказал детям, но они, не двигаясь, смотрели на учительницу и молчали.

Теперь и она молчала, смотря на детей и держа поднятую руку.

Наконец она опустила её.

— Селифон, — сказала она строго, — у них нет карандашей, книг, тетрадей. Пусть они пока уходят домой... пообедают.

— Перерыв, перерыв на обед, — старательно повторил он знакомые слова, видимо, слышанные в Ергалане.

— Да, перерыв на обед, — ответила она, невольно улыбнувшись самодовольству, звучащему в его голосе.

Она ушла в свою комнату и повалилась на топчан. Донёсся громкий голос Селифона, что-то объяснявшего ребятам, потом десятки гортанных нетерпеливых голосов подняли радостный крик; раздался топот ног...

Когда всё стихло, она заплакала.

Она плакала обо всём: о том, что дети её не понимают, сидят, как каменные, и убегают от неё с радостными криками; о том, что она не в силах будет это изменить, что её педагоги явно обманулись в ней и она слабая девушка, которой нужны мама, брат, подруги, солнце! Почему не хватило у неё мужества сознаться? А теперь она здесь бесполезная и бесконечно одинокая.

Она плакала и плакала, и только, когда до неё донёсся скрип двери, она перестала плакать и подняла голову.

У двери стоял Селифон и, судорожно куря трубку, смотрел на неё, морща брови.

— Зачем ты пришёл? Зачем ты здесь? — гневно крикнула Оля, стыдась своих слёз и отворачиваясь.

Селифон сел рядом с ней на топчан, выпустив целые облака дыма.

— Тяжело тебе, Ольга Иванна? — спросил он печально, теперь только поняв состояние учительницы.

Она молчала, отыскивая платок.

— Я тебе печь поставлю, — сказал он жалобно. — Всё, всё сделаю, суп будешь варить...

Услышав про суп, она не выдержала и снова разразилась слезами.

— Зачем мне твой суп! Я приехала... я приехала... я хочу учить детей, хочу вырвать их из темноты! А как я буду их учить, если я не знаю ни одного вашего слова!

Когда Селифон увидел, что Оля снова плачет, он уронил на колени трубку и заговорил. Голос его дрожал от возбуждения. Это ничего, что они не знают по-русски, а она — по-нганасански, он будет сам сидеть, как ученик, на скамье и переводить её слова, пока они не выучатся. И он построит баню, как в Ергалане, он привёз пятьдесят килограммов мыла, хорошего мыла. И школу он поправит. Най Окуо и Тоги Ямкин сейчас выпрямяют кривые гвозди: у них нет больше прямых. Они придут и сделают всё, что она захочет. И пусть она не думает, что здесь всегда темно: солнца нет только зимой, а летом оно всё время на небе, ночи нет, ей даже надоест так много солнца.

Она слушала его глухой, невнятный голос и хотя не всё понимала в его быстрой речи, ей делалось как-то легче и от его слов и от того, что она уже выплакалась...

Что ж теперь плакать? Да, она не сможет с гордостью сказать, что выполнила всё, что требовалось, но она постарается сделать как можно больше; она будет терпеливо учиться языку, пойдёт к женщинам, к матерям: с женщинами говорить легче; она сделает всё, что в её силах.

Дверь приоткрылась, и в щели показались

старуха Ная Гиндипте. Она что-то тихо и бесстрастно произнесла.

— Дети пришли, учиться надо, — сказал Селифон неуверенно и просительно.

Удивлённая быстрым возвращением детей, она распахнула дверь. В коридоре стояли все её ученики и взволнованно смотрели на неё. В руках у всех были новенькие тетради и ещё не очиненные карандаши.

Она переводила взгляд с одного лица на другое. Вот он, мальчик, которого она спрашивала в классе.

— Что это такое? — она указала на карандаш.

— Кирадас, — ответил мальчик несмело, и в молчаливой толпе детей волной прошёл и замер неясный, приглушённый шёпот: «Кирадас, кирадас...»

Тогда она засмеялась и заплакала одновременно и, уже не скрывая от Селифона слёз, повернулась к нему.

— Занятий пока не будет, Селифон, — сказала она неожиданно весело. — И ты мне не нужен: я сама буду с ними разговаривать. А ты мне пришли своих Тоги и Ная с досками и доставай сухого мха, шкуры, тряпье. Будем конопатить школу, стелить полы, белить стены. И пока всё не будет блеснуть, занятия не начнутся. Ребята будут работать с нами.

— Делай, делай! — радостно крикнул Селифон. — Всё будет, что надо, Ольга Иванна!

Как геолог обманул Селифона

1

Кирилл приходил в отчаяние. Собственно говоря, с таким же успехом он мог бы бродить по шоссе дорогам Московской области и искать там под ногами сляду. Правда, кусок мусковита, который ненец доставил в Ергалан, был отличнейшим, редким образцом. Но можно ли быть уверенным, что этот камень найден около озера Имарга? Ведь ненец тут же объяснил, что он плохо знает местность и сам живёт по ту сторону Хаты. Может быть, камень найден за сотни километров от Имарги, а они с Ергуновым вот уже три месяца топчутся на этих берегах. Три месяца! Подумать только! За эти три месяца Советская Армия освободила сотни сёл и городов!

Он должен ускорить эти поиски, он должен их ускорить! Но ведь и сейчас он спит только четыре с половиной часа в сутки.

Кириллу вдруг ужасно захотелось спать. Да, поспать бы, по выражению Ергунова, «зтак что-нибудь минуток триста»...

Нет, этот номер не пройдёт!

Пробежаться, что ли?

Кирилл вышел из палатки; на скале показался Ергунов. Он устало шёл, поминутно подтягивая мешок.

— Ну, как? — спросил Кирилл, входя вслед за Ергуновым в палатку.

— Пустяки, — ответил Ергунов, опоражнивая мешок.

Кирилл нанёс на план местности образцы пород, найденных Ергуновым, и мрачно заявил:

— Такие поиски абсолютно бесперспективны. В поисках нужна идея, конкретная идея, и план, основанный на этой идее.

— Опять? — усмехнулся Ергунов. — Твоя «идея» становится какой-то навязчивой идеей, я обеспокоен.

Кирилл вскочил.

— Но ты понимаешь, что мы детально обследовали только несколько сот квадратных километров, а надо исследовать весь горный район, километров на тридцать со всех сторон от Имарги, то есть несколько тысяч?!

— Для человека с высшим образованием ты считаешь недурно. Что ж, обследуем и тысячи.

— А сколько на это понадобится времени, остряк?

— Пока сокрыто мраком неизвестности, — невозмутимо ответил Ергунов. — А вот что мне открыто: после обеда, как ни отлынивай, тебе предстоит прогулка к Селифону: у нас мясо на исходе, борода.

— Далась тебе моя борода.

— Я оказываю почтение твоей зрелости, твоей мудрости, выраженной в бороде.

— Не буду ждать обеда, — буркнул Кирилл. — Пойду сейчас в стойбище, достану оленя.

2

До стойбища было километров десять. Кирилл шёл знакомой дорогой, но по профессиональной привычке невольно осматривал окрестности, вглядывался в камни и разрезы горных пород.

Поднявшись на вершину Хлуды, Кирилл присел отдохнуть.

Поднявшись на вершину Хлуды, он присел отдохнуть. Озеро, в длину километров двадцать, в ширину километров шесть, лежало внизу, охватываемое одним взглядом, как на карте. Сдавленное горами, блестяще светлое, оно казалось ледяным даже летом. Горы, подымавшиеся над озером, были совершенно мертвы, ни одно деревце, или кустик, или клочок травы не росли на их склонах, даже ледники, занимавшие южный уголок гор, обрывались на выходах к Ларе. Камни, только камни, взметнувшиеся вверх скалы. И, глядя на эти горы, Кирилл, как всегда, испытывал невольное волнение.

Стойбище лежало в единственной долине, соединившей озеро с просторами тундры, на берегу быстро бегущей Лары. Кирилл знал, что ещё недавно это было, может быть, самое бедное стойбище, самое маленькое селение самого малочисленного народа — нганасан.

Кирилл знал сказки этого народа, горькие сказки-мечты о великих охотниках, баснословно удачливых рыболовах, которым удавалось раз в месяц наесться до того, что ноги переставали двигаться.

И вот сейчас внизу новенькие деревянные дома: правление колхоза, склад, школа, больница, — лес для которых пригоняли по Дударе и от Дудары тащили волоком к Имарге. Тысячное стадо оленей бродило в окрестностях стойбища...

Кирилл направился прямо в правление колхоза «Новый путь». Там за настоящим конторским столом (этот стол шёл на двух связанных нартах из самого Ергалана), сидел председатель колхоза Селифон Чимере, крепко сбитый ещё молодой человек с редкой, монгольской бородкой и тёмными блестящими глазами, одетый в военного покроя китель. Вокруг стола сидели бригады: охотники, рыболовы и пастухи.

— Лето планируете? — спросил Кирилл, пожимая руки собравшимся.

— Лето планируем, — подтвердил, улыбаясь, Селифон. — Первый аргиш собираем, скоро уходим в тундру на летовку. Вот отёл важенок закончится — и пойдём.

— Много бригад собираете?

— Пять, у нас план на дикого гуся на двадцать процентов больше. Это понимаешь? В самом Ергалане Андросов, секретарь партии, сказал мне: «Ты, Селифон, помоги Гитлера бить, давай фронту гуся, давай рыбу, давай песка, давай зайца — всё давай». Такой план дали — никогда не было. Якову Бетту на пятнадцать процентов больше, мне на двадцать; я просил меньше, — говорит: «Ты справишься».

Селифон Чимере жаловался на большой план, но по его голосу и по тому, что, жалуюсь, он радостно подмигивал своим пастухам и бригадирам, Кирилл понимал, что Селифон страшно гордится тем, что секретарь окрпарткома звал его бить Гитлера и что ему дали значительно больший план, чем его вечному и пока более удачливому сопернику Якову Бетту.

— Гусей в этом году много, рыбы тоже хватит. Выполните план, — решил Кирилл. — Место только для летовки подобрать хорошее. А я к вам, знаешь, зачем? Дай мне оленя: мяско кончилось.

— Оленя не жалко, — Селифон хитро прищурился. — Пороху дашь?

— Пороху у меня мало. Полкило дам, больше не могу. Остальное деньгами.

— Дроби давай, есть? Пороху семьсот граммов.

— Дроби немного могу. Пороху больше нет.

— Сам оленя выберу, любого не дам.

— Ну, выбирай. Старого не возьму, невкусный.

— Хороший олень будет. Молодой, ногу сломал, хороший бык.

— Газет нет?

— Гиндиате вчера привёз, в Ергалане был. Газеты в школе, у Ольги Ивановны.

— Отлично, я и так собирался зайти в школу.

С Ольгой Ивановной Кирилл познакомился три месяца назад, когда приехал на поиски слюды.

Моторы медленно останавливающегося самолёта ещё оглушающе ревели, а на плоскости и фюзеляж уже лезли бесстрашные ребята. Догоняя ребят, быстро шла высокая полная девушка с типично русским лицом, одетая в национальную нганасанскую одежду — лёгкую, нарядно вышитую малицу, отороченную лисой. Сложив руки рупором, она на ходу кричала ребятам что-то по-нганасански. И Кирилл понял, что это и есть учительница Ольга Ивановна, которой он должен передать письма и книги. Он подошёл к ней, за ним подскочил Ергунов, но девушка, улыбаясь, быстро сказала:

— Идите, идите с Селифоном, а я приду позже, — и бросилась на помощь к борт-механику Белых, который яростно, но безуспешно отгонял от самолёта ребят.

Они не дождались её в правлении колхоза: по выражению Ергунова, им хотелось скорее «определиться», выбрать место, разбить палатку. Оставив письма и книги Селифону, они ушли в горы. А в воскресенье рано утром она пришла и вместе с ними отправилась на поиски. С тех пор Оля приходила почти каждую неделю, приносила газеты, задавала вопросы, касающиеся самых различных отраслей, видимо, она думала не только о школе, но и обо всём колхозе. Ергунов и Кирилл соревновались, стараясь дать лучшие ответы.

Но однажды она заявила, что прекращает свои посещения, пока они не навещат её. Кирилл твёрдо обещал прийти, когда погода окажется неблагоприятной для поисков. Но теперь всякая погода казалась Кириллу сносной — он мог думать только о слюде. И вот прошёл месяц, пока Кирилл наконец собрался «в гости» к учительнице.

Когда Кирилл пришёл в школу, Ольга Ивановна была на уроке.

Он сел в коридоре и стал прислушиваться. Она что-то рассказывала по-нганасански. Кирилл подумал, что, может быть, ей неприятно будет увидеть его у дверей класса, ведь он как бы подслушивал её урок.

В коридор вошла старая нганасанка, осмотрела гудевшую печь, взяла с полочки колокольчик и зазвонила.

Кирилл вышел в переднюю и, пройдя её, остановился у маленькой двери, выкрашенной голубой масляной краской. На двери была надпись: «Стучать».

Должно быть, это была комната учительницы.

Кирилл услышал, как с шумом вырвались из класса дети, и тут же увидел Ольгу Ивановну: она шла к своей комнате.

Заметив Кирилла, она остановилась и сказала, улыбаясь:

— Не может быть!

— Оля, понимаете...

— Всё понимаю, проходите.

Её комната была маленькой, квадратной. Против двери окно, затянутое светлыми шторами, справа узенькая деревянная кровать, покрытая блестящим пёстрым одеялом, слева столик и полки с книгами.

Увидев книги, Кирилл сразу подошёл к полкам.

— Кирилл, а вы ужасно похудели! Ну-ка, рассказывайте, как ваши дела. Садитесь и рассказывайте! — она пододвинула ему табурет.

Кирилл сел, но, как бы не расслышав вопроса, отвернулся к окошку.

Из окошка видны были горы и дорога, которой он только что пришёл.

— Кирилл!

Надо было что-то говорить.

— Дела? Что ж, дела как нельзя лучше, — сказал он, усмехнувшись, — в геологическом управлении окончательно потеряли веру в мои способности: деловые, умственные — всякие. По радию мне объясняют, что три месяца — это большой срок, а я, видите ли, сам этого не понимаю...

Кирилл насупился, помолчал, а потом заговорил горячо, словно защищаясь:

— Успешными бывают только те поиски, в основе которых лежит идея! Ведь как делают нефтяники? Разве они ищут глазами, нюхают воздух, нет ли где запаха мазута? Они сначала вычисляют в своих кабинетах местоположение нефти. Вычисляют по линиям горных хребтов, очертаниям берегов, высохших в прежние эры морей, по наличию соляных куполов. А потом приходят и начинают поиски. Качают маятник, устанавливают буровые станки, применяют сложные приборы и находят нефть на глубине двух тысяч метров. Это идея! А как ищут железо? По плану, имеющему определённую идею. Раньше пускают самолёт с прибором, записывающим мельчайшие магнитные аномалии, составляют карты аномалий, и там, где эти линии сгущаются, в самом фокусе аномалии, бурят землю. Так можно получить результаты! Но слюда не магнитна, прибора на неё не подберёшь. Она встречается с пнегматитами, гнейсами, слюдяными сланцами, ей сопутствуют полевой шпат, гранит, кварц. А где только нет этих пород! И вот мы ходим...

Кирилл оборвал себя: он вдруг припомнил, что обо всём этом он уже говорил ей же и почти теми же словами.

Ему стало неприятно, он насупился и сказал неожиданно сухо и официально:

— Я пришёл к вам за газетами.

Учительница не обиделась. Она подала ему газеты и спросила:

— Хотите посмотреть мой класс?

Кириллу хотелось одного: скорей уйти отсюда, добраться до своего спального мешка, заснуть... Но он не хотел быть невежливым и хмуро согласился. Они вышли в главный коридор (дети, увлечённые играми, не заметили их) и вошли в класс.

4

Класс — светлый, большой, чистый — был уставлен настоящими партами с чернильницами. На стенах висели портреты Ленина, Сталина, Горького, диаграммы, карты. На учительском столике лежал журнал и стояли колбочки с цветными жидкостями, приготовленные для демонстрации опыта.

Кирилл вдруг быстро обернулся к окну.

За окнами вздымались горы.

— Честное слово, когда я вошёл, мне показалось, что я в Москве, — сказал Кирилл.

— Посмотрели бы вы, какая здесь была школа, когда я сюда приехала! Но, между прочим, вы не замечаете самого интересного и того, чего вы не увидите в Москве, разве только на специальной выставке. Поверните на сто восемьдесят градусов.

На простенке у дверей были развешаны рисунки, детские рисунки, живые, красочные... Цветы, животные и бытовые сцены — охотники и рыболовы...

— Здорово, здорово!.. Здорово! — приговаривал Кирилл, внимательно рассматривая рисунки. — Особенно вот эта женщина, спускающая ветку¹ с грузом на воду, и олень около неё, склонивший рога!

— Этот рисунок делал Яша Чимере.

— Сын Селифона?

— Сын Селифона.

И тут Кирилл увидел в углу за доской отлично сделанные чучела волка, оленя, песца, маленького медвежонка, двух больших гусей и целого выводка куропаток.

— В этого песца просто хочется пустить заряд! Собственно, я не удивлён: нганасаны — прирождённые художники! Их узорное шитьё, резьба по кости — настоящее искусство! Да, здорово, здорово! Очень интересно! — повторял Кирилл, снова разглядывая рисунки.

— Они вообще очень способные, — горячо подхватила учительница, — до конца учебного года ещё две недели, а мы уже закончили учебную программу! И повторение! Правда, правда! Я ж вам говорила, к физике, математике, естествознанию у них просто дар. Я знаю, может быть, вам кажется, что я их так... расхваливаю, делаю им скидку... Мои старшие ученики уехали в интернат, учатся в десятилетке: они закончат техникумы, институты и вернутся сюда врачами, учителями, инженерами! Если бы вы знали, какие это чистые, строгие ребята, как легко они всё усваивают! Мне очень хочется, чтобы вы поговорили с ними!

— Конечно!

— К сожалению, сейчас начнёт заниматься вторая смена — маленькие. Но, может быть, и

первая смена ещё не разошлась... Вы подождите!

Она быстро вышла в коридор и, собрав детей, ввела их в класс.

— Здравствуйте, ребята, — сказал Кирилл.

— Здравствуй! — гортанным гулом прокатилось по классу, и наступило молчание.

Но теперь это было не то испуганное молчание, которым дети когда-то встретили учительницу. Сейчас класс замер в ожидании какого-то непредвиденного, но очень интересного события.

— Ребята, — сказала Ольга Ивановна торжественно. — На днях мы начнём создавать свой ботанический музей. Мы будем собирать цветы, сушить их... А Кирилл Александрович — геолог. Я вам говорила: Кирилл Александрович ищет здесь слюду. Мы придём к нему в горы, и он расскажет нам много интересного о камнях и минералах. А сейчас вы можете задавать Кириллу Александровичу вопросы. Спрашивайте всё, что хотите, спрашивайте о том, что вас больше всего интересует!

На секунду снова наступила тишина, а потом по классу прошёл приглушённый гул: дети совещались.

И вдруг вперёд выступил самый маленький из учеников — Най. Он спросил:

— Скоро нам пришлют автомобили? Я буду ездить на автомобиле в тундре!

И потом, испугавшись, что его неясно поняли, мальчик пояснил:

— Автомобиль, он, как самолёт без крыльев!

— А я буду тундра помидоры! — выдохнула тоненькая девочка.

— Неправильно, Аня, повтори, — сказала Ольга Ивановна.

Лицо девочки одеревенело, она искала свою ошибку, она думала. Но вот лоб её расправился, чёрные раскосые глаза снова заблестели.

— Я буду делать помидоры! — звонко сказала девочка, упирая на слово «делать». И тоже пояснила: — Помидоры красненькие, кругленькие. В банке!

Учительница искоса взглянула на Кирилла; она боялась, что он не выдержит и рассмеётся над тем, как её ученики разъясняют ему, что такое автомобиль и помидоры. Но, увидев лицо Кирилла, растроганное, просветлённое, она забыла о своих опасениях.

А Кирилл думал о судьбе этого народа, узнавшего самолёт раньше паровоза и автомобиля, о судьбе этих детей, об их удивительной судьбе — сколько им предстоит узнать, увидеть!

Он чувствовал такую гордость за свою Родину, такую гордую любовь к ней!

— Вам пришлют автомобили, — твёрдо обещал Кирилл. — Покончим с Гитлером, и обязательно пришлют. Самые лучшие машины, вездеходы.

Раздался гортанный клич восторга, кричал Яша Чимере. Его клич подхватили сорок голосов, а затем на Кирилла посыпались вопросы.

Спрашивали все сразу, стараясь перекрыть друг друга, и Кирилл ничего не мог разобрать.

— Ребята, ребята, так ничего у нас не выйдет, — покрывая все голоса, сказала Ольга

¹ Ветка — челнок.

Ивановна. — Придётся спрашивать по очереди, подымайте руки.

Но в это время раздался звонок к началу занятий второй смены. Кирилл попрощался с детьми, с учительницей и ушёл.

5.

Газеты были очень интересны, хотя и сильно устарели. Они сообщали подробности освобождения Одессы, Крыма, выхода наших войск к румынской границе. В последней был напечатан Первомайский приказ Верховного главнокомандующего.

Кирилл обычно читал газеты запоем, не отрываясь от них.

Но сейчас он просматривал их невнимательно, небрежно переворачивая страницы, неожиданно останавливаясь на какой-нибудь заметке, вперив в неё глаза и, повидимому, ничего не видя. Ергунов, приготовлявший обед из оленины, окликнул его:

— Отбивные готовы. Что интересного в мире?

— Да ты всё знаешь, по радио слышали, — неохотно сказал Кирилл.

— А всё-таки интересно и газету послушать.

— Возьми, читай. Газеты на ящике.

— Скажи прямо, что ты читал и ничего не помнишь. Даже дикому оленю видно, что ты думал о другом. Идею ловил?

Кирилл ничего не ответил, может быть, он и не слышал, что сказал Ергунов. Пообедали в молчании. Потом, утомлённый долгим переходом, Кирилл лёг отдыхать, а Ергунов занялся сортировкой принесённых пород и минералов.

Закончив работу, он взглянул на Кирилла. Тот лежал на спальном мешке, закинув руки за голову, улыбаясь и рассеянно наворачивая на палец завиток волос.

— Можно подумать, что ты наконец нашёл свою идею? — заинтересовался Ергунов.

— Допустим, — ухмыляясь, ответил Кирилл.

— Может быть, соизволишь поделиться?

Но Кирилл молча встал и начал одеваться.

— Да куда ты, скажи хоть слово, — возмущался Ергунов. — Подари словом!

— Оля! — ответил Кирилл, задорно рассмеялся и исчез.

6.

Кирилл не солгал. Он действительно помчался опять к Ольге Ивановне, и действительно для осуществления его идеи требовалось в первую очередь согласие Оли. Это согласие он получил немедленно, но, не удовлетворившись этим, Кирилл придирчиво старался предусмотреть все случайности, все препятствия, которые могли бы вдруг возникнуть.

— Понадобятся олени, мешки, нарты! — говорил Кирилл приглушённым шёпотом, хотя в этот час в пустой школе их никто не мог услышать. — Олени, мешки, нарты на сорок человек!

— Всё будет, всё даст Селифон, — отвечала она.

— Итак, твердо: для Селифона это — создание музея.

— Но заодно мы же в самом деле создадим музей!

— Да, но с Селифоном вы говорили о ботаническом музее. А теперь вдруг — минералогический.

— Не вдруг, вполне естественно! Ботаническим можно с таким же успехом заняться в будущем году. Тундра с её растительностью от нас не убежит, а геологи уедут. И Селифон сам придёт просить, чтобы вы взяли на себя руководство сбором экспонатов. Не вы его, а он вас будет уговаривать!

— Боюсь, ему придётся долго трудиться, пока он меня уговорит.

Она рассмеялась.

— Да, но если Селифон скажет, что школе вообще не нужно никакого музея? — снова начал сомневаться Кирилл.

— Вот этого он никогда не скажет. Для школы Селифон сделает всё, что сможет. Всё, что потребуется, — поспешно поправились она и замолчала.

— О чём вы, Оля?

— Я вспомнила, что говорил Андросов, когда отправлял меня сюда.

— Андросов уже в армии.

— Знаю, перед отъездом он мне написал.

— Оля, но если в поисках примут участие сорок человек, мы быстро справимся. А будет сорок? Все сорок, Оля?

— Сорок три. Мальчиков и девочек, больших и маленьких, — всех отдаю под вашу команду. И не бойтесь: ни комаром, ни дождём их не запугаешь.

Кирилл ухмыльнулся и потёр руки.

— Ну и покомандую я вами! А теперь берите бумагу, карандаш, записывайте, что вам завтра требовать от Селифона.

Но оказалось, что записать не так-то просто, пришлось ещё о многом поспорить, обсудить...

Когда наконец договорились, она взглянула на часы:

— Кирилл! Три часа ночи!!

— А я верю только своим глазам — и вижу день, — смеялся Кирилл. — О! Неплохой, смотрите, сейчас солнышко покажется!

Оля подошла к окну и стала рядом с ним. В небе клубились тучи, горы вставали, как тени в тумане, серые, угрюмые вечной угрюмостью исполинов. И вдруг действительно из-за туч вырвалось солнце, и, переливаясь, заблестели, засверкали скалы, ледники и водопады.

Оля распахнула окно, и шум водопадов вошёл в комнату.

А потом солнце снова зарылось в тучи, по дул ветер, и со стола сдуло листки, исписанные крупным детским почерком.

Учительница охнула и захлопнула окно. Кирилл бросился подбирать.

Когда все листки были собраны, Кирилл бережно положил их на стол.

— Не кто-нибудь писал — мои разведчики!

— Ждите завтра Селифона, товарищ командир! И я приду часиков в восемь.

— В двадцать ноль-ноль, товарищ старшина. До завтра!

Селифон так ловко повёл дело, так убедительно напомнил о случаях, когда колхоз бескорыстно помогал геологам, что Кирилл был вынужден согласиться взять на себя руководство организацией школьного музея.

Геологи перебрались в стойбище. Геологическую палатку поставили около школы. Для музея выделили в школе маленькую комнату в одно окно. Селифон прислал в школу двух колхозников, они изготовили полки для хранения минералов. И на дверях комнатки появилась сделанная Яшей Чимере резная деревянная табличка с надписью: «Музей».

Ольга Ивановна собрала ребят для беседы с Кириллом. Ребята явились торжественные, одетые в лучшие наряды.

Разместились в классе. На последней парте сидел Селифон.

Кирилл прочёл популярную лекцию о камнях и минералах, горных породах, рудах и о значении минералогии для народного хозяйства Советского Союза.

Когда Кирилл кончил, Селифон встал и торжественно объявил, что колхоз выделяет для сбора экспонатов восемь нарт, мешки и полсотни оленей.

От имени школьников выступила Аня Вакуо. Она пошла к доске, поправляя на ходу пионерский галстук, встала у доски, обернувшись к Селифону, подняла голову, закинула за плечи длинные чёрные косы и звонко сказала, отчеканивая слова:

— Мы сделаем музей, как в Москве. И напомним товарищу Сталину!

Её заявление поддержал уже знакомый Кириллу общий клич.

— Они оправдают ваше доверие, товарищ Чимере, — сказала Ольга Ивановна.

Тут же все школьники были разбиты на восемь поисковых партий. Во главе двух самых крупных партий стали Ергунов и Ольга Ивановна. Начальниками остальных партий были назначены лучшие ученики. Каждый начальник получил точный маршрут, разработанный Кириллом, и план местности. На планах были нанесены сопки, ручьи, озёра, горные складки, подлежащие исследованию. Разведчикам выдали геологические молотки и их заменители: топоры, обыкновенные молотки, большие ножи. И на утро восемь партий выехали к месту назначения, а ещё через день в школе было свалено столько образцов пород и минералов и на столах лежало столько ярких и точных рисунков, что Кириллу понадобились целые сутки, чтобы классифицировать, описать и нанести на карту весь этот материал.

На пустых полках появились первые экспонаты.

Пришёл Селифон и долго стоял у полок, беззвучно шевеля губами: он читал надписи. Надписи рассказывали о происхождении данного минерала, о месте, где он найден, и о том, как этот минерал применяется в хозяйстве.

А Кирилл, увидев Селифона, прикрыл газетой основную поисковую карту. Белые поля на этой карте быстро заполнялись.

Но дни проходили за днями, белых мест на карте становилось всё меньше, а слюды не было.

— Неужели ничего? Так-таки ничего? — спрашивала Ольга Ивановна.

— Пока ничего, — отвечал Кирилл. — Да, значит, к югу и западу от Имарги пустое место. Север мы с Ергуновым и раньше немного исследовали...

— Будем искать на востоке, — решительно сказала Ольга Ивановна. — Отправляйте всех нас завтра на Хлуду. Там десятки ручейков, ущелий, крутые обрывы, чёткие выходы пород на поверхность.

— Хлуду я проглядывал, когда шёл в стойбище с нашей бывшей базы, — с сомнением сказал Кирилл.

— Но детально вы её не обследовали?

— Нет.

— Ну и прекрасно. Завтра мы начинаем обследование Хлуды.

Но первый день обследования Хлуды тоже не дал никаких результатов.

— Марш спать! — сказал Кирилл ребятам.

Учительница смотрела, как идут мимо окна музея её разведчики. Они шли молча, не оглядываясь на окошко, сонные, усталые. Когда они скрылись из виду, она отошла от окна, села на ящик и сказала:

— Ничего, есть ещё места для исследования.

— Немного, но ещё есть, есть, — отозвался Кирилл.

— Нет, вы подумайте, чем утешаемся! — усмехнулся Ергунов. — «Есть ещё места». Давно ли мы мечтали скорее всё обследовать? Идеи сочиняли... Но ничего, командир, зато при помощи разведчиков сейчас быстро выяснится, что ненец напутал и на этих берегах нечего искать.

— В том-то и горе, что ничего не выяснится, — сказал Кирилл, — в геологическом управлении не поверят, что обследование тщательное. Тураев мне ясно заявил: геологическая логика этой части азиатской платформы показывает наличие слюды. А я против этой логики и против доставленного ненцем мусковита выдвину несколько десятков малолетних нганасан. Да, с точки зрения Тураева, это чудовищно! Это авантюра! Я говорю, Оля, о точке зрения Тураева!

— А на музей, пожалуй, материала хватит, — усмехнулся Ергунов, оглядывая комнату, заваленную камнями.

На следующий день все партии приехали почти в одно время, так как работали близко друг от друга.

Кирилл, даже не скрывая своего нетерпения, встряхивал на стол подаваемые мешки и жадно рассматривал камни. Ольга Ивановна и Ергунов помогали ему, а ребята теснились вокруг стола, следя за Кириллом.

Выпотрошив последний мешок, Кирилл выпрямил спину, достал из кармана платок, отёр лоб, руки и сел.

— Пшик, — сказал Ергунов.

— Не всё ещё исследовано, — сверкнув глазами, сказала учительница. — И жизнь сегодня не кончается.

— Дядя, дядя! — донёсся прерывающийся голос и, пробившись сквозь толпу ребят, у стола появился Най. — Еще камни.

— Мусковит! Классический мусковит!! — закричал Кирилл. — Где ты его нашёл, Най?

— А почему ты не в мешок? — гневно спросила Аня Вакуо. Най был из её отряда.

— Я опоздал, — сказал мальчик. — Я долго был скалу, ломал камни, санки уехали, я бежал, бежал...

Най с трудом вытащил большой камень, остальные, более мелкие, со стуком посыпались на пол. Блеснул мягкий золотисто-перламутровый излом, полупрозрачная мутность массы, тонкие чешуйки наружной поверхности.

— Мусковит! Классический мусковит!! — закричал Кирилл.

Раздался восторженный, ликующий гул! Дети рванулись к Кириллу, разглядеть наконец, найденное сокровище.

Кирилл поднял камень высоко над головой.

— Где ты его нашёл, Най? Где ты его нашёл?

— У водопада... На ручье... где водопад...

— Какой водопад?.. Поедешь с нами!.. Ольга Ивановна, немедленно собирайтесь! Ергунов, опомнитесь наконец!

— А начальники?.. — спросила Аня. — Можно и нам?..

— А? Что?.. Можно!.. Едем! — крикнул Кирилл и выбежал из комнаты.

* * *

Уже немного успокоившись, рассматривая мощные выходы слюды у водопада, Кирилл весело говорил:

— А знаете, Оля, я всё время верил в успех! Не могло быть, чтобы тот ненец спутал! И по-

том логика Тураева — это же очень серьёзная вещь, с ней нельзя не считаться. Но открытие — целиком ваша заслуга. Целиком! И всех ваших учеников. Я так и заявлю Тураеву.

— Нет, заслуга Ергунова, — смеясь, ответила она. — Не отправь он вас за ямсом, так бы вы и не увидели моих учеников.

— Оля! Я бы их обязательно увидел! А не приходил в школу потому, что я дрожал за каждый час! И потерял бы год. Да нам с Ергуновым понадобился бы ещё год, чтобы добраться до этого места!.. Но что же мы так стоим? Надо вызвать самолёт! Готовьте письма! Представьте, может быть, завтра я уже буду докладывать Тураеву!

И, видимо, представив себе эту встречу, он затянул ремень и лихо пятернёй расчесал выющиеся крупными кольцами волосы.

Оля смотрела на него, улыбаясь, но так пристально, словно хотела отпечатать в своей памяти каждую его черту. Потом она неожиданно круто повернулась и пошла от него.

Кирилл догнал её, заглянул в лицо:

— Вы рассердились? Огорчены? Ответьте же! Остановитесь, Оля!

Он взял её за плечо, и она остановилась.

— Оля?..

Она молчала. Но вот глаза её отыскивали что-то далеко внизу, она глубоко вздохнула, тряхнула головой...

Кирилл взглянул по направлению её взгляда, увидел стойбище. И, как всегда, он прежде всего изумился странному контрасту между могущественной, но холодной, как бы остановившейся в своём движении природой и этим маленьким, бурно растущим,

клокочущим от избытка энергии человеческим селением внизу.

Жизнь этого селения, его бурный рост были делом и её рук.

— Оля, — сказал он испуганно. — Вам, может быть, показалось, что я... расстаюсь очень легко... со всеми вами... И только радуюсь, что уезжаю?... Но ведь я так потому, что ненадолго! Ведь теперь здесь начнутся работы: определение запасов, закладка шурфов, пробные штольни! Я буду часто наезжать...

Он увидел, как отхлынула кровь от её щёк. Стараясь скрыть выступившие от волнения слёзы, она всё ниже наклоняла голову.

А в двадцати шагах торчал несносный Ергунов, окружённый начальниками отрядов.

— Нет, вы поймите, что мы открыли! — восклицал Ергунов. — Сюда уходит вниз, только маленький кусочек торчит наружу! Это — богатое месторождение, поверьте моему слову!

И, повернувшись в сторону Кирилла, крикнул:

— Можешь сбрызнуть бо-ро-ду-у-у, тебя и так будут по-чи-та-ать!..

В ожидании самолёта, вызванного по радиации, командир и разведчики с удесятёрёнными силами принялись за окончательную организацию и уборку музея. И когда самолёт сел у самого берега Имарги, музей был готов к открытию.

— Будем делать праздник, как вернёмся, — сказал Кириллу Селифон. — Без тебя праздник не годится.

И тут Кирилл не выдержал.

— Знаешь, Селифон, — сказал он, весело улыбаясь, — а я ведь тебя обманул. Этот музей выдуман для того, чтобы шире развернуть поиски. Только Ольга Ивановна тут не при чём, это была моя идея.

Но Селифон усмехнулся ещё веселей и

шире, чем Кирилл. Глаза его хитро блеснули. Он выколотил трубку и снова набил её.

— Ты меня обманул? — спросил он спокойно. — Что я тебе дал? Олени были свободны: аргииш идёт завтра. Ребята были свободны, санки были свободны. А что я получил? Музей — раз. Ребята всё знают, про все камни расскажут — два. Ты у меня сюда нашёл — три. Потом приедут, начнут работу, придут автомашины, тракторы, электричество, кино — четыре. Я каменный дом — клуб — сделаю, Якова Бетту сзади оставляю. И что мне это стоило? Пфф!.. — он дунул. — Вот как я тебя обманул.

Но, грозно сдвинув брови над сияющими синими глазами, вмешалась учительница.

— Что значит «обманул»? — спросила она, движением глаз указывая Кириллу и Селифону на стоящих вокруг ребят. — Разве и этот музей, и ваши будущие каменные дома, и эта сюда — разве это не общее дело? Разве вы для себя старались, а не для Родины?

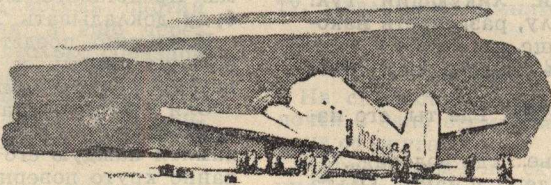
Из толпы ребят выступил Яша Чимере и объявил отцу:

— Просто вы помогли друг другу.

* * *

Мечта Селифона осуществилась: сияют по вечерам в селении широкие окна нового клуба. Под жёлтым светом электричества весело поблескивает снег. Исполнились также мечты маленького Ная и Ани Вакуо: по их родной тундре ходят автомобили, в парниках растут редиска, лук, помидоры, капуста, рассадка...

А молодой учитель Мгоробие, водив по школьному зданию своих маленьких новых учеников, никогда не забывает им рассказать историю создания школьного музея и то, как впервые прибыла сюда учительница Ольга Ивановна.

ВОЖАТАЯ

Потемнел морозный воздух.
В сонном доме тишина.
За окном роятся звёзды,
Месяц видно из окна.

В уголке коньки и лыжи,
И они, должно быть, спят.

Перед лампой гряда книжек —
Мир, открытый для ребят!

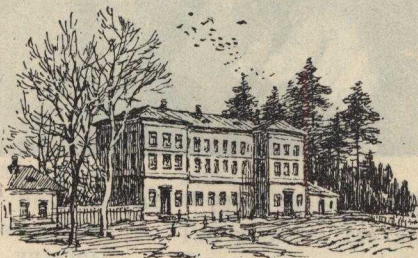
То лысенковской пшеницы
Колос глянет со страницы,
То кривой садовый нож,
То технический чертёж.

Тут и снимки и картинки;
И от каждого листка
В жизнь проложены тропинки,
Незнакомые пока!

И по ним вести вожатой
Любознательных ребят.
В каждой книге клад богатый!
Надо дать им этот клад.

Сделать так, чтоб красный галстук
С честью пионер носил,
Чтоб препятствий не боялся,
Не жалел в работе сил.

Карта Родины великой
Развернулась на стене...
Хорошо сидеть за книгой
Поздней ночью в тишине!

ОПУСТЕЛИ ШИРОКИЕ НИВЫ...

Опустели широкие нивы.
Отдыхают комбайны в тиши.
У реки, где кудрявятся ивы,
Целый день не видать ни души.

В огороде просторно и пусто.
Ходит галка в сухой борозде.
Только круглые листья капусты
Серебрятся ещё на гряде.

Между гряд разноцветные горы:
Лук, морковь, кулачки чеснока,
Алым соком полны помидоры,
Репы сушат крутые бока.

Отсверкали кипучие грозы
Летних жарких, томительных дней..
Едут в город с хлебами обозы;
У околицы ржанье коней.

Двери школы открыты широко..
В окнах классов ребята видны.
Это — славное время урока,
Деловой и живой тишины.

До свиданья, колхозное поле,
И работа в колхозном саду,—
Нынче день начинается в школе,
Первый в новом учебном году.

Стихи Е. Трутневой

Пабло Неруда.

ГОЛОС ПОЭТА

О. Савич

По другую сторону экватора, в другом полушарии, на берегу «большой воды» (так индейцы называют море) лежит очень длинная и очень узкая полоса земли, вытянутая с севера на юг.

Это Чили. С одной стороны Чили — Тихий океан, с другой — высокие горы Анды с ледниками и вечными снегами.

Ближе к тропикам, на севере Чили, дождь идёт один раз в несколько лет. А на юге, над Патагонией, бушуют снежные бури. Океан зовётся Тихим, но на самом деле он очень грозен. Остров около южной оконечности Чили зовётся Огненной землёй, но всю зиму он покрыт льдом. Если самолёт полетит вдоль Чили, он поднимется в пустыне, а потом полетит над вечнозелёными лесами, над обширными пастбищами, над

вулканами, действующими и бездействующими, над песчаными пляжами и над фиордами, над полноводными реками, над голыми скалами Патагонии, где почти всегда бушуют ураганы.

Жизнь чилийцев полна противоречий. В городах в двух шагах от пышных дворцов находятся страшные трущобы. Усадьбы помещиков похожи на санатории, а крестьяне живут в прогнивших соломенных хижинах.

На побережье океана изумительный целебный воздух, а голодающие дети бедняков умирают от туберкулёза. Потомки прежних хозяев страны — индейцы — вытеснены в Патагонию и вымирают от холода и голода.

В горах расположены медные рудники, в пустыне — селитряные копи. Рабочие селитряных шахт, прорытых под морским дном, идут от входа до места своей работы четыре часа пешком:

восемь дополнительных часов в день, которые никто не оплачивает.

Чили считается на бумаге «независимой» страной, а на самом деле ею управляют иностранные капиталисты — северо-американцы и англичане. Чили поставляет селитру почти всему капиталистическому миру. Владельцы шахт и рудников получают баснословные прибыли, а чилийцы получают за свой труд так мало, что в стране никогда не прекращается голод. Иностранные капиталисты устанавливают даже цену на хлеб. Впрочем, для половины чилийцев хлеб слишком дорог, и они питаются кукурузой или голодают.

* * *

В 1904 году в городке Темуко у железнодорожника Рейеса родился сын. У мальчика были быстрые чёрные глаза. Он рос молчаливым и задумчивым. Около домика Рейесов начинались заросли, густые и влажные. Мальчик часто убегал туда и в раннем детстве был уверен, что птицы разговаривают с ним.

Большой мир, мир людей, начинался для него там, куда уходил отец: на железной дороге. Паровозы своими протяжными гудками как будто звали мальчика за собой и жаловались, что не могут рассказать ему, как интересен далёкий мир. Отец постоянно произносил слова, звучавшие таинственно и заманчиво: это были названия станций, городов, рек, других стран. Но люди не всегда приезжали из того мира поездом; многие приходили пешком. Это были нищие индейцы в лохмотьях, безработные батраки, выгнанные с шахт рабочие. Пешком приходили и «народные поэты» — так в Чили называют певцов-сказителей, которые под аккомпанемент гитары, а чаще всего без всякого аккомпанеента поют новые и старые песни и перекладывают на стихи новости — местные, городские и иностранные, заменяя неграмотным слушателям и театр, и книгу, и газету. И мальчик слышал, как человеческое горе в стихах не только жаловалось и плакало, но и обвиняло.

Мальчик стал юношей, уехал в столицу Чили — Сант-Яго, окончил там университет. Он рано начал писать стихи и скоро понял: в поэзии — его жизнь. Однажды он прочитал рассказ чешского писателя Яна Неруды. Рассказ произвёл на него такое впечатление, что он решил печатать свои стихи под той же фамилией.

Он хорошо знал иностранные языки и поступил на дипломатическую службу. Пять лет он провёл в Азии, был чилийским консулом в Рангуне, объездил Китай, Японию, Индию, Индонезию. И везде он видел нищету, голод, темноту,

горе и чудовищную несправедливость. Ему говорили: «Не правда ли, в Индии изумительные храмы?» Он отвечал: «Да, но около этих храмов, прямо на земле, дети умирают с голоду».

В 1936 году Неруда приехал в Испанию. Он был уже известным поэтом, его знали во всех странах, где говорят по-испански. Его друзьями стали лучшие писатели Испании: Гарсиа Лорка, Антонио Мачадо, коммунисты Альберти и Эрнандес. Это было время, когда в молодой испанской республике к власти впервые пришли люди, свободно избранные народом. Но фашисты — испанские и иностранные — вовсе не хотели, чтобы для народа настали лучшие времена. Генерал Франко поднял фашистский мятеж.

Одним из первых был расстрелян попавший в руки фашистов Гарсиа Лорка. Начались бомбёжки Мадрида. Запылала вся Испания.

Но испанцы не сдались. Коммунисты возглавили сопротивление народа. Возникла народная армия. Эта армия почти три года героически сопротивлялась натиску международного фашизма.

На фронте, в казармах, на заводах в эти дни часто появлялся невысокий полный человек. Солдатам, рабочим, крестьянам говорили: «Наш друг, чилийский поэт, прочтёт вам свои стихи». Усталые люди не без удивления смотрели на Неруду: зачем на войне стихи? Но через несколько минут глаза слушателей загорались, они вскакивали с мест, они кричали: «Да! Верно! Это правда! Мы будем бороться! Мы клянёмся!»

Так в Испании Неруда стал поэтом народа. Так родилась его книга «Испания в сердце». Первое издание её было напечатано на фронте, наборщиками были солдаты.

* * *

Как сотни миллионов других людей, Пабло Неруда любил Советский Союз. Он верил в его силу и непобедимость.

Когда гитлеровцы напали на страну социализма, Неруда с первых же дней войны повторял: «Страна Сталина непобедима, как непобедима жизнь на земле». За тысячи километров от Москвы он жил теми же чувствами, которые вдохновляли и вели в бой советских людей.

1942 год приближался к концу. Гитлеровцы подошли к Сталинграду. Весь мир понимал, что решается не только судьба одного города и не только судьба войны, но и судьба всего человечества.

Зимним утром жители Мехико-Сити, мексиканской столицы, выйдя на улицы, увидели на стенах большие афиши. Это были не предвыбор-

ные воззвания, не реклама жевательной резинки, не полицейское распоряжение. Это были стихи. И назывались они «Песнь любви Сталинграду». Внизу стояла подпись: Пабло Неруда.

Крестьянин, выйдя на рассвете в поле, спрашивает у зари, держится ли город Славы, и матрос ночью в океане спрашивает у звезды, держатся ли герои Сталинграда: так передал поэт тревогу и сочувствие всех простых людей мира. «Сталинград, ты умираешь, но не умрёшь», — отвечает им поэт.

А через два месяца (сражение под Сталинградом ещё продолжалось) Неруда написал «Вторую песнь любви Сталинграду»:

Слава бойцам в огне и тумане,

Слава каждому из твоих солдат,

Небо само сражалось в твоём стане,

Слава твоему солнцу, Сталинград!

Чилийский народ вёл постоянную борьбу против своих угнетателей. Время от времени он одерживал победы, правда, недолговечные. Эти победы вдохновляли его на новую борьбу. Крепко влияние молодой коммунистической пар-

тии. Неруда стал коммунистом: «Это единственная партия Человека», — сказал он.

Разгром фашизма, победа Советского Союза внушили великие надежды всем народам мира. В Чили предстояли выборы президента, сенаторов и депутатов парламента. Народ был полон решимости дать отпор иностранным хищникам и чилийским реакционерам.

Кандидатом в президенты был выдвинут Гонсалес Видела. Накануне выборов он принёс публичную клятву в том, что будет верен народу. Он выдавал себя за личного друга поэта, старался выступать на всех митингах вместе с Нерудой. Он плакал, когда шахтёры рассказывали ему о своей нищей жизни. Он обнимал шахтёрских детей и со слезами клялся, что создаст для них прекрасное будущее.

И народ избрал его президентом. Одновременно горняки селитряных шахт, те, что работают в неслыханно тяжёлых условиях в пустыне и под морским дном, избрали Неруду сенатором. Народ ликовал. Теперь у всех будут хлеб и книги, теперь промышленность и сельское хозяйство освободятся от иностранной зависимости, теперь...

Видела оказался предателем, одним из самых гнусных изменников, каких знала история Чили и Америки, богатая изменами. Вместо того чтобы лишить иностранцев концессий, он предоставил им новые. Посол США, американские ге-

нералы стали его постоянными советчиками. Вернее, они стали его хозяевами. Он устранил коммунистов из правительства. Он арестовал испанских эмигрантов, нашедших в Чили убежище от преследований Франко. На территории Чили одна за другой стали возникать американские военные базы. Народ голодал хуже прежнего. Когда горняки запротестовали и начали стачку, Видела с неслыханной жестокостью подавил её. Он расстреливал народные демонстрации. Он ссылал в концентрационные лагеря рабочих, крестьян, коммунистов, профсоюзных работников. Он порвал отношения с Советским Союзом. Наконец, он открыто признался, что готовится к войне против Советского Союза.

Тогда Неруда написал «Дружеское письмо миллионам людей». В этом письме он рассказал всему миру историю предательства Гонсалеса Виделы. Президент не мог оспаривать факты. Чтобы заставить поэта замолчать, он решил отдать его под суд. В ответ на очередную подлость президента Неруда выступил с большой речью в сенате. Он не защищался, он обвинял. Он перечислил все американские военные базы в Чили. Он цитировал клятвы и речи Виделы и сравнивал его обещания с тем, что есть на деле. Он рассказал о концентрационных лагерях. Он прямо сказал: «Президент торгует не только землёй Чили и трудом чилийцев, он торгует их кровью и жизнью, он хочет войны, потому что войны хотят его хозяева». Сенаторы не решились прервать поэта. Они слушали, низко опустив головы. Это говорила «совесть Латинской Америки» — именно так называют с тех пор Неруду.

Судьи подчинились Виделе и его американским хозяевам: они постановили привлечь поэта-сенатора к ответственности за «нарушение интересов страны».

Ещё накануне выступления Неруды в сенате был подожжён его дом. Теперь ему грозила расправа по суду. Партия решила, что он должен уйти в подполье.

Его знали слишком многие. Чтобы изменить внешность, он отпустил бороду. Ишейки президента и американские шпионы выслеживали его, и он менял местожительство, переходил из города в город, из деревни в деревню. Везде находились люди, которые скрывали его, защищали, берегли. Одно время он жил рядом с дворцом Виделы и, осторожно выходя на улицу по ночам, видел, как президент под усиленной охраной возвращался к себе. Интеллигенты и рабочие, крестьяне и моряки, коммунисты и беспартийные открывали дверь перед поэтом-из-

гнанником и в ответ на условленный пароль говорили: «Милости просим, это честь для нас». Неруда сам рассказал об этом в поэме «Беглец». Там есть замечательная сцена. Когда молодой матрос предупреждает свою мать, что Неруда остановится в их доме, старуха смущённо спрашивает: «Но разве мы можем принять такого человека?» И сын отвечает ей: «Он знает нашу жизнь, он — наш, он не презирает нашей бедности и не смеётся над ней, он поднимает нас и защищает». И, открывая поэту дверь, старуха говорит ему: «Это ваш дом».

Много месяцев скитался Неруда по своей стране, а по его следам шли наёмные убийцы. Он перешёл границу. Но и в других странах Латинской Америки хозяйничали американцы, и там он долго жил на нелегальном положении. А в это время его стихи печатались в подпольных изданиях на родине. Напрасно полицейские сбивались с ног, разыскивая подпольную типографию, конфискуя тоненькие, плохо отпечатанные листки. Гонсалес Видела просчитался: ему не удалось заглушить голос поэта. Этот голос разоблачал и призывал к борьбе.

* * *

На Парижском конгрессе сторонников мира в один из последних дней председательствовавший объявил: «Предоставляю слово делегату Чили, поэту Пабло Неруда». Никто в зале не ожидал этого. Никто не знал, где Неруда. Ходили слухи, будто его выследили, поймали... И вот Неруда встал на трибуне и улыбнулся друзьям своей широкой, доброй, весёлой улыбкой.

Мог ли он оставаться в стороне, когда во всём мире поднялось и приняло невиданные размеры движение за мир? Он, так ненавидящий войну? Он, страстно любящий свой народ и видевший, как поджигатели новой войны ввергают его родину в пучину горя и несчастья? Он, горячий друг и страстный поклонник Советского Союза, знающий, что Советский Союз строит новую жизнь на основах правды, справедливости, добра, дружбы?

Нет, теперь его место среди борцов за мир. И он занял это место рядом с Полем Робсоном и Жоржи Амаду, с Пикассо и Арагоном, с Назымом Хикметом и Александром Фадеевым. Парижский конгресс избрал его членом Всемирного Совета Мира.

Но конгрессы, заседания, речи длятся недолго. Им предшествуют, за ними следуют дни и ночи упорной работы, пропаганды, подлинного героизма. Раймонда Дьен ложится на рельсы и останавливает поезд с вооружением. Поёт Поль

Робсон, а пули и камни летят в его сына и в тех, кто охраняет его и его песни. Сборщики подписей тайком обходят квартиры, тайком, ночью, расклеивают воззвания, и полиция набрасывается на них, стреляет, избивает, уводит в тюрьму. В Советском Союзе, в Китае, в странах народной демократии миллионы трудящихся героически стоят на вахте мира, зная, что своим трудом они препятствуют войне. В Корее героический народ яростно сопротивляется агрессии, чтобы отвоювать свою свободу и независимость.

И поэт тоже должен трудиться во имя мира. Пусть его слово убеждает, разоблачает, зовёт и вдохновляет!

И Неруда пишет поэму «Да пробудится лесоруб!».

Поэма начинается описанием Северной Америки, «растянувшейся, как шкура буйвола». В Америку возвращаются после войны солдаты. Они надеются на покойную, мирную жизнь, на работу. Но многие из них не находят работы. Американские газеты повторяют фашистские лозунги, требуют новой войны, нового пролития крови. Кровь уже льётся в Испании, в Греции, в Китае. Людей, которые борются за мир, преследуют, сажают в тюрьмы.

А в то же самое время в СССР расцветает мирный труд. Работают заводы, родится пшеница, встаёт из развалин «чистый город, сияющий Сталинград».

«В трёх комнатах старинного Кремля живёт человек, которого зовут Иосиф Сталин. Поздно гаснет свет в его окне. Родина и весь мир не дают ему отдыха... Его Родина — это часть его самого, и он не может отдыхать, потому что она не отдыхает».

Поэт обращается к простым людям Америки: «С тобой, механик, грузчик, девушка, говорит поэт, сын железнодорожника, американец, изгнанный с родины; во мне, как и в тебе, течёт кровь горняков и моряков; мы должны сказать взбесившимся поджигателям войны: ни шагу дальше».

Но что будет, если они всё-таки поднимут оружие? Тогда, предупреждает поэт, простые люди всех стран встанут на защиту человечества и Советского Союза. Французы и испанцы, греки и чилийцы, все обитатели Южной Америки вместе с итальянцами, болгарами, румынами, китайцами окажут захватчикам яростное сопротивление. Стеной встанут народы Советского Союза. И если рука захватчика коснётся этой стены, он будет испепелён.

Но Неруда верит, что до этого дело не дойдёт. Он верит, что пробудится в Америке лесоруб, Авраам Линкольн (президент США Линкольн, возглавивший борьбу за освобождение негров и

убитый рабовладельцами, был в юности лесорубом). Он поднимет свой топор против новых рабовладельцев. Пусть в каждом американце пробудится лесоруб, и война станет невозможной. Мир зависит от простых людей всего мира, от их единства.

За эту поэму Пабло Неруда удостоен Международной премии мира.

* * *

Родажные правители других государств в угоду американскому правительству закрывают перед Нерудой границы. Но песня не знает границ. Для миллионов людей Пабло Неруда — любимый поэт, борец за правду, мир и человеческое счастье.

Недавно Неруда приезжал в Москву как член жюри, присуждающего Сталинские премии мира. Это было весной. Я встретил его однажды в подмосковном лесу. Он неподвижно стоял под деревом и, затаив дыхание, слушал со своей лучистой доброй улыбкой, как поют птицы. Он приложил палец к губам и шёпотом сказал:

ПАБЛО НЕРУДА

Николай Тихонов

Я помню, как в детстве мы в школе учили:
На карте зелёным отмечено Чили.

Учили, как Анды громадой упрямой
Над выжженной, рыжей встают Атакамой,

Как медью богато далёкое Чили,—
Но всё не упомнишь, что в детстве учили...

И вот уж на старости лет предо мной
Является Чили страной иной.

В нём нет уже детской, цветистой приманки —
Над медью и нефтью господствуют янки.

Вплетается в шелест чилийских ночей
Тот долларов шелест в руках палачей.

И в этой дрожащей цепями ночи
Задумали песню убить палачи.

Но в медной стране, в этой каменной гряде,
Живут золотые рабочие люди.

— Мне кажется, я никогда не видал столько птиц, как в вашей стране. Мне кажется, что нигде они не поют так свободно и громко. Я слушаю их часами и слушал бы без конца.

Этого человека враги мира считают своим страшным врагом.

И это действительно так: доброта никогда не примирится со злом, свобода — с насилием, свет — с тьмой, правда — с ложью, честность — с изменой, поэзия и сердце человека — с войной и смертью.

Свою великолепную обвинительную речь в чилийском сенате Неруда закончил следующими словами:

«Когда минуют дни позора нашей родины, я отправлюсь в селитряную пустыню. И я скажу мужчинам и женщинам, которые пережили такое угнетение, такие муки, такое предательство: «Вот я здесь. Я обещал быть верным вашей мучительной доле, я обещал защищать вас моим разумом и моей жизнью, если это понадобится. Скажите мне, выполнил ли я своё обещание, и дайте мне или отнимите у меня единственное право, которое мне необходимо, чтобы жить честно: право на ваше доверие, на вашу надежду, на вашу любовь».

Бессонны их ночи, и тяжки их дни,
Но двери для песни раскрыли они.

И песня ушла от погони врагов —
Приют у рабочих нашла очагов.

А дальше укрыли той песни стихи
В глуши патагонских ночей пастухи.

И спрятали в шахтах её горняки,
Её увезли в океан моряки.

Летела она на волнах, в городах,
Под небом Парижа и в чешских садах.

Встречали её, как сестру, пролетая
На Запад, свободные песни Китая.

И в песни Москвы эта песня вплелась,
Так просто, как будто бы здесь родилась,

Так просто, как звёзды Москвы через тьму
Народу чилийскому видны всему!

АНДРЕЙКИН ПРОСТУПОК

РАССКАЗ

Порфирий Савельев

Рисунки Ф. Лемкуля

I

Агафья вылезла из погребца смущенная и растерянная. С черепками разбитого горшка она остановилась у открытого люка.

Левее одинокой землянки лесорубы, расположившись в тени деревьев, отдыхали после обеда. Несколько поодаль от них, заложив руки за голову, лежал заведующий лесосекой Залепухин, человек уже немолодой, начавший толстеть и, быть может, поэтому медлительный в движениях, но очень пунктуальный, требовательный и строгий. Сам он разговаривал мало и не любил, когда к нему обращались с пустяковыми вопросами.

Агафья знала характер своего начальника и старалась вести кухонное хозяйство самостоятельно, но на этот раз безвыходность положения вынуждала её нарушить установившийся обычай.

— Беда у меня приключилась, Макар Анапьевич... Хлеба у нас к ужину не хватит. Я хотела сейчас тесто затеять, к завтраку бы свежий хлеб поспел, а к ужину думала лепёшек испечь. Да вот... полезла я в погреб за закваской, а там снег

подтаял, нога провалилась, и кринку я расколола... Закваски ни капельки не осталось. Как теперь быть, ума не приложу...

В продолжение всей речи Агафьи Залепухин лежал с закрытыми глазами, и можно было подумать, что он спит.

В группе лесорубов, отдыхавших под соседним деревом, приподнялся пожилой, худощавый, с рыжеватыми щетинистыми усами человек, прозванный за сварливый характер Ворчуном.

— Ну, вот, работаешь, работаешь, а придёшь обедать, так и хлеба не окажется, — недовольным тоном заговорил он, ни к кому не обращаясь.

Эти слова Ворчуна будто подхлестнули Залепухина. Он разом поднялся на ноги и спросил Агафью:

— Так что же ты от меня хочешь? Закваску сделать я не могу. Да и не моё это дело. Одно скажу тебе: хлеб рабочим должен быть! — и, не глядя на Агафью, направился к землянке.

Агафья продолжала стоять на месте, не зная, что предпринять. Наконец она встрепенулась, отнесла в кусты черепки от кринки и громко позвала:

— Андрейка! Андрейка!

— Иду! — послышался звонкий голос откуда-то справа, и из-за землянки выбежал босой бело-головый мальчик лет одиннадцати.

Андрейка участливо взглянул в расстроенное лицо матери:

— Что, мама?

— Закваску сгубила, — вздохнула Агафья, — а хлеб у нас кончается... Сбегай, сынок, в Дубровку, достань там закваски да возвращайся побыстрее, чтобы я сегодня успела тесто поставить.

По лицу Андрейки нетрудно было заметить, что это поручение матери нарушало его планы, но он покорно согласился:

— Ладно, схожу.

— Только поскорее, сынок, не задерживайся нигде. Зайди к Степаниде, если нет у неё, попроси: пусть займёт у соседей.

— Ладно, — повторил Андрейка и крикнул: — Митя, иди сюда!

Из-за землянки показался такого же возраста мальчик с удочками в руках. Это был школьный товарищ Андрейки, часто приходивший из Дубровки проводить друга, поиграть, порыбачить вместе.

— Митя, мне в Дубровку надо, айда вместе! — предложил Андрейка.

— А на речку? — разочарованно спросил Митя.

— Порыбачить в другой раз успеем! Пошли!

Митя с явной неохотой отнёс на место удочки и вернулся, Агафья вышла из землянки с кринкою в руках, горлышко которой было перевязано верёвкой, служившей удобной ручкой.

— На, сынок, сходи, только не замешкайся нигде.

— Ну ладно же, понимаю, не маленький. Пошли, Митя!

Мальчики вприпрыжку тронулись с места и через минуту скрылись за кустами.

Землянка лесорубов находилась, километрах в двух от дороги, соединяющей сёла Дубровку и Надеждино. Делянки, тянувшиеся в сторону этой дороги, вырубались ещё в первые годы войны и за это время заросли густым кустарником. Пробраться через него было трудно. А дальше высокой стеной стояли стройные сосны. Мальчики решили идти напрямик и свернули в крупное селё. Заблудиться они не боялись: с одной стороны у них была дорога, с другой — на таком же расстоянии — река Уза, на которой стояло село Дубровка. Река и дорога, образовавшие вилю, сходились возле села, и миновать это развиле было невозможно.

Стоял яркий, солнечный день. Вызрела земляника, которой в узинских лесах было много. Мальчики увлеклись охотой за одиночными спелыми ягодами и шли очень быстро, перегоня друг друга.

В сосновых лесах, как и на сильном солнцепёке, земляника обычно растёт хилая, мелкая. Краснеть она начинает рано, но эта краснота не признак зрелости ягоды: красная на вид, она остаётся жёсткой и горькой. Опытные ягодники знают, что крупную, ароматную землянику надо искать на старых вырубках или в смешанных лесах среди негустых кустарников.

Митя знал, что ближе к Узе места богаче земляникой, и всё больше и больше уклонялся вправо. Ягоды стали попадаться всё чаще и чаще и уже целыми куртинками. Мальчики соревновались в поисках ягодных мест. Иногда они громко перекликались, сходились вместе и снова удалялись в разные стороны.

Андрейка забрёл в густой кустарник. Пробираясь через него, он неожиданно очутился на поляне, густо усыпанной спелой земляникой. Ягоды были крупные, сочные. Андрейка опустился на колени, поставил ёршику на землю и принялся проворно собирать ягоды обеими руками.

Появившись на поляне, Митя воскликнул: «Ого!» — и тоже опустился на колени. Сначала он горстями отправлял землянику в рот, потом сбросил фуражку и стал собирать ягоды в неё.

Время летело незаметно. А ягод было так много, что Андрейка даже забыл о поручении матери.

Он спохватился, когда кринка была уже почти наполовину наполнена. Андрейка выпрямился, окинул взглядом поляну: она рдела такими крупными ягодами, что не хватало сил оторваться от них. «Ещё немножечко пособираю и побегим», — подумал он и снова проворно заработал руками.

Наконец Андрейка забеспокоился.

— Пойдём, Митя, — позвал он товарища.

— Подожди ещё немного. Уж больно ягодное место попало.

Через несколько минут Андрейка снова позвал Митю:

— Пойдём, а то мама будет сердиться.

Митя не отозвался. Андрейка потоптался на месте и нерешительно двинулся вперёд.

— Я пошёл, — предупредил он товарища.

— Иди один, а я останусь ягоды собирать, — решительно заявил Митя.

Андрейка намеревался выйти на дорогу в том месте, где она сходится с Узой. Но в поисках ягод мальчики сильно уклонились вправо, и Андрейка вскоре неожиданно очутился возле реки. Крутой, обрывистый берег был сплошь завален штабелями леса, приготовленного к сплаву. Ещё издали Андрейка услышал приглушённый грохот перекатывающихся брёвен. Он доносился откуда-то снизу. Сплав проводился осенью, и этот неожиданный сейчас шум заинтересовал Андрейку. Лавируя между штабелями, он пробрался на берег, выдавшийся в этом месте острым мысом. Справа река образовала небольшую бухточку, высокий размытый берег которой сплошь был беспорядочно завален бревёшками. Обвал, видимо, произошёл совсем недавно: вода в бухточке ещё не успела отстояться, была мутная, и в ней, медленно описывая круги, плавали двухметровые берёзовые чурки. Песчаный грунт обрыва и глубокие в верховьях и широкие, веерообразные внизу. Эти песчаные ручейки вытекали и из-под брёвен. Беспорядочный ворох чурок, задержавшийся внизу у обрыва, вдруг зашевелился и медленно пополз к воде, а следом, как по команде, прыгая друг через друга, захлопотали, посыпались вниз остальные. Бухточка сплошь покрылась лесом. Чурки ныряли, кружились, с шумом сталкивались друг с другом и, попав в течение, одна за другой уплывали вниз. До самого поворота по реке растянулись сплошной цепочкой плывущие брёвна.

Андрейка постоял на берегу и пошёл дальше. «Много лесу зря пропадёт», — подумал он и стал размышлять о том, что произойдёт теперь с этими чурками. Он знал, что во время сплава на реке устраиваются специальные гавани, где сплавной лес задерживается. Сейчас же этих преград не было, бревёшки могли плыть свободно. Куда же они уплывут? Некоторые ветром прибьёт к берегу, и они застрянут; дубовые, когда сильно намокнут, утонут. Ну, а остальные? Андрейка знал, что Уза впадает в Суру. Если долго, долго плыть по Суре, то попадёшь в Волгу. А там опять плыть, плыть и приплывёшь в море. А потом? Андрейка никогда не видел моря, но оно всегда представ-

«Скорее, скорее! — торопит себя Андрейка. — Только бы не опоздать!»

лялось ему прекрасным. «Вот сделать бы небольшой плот, сесть на него и — дуй до самого моря!» Он вообразил себя плывущим на этом плоту. Вот остался позади знакомый мысок, тут он не раз купался и рыбачил. Впереди за поворотом будет густой тальник, а за ним страшный Емелин омут. Дальше снова пойдут высокие берега Надеждинского урочища с вековыми дубами. Ещё один поворот реки — и...

Андрейка остановился, как вкопанный. То, что было дальше, заставило затрепетать его сердце: дальше были плотина и гидроэлектростанция надеждинского колхоза «Память Ленина». Андрейка живо представил себе, как поток плывущих сей-

час по реке чурок, натолкнувшись на плотину, устремится по узкому каналу, по которому вода направляется в чудесную машину, и тогда...

«Надо предупредить, скорее предупредить, пока лес не доплыл до станции!» — решает Андрейка и пускается бегом по направлению к дороге.

От Дубровки до Надеждина Уза делает большую дугу. Она течёт сначала на юго-запад, потом круто поворачивает на восток выше того места, где произошёл обвал дров, делает новый поворот к югу, уходит далеко в сторону от Надеждина и возвращается туда уже с юго-востока. Протяжённость этой дуги больше тридцати километров, а прямой дорогой через лес от Дубровки

до Надеждинской плотины считают всего одиннадцать. Андрейка эту дорогу знал хорошо.

«Скорее, скорее! — торопит себя Андрейка. — Только бы не опоздать!» — и бежит, напрягая все силы. Высокая трава заплетает ему ноги, ветки больно хлещут по лицу, но Андрейка ничего этого не чувствует и не замечает. Вот и дорога впереди. Он сворачивает по ней влево и прибавляет шаг. По мягкой, песчаной дороге босиком бежать легче, но мешает кринка с земляникой. В горле от быстрого бега пересохло, хочется пить, но воды на всём пути нет.

В знакомой ложбине, от которой влево уходит тропа к землянке лесорубов, Андрейка на миг останавливается, садится под куст орешника, торопливо горстями съедает землянику, прячет пустую кринку в кусты и, поднявшись, снова бежит дальше по дороге.

II

После ухода лесорубов на работу Агафья достала муку, вымыла кадку, в которой замешивала тесто, натаскала и наложила в печку дров, дважды сходила за водой на ключ, расположенный метрах в двухстах от землянки, перемыла посуду, достала из погреба мясо и, усевшись на пенёчке, принялась чистить картофель. Она торопилась и поглядывала на солнце, которое в этот день, казалось, особенно быстро спускалось к горизонту. Вот оно уже скрылось за верхушками деревьев соседней делянки. Пора бы начинать готовить ужин. Время бы уже и Андрейке вернуться.

Если поздно поставить тесто, то хлеб может не поспеть к утру, и тогда лесорубы пойдут на работу полуголодными: ведь для рабочего человека без хлеба какой завтрак? Напечь пресных лепёшек? Хлеба они всё же не заменят. Все будут недовольны. Нехорошо! С такими мыслями Агафья затопила очаг, сложенный возле землянки, и принялась готовить ужин, время от времени поглядывая в ту сторону, откуда должен был появиться Андрейка.

Вот и суп сварился, и картошка уже закипела, а Андрейка не возвращался. Агафья решила, что он заигрался с ребятами и забыл поручение матери. «У них только свои игры на уме, а о том, что люди могут голодными остаться, у них и мысли нет!» — с досадой подумала она.

Лес окутали сумерки, повеяло вечерней прохладой. Дым, струившийся из очага, поглубел, стал низко расстилаться по полянке. Пришли с работы лесорубы. Андрейки всё не было.

Агафья молча собрала ужин, ушла в землянку. Через открытую дверь к лесорубам доносился оттуда только сердитый перезвон посуды.

Один из лесорубов, Алёша Кочетков, застучал ложкой по миске и крикнул:

— Агафьюшка, требуется хлеба подбавить!

— Двойную порцию, Агафья, неси, он ведь у нас сегодня первое место занял... С конца!

Лесорубы покрыли эти слова дружным хохотом. В дверях землянки показалось виноватое лицо Агафьи.

— Не обессудьте, — заговорила она, — хлеб-то у нас сегодня весь вышел. Да и завтра как быть, не знаю. Тесто сегодня затевать надо было, а я нечаянно закваску сгубила... Послала Андрейку в Дубровку, да запропастился где-то парнишка!

— Вот это порядок!.. От таких порядков впору из лесу бежать!.. — бросил на стол ложку Ворчун. — «Запропастился где-то парнишка!» Я бы этому парнишке показал; небось, в другой раз не стал бы балаясничать, если за делом послали!

Эти слова больно задели Агафью. Всего несколько минут назад она и сама в душе обвиняла Андрейку. Но сейчас захотелось заступиться за сына. А может, с ним несчастье какое случилось?! И в её воображении стали рисоваться картины одна страшнее другой. Агафья незаметно вытерла слёзы кончиком платка.

Николай Пряхин, молодой высокий парень, вышел из-за стола.

— Давно ушёл Андрейка? — спросил он.

— Сразу же после обеда, — ответила Агафья.

— Не горюй, ничего с ним случиться не могло. Мы сейчас пойдём, разыщем... — сказал Пряхин. — Пойдёмте, товарищи, поищем Андрейку. А то в лесу уж темно, если заблудился парнишка, страшно ему, поди.

* * *

Андрейка тронулся в обратный путь, когда солнце было ещё высоко над горизонтом. Возбуждённый и радостный, он бодро шагал по дороге, вспоминая все подробности только что пережитого. Новые, ещё неизведанные чувства переполняли Андрейку, ему хотелось поделиться с кемнибудь своей радостью, рассказать, как сам заведующий колхозной электростанцией товарищ Строганов пожал ему руку и сказал: «Спасибо тебе, Андрейка, за такое дело, от всего колхоза спасибо!» Но в лесу никого не было. По бокам дороги стояли молчаливые, ко всему безучастные сосны и, казалось, с тоской провожали заходящее солнце. Возбуждение Андрейки постепенно улеглось, и он сразу почувствовал страшную усталость. Ноги отяжелели. Андрейка решил отдохнуть и опустился на землю тут же, у обочины дороги.

Напротив, у самой колен, стояла толстая сосна, в нижней части ствола её на большом участке была сорвана кора. Андрейка припомнил, что когда он бежал в Надеждино, ствол этой сосны был освещён солнцем и на ране ярко блестели золотистые капельки смолы. Андрейка вспомнил также, что ему тогда очень хотелось пить, но он

не думал об этом, его больше всего волновало, успеет ли он опередить плывущие брёвна. Показалась река; убедившись, что брёвен на ней нет, он тут же спустился под обрыв берега. Черная вода из речки пригоршнями, он долго не мог утолить жажду. Потом он вспомнил, как вошёл в помещение электростанции. Заведующий, товарищ Строганов, спросил сердито: «Тебе что здесь нужно? Вход посторонним сюда не разрешается». А прощаясь, он говорил ласково: «Когда будешь ещё в Надеждине, заходи к нам, Андрейка».

Сгустились сумерки. В лесу стало тоскливо и жутко. Андрейка поднялся и заторопился дальше.

По пути Андрейка разыскал оставленную в кустах кринку. Она напомнила ему о невыполненном поручении матери. На душе сразу стало сумрачно. И чем дальше Андрейка размышлял об этом, тем всё серьёзнее казался ему совершённый проступок. Он уже стал думать, что достать закваску было гораздо важнее, чем предупредить колхоз о плывущих по реке брёвнах. Ведь из-за того, что он не принесёт закваски, лесорубы завтра останутся без хлеба. И как это смог он забыть о закваске, когда был в Надеждине! Андрейка понял, что он провинился не только перед матерью, но и перед всеми лесорубами и что они вправе потребовать у него отчёта. Он представил себе, как сурово посмотрит на него Макар Ананьевич и скажет матери: «Вот какого сына ты вырастила!..» И все лесорубы будут смотреть на Андрейку осуждающе... Андрейка готов был заплакать. Но плакать для пионера — тоже дело неподходящее, и он сдержался.

В воздухе запахло дымом. В вечерней тишине уже доносился смутный гул голосов. Андрейка приближался к дому. Это радовало его и в то же время пугало.

Агафья первая заметила сына.

— Сынок ты мой родной, да где же ты так долго задержался? — запричитала она тоном, в котором слышались и радость и упрёк. — Теперь и тесто, не знаю, поспеет ли. Давай-ка скорее кринку!

Андрейка остановился. Агафья подбежала к нему с протянутыми руками.

— Давай же скорее закваску, непутёвый! — уже сердито заговорила она. — Из-за тебя людям к завтраку хлеб не поспеет. Ой, да где же закваска? Неужто Степанида нигде не достала?

— Не был я в Дубровке, — с трудом выговорил Андрейка.

— А где же ты, негодный, столько времени пропал? — угрожающе закричала Агафья.

— Я в Надеждино бегал, — еле слышно проговорил Андрейка.

— В Надеждино? Да зачем же туда нелёгкая тебя носила? — удивилась Агафья. — Это ты так выполняешь поручение матери?

В изнеможении Андрейка опустился на землю. Положили лесорубы, собравшиеся искать его. Пряхин присел возле мальчика на корточки и спросил:

— Зачем же ты бегал в Надеждино?

В тоне его слышалось заботливое участие. Андрейка очень уважал Пряхина и, чтобы не обидеть его, пересиливая усталость, рассказал про обвал берега и про то, как, испугавшись, что плывущие брёвна могут поломать машину надежинской электростанции, он решил предупредить колхозников об опасности.

— А про закваску я тогда и забыл, — сквозь слёзы проговорил Андрейка и виновато опустил голову.

— Закваска — пустяки, — сказал Пряхин. — Ты правильно сделал, Андрейка. Как настоящий пионер. Молодец! А что же тебе на станции сказали?

— Дяденька Строганов сказал, что хотя на станции устроена защита, но когда много брёвен плывёт, то это опасно... что благодарит... от всего колхоза...

— За такое дело и следует от всего колхоза. Молодец, Андрейка! — повторил Пряхин, положив руку ему на голову.

— Молодец-то молодец, да ведь без хлеба всех оставил, — с упрёком проговорила Агафья и, повернувшись к Залепухину, спросила: — Как же теперь нам быть?

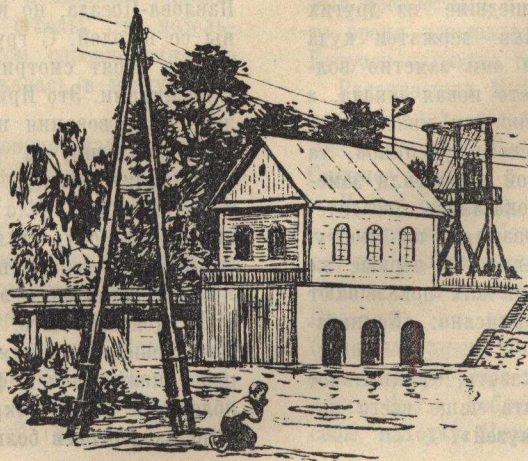
— А что как быть! Парень не в бабки играл, дело сделал, — ответил за всех Алёша Кочетков. — А мы без хлеба за день, думаю, не умрём, — и он вопросительно посмотрел на Ворчуна.

— Ты что это на меня уставился? — заворчал тот. — Думаешь, я меньше твоего понимаю?

— Ну что вы тут столпились, как на ярмарке, — сурово произнёс Залепухин. — Не видите разве, что парнишка устал. Ему отдых нужен.

И, бережно подняв Андрейку на руки, понёс его в землянку, бросив на ходу Агафье:

— А ты готовь-ка к утру пресные лепёшки.

ЧЕМ ГОРДИТСЯ ШКОЛА

Ю. Новикова

Чудесно пахнет первый школьный день: новыми книжками, свежевывытыми полами и — чуть-чуть — масляной краской. А ко всему примешивается негустой, но стойкий запах осенних цветов. Букеты последних летних цветов в руках у девочек. Огненными настурциями и лиловыми астрами пестрят газоны под окнами... Ребята весело поднимаются по лестнице. В их шумной толпе нетрудно различить новичков: здесь и совсем ещё робкие малыши и пятиклассники, перешедшие из других школ. И хотя пятиклассники держатся куда независимей малышей, но и они заметно волнуются: всё же это не просто новая школа, а восемнадцатая, известная многими увлекательными и славными делами своих учеников, та самая школа, ученики которой вырастили замечательный фруктовый сад, оказались победителями на областных соревнованиях по спорту, авиамоделизму... И, как правило, в первые же дни учёбы в этой школе новичкам показывают комнату, на двери которой написано: «Комната-выставка».

«Выставка» — это, так сказать, официальное название. Между собой ребята чаще всего называют эту комнату «наш музей».

Он возник четыре года назад, в дни десятилетия школы. С тех пор преподаватели и школьники приносят сюда фотографии, документы, альбомы, — словом, всё, что так или иначе связано с событиями школьной жизни. И постепенно в этой комнате скопилось множество памяток об интересных делах и людях, о том, чем по праву гордится школа.

Вот на стенде фотографии первых выпускников. Большинство этих молодых инженеров, врачей, агрономов, учёных работает далеко от Павлова-Посада, но иные и сейчас тесно связаны со школой. С групповой фотографии со стены на ребят смотрит смеющееся лицо девочки с косичками. Это Ирина Лёдова, юннатка первых лет существования школы. А когда начинается урок биологии, за учительским столом ребята видят учительницу, очень похожую на девочку с фотографии. Дело в том, что Ирина Лёдова, окончив школу, стала агрономом, научным работником и теперь преподаёт биологию и ведёт кружок юннатов в этой школе.

И, должно быть, приходя в музей, Ирина Алексеевна с особым чувством останавливается перед пожелтевшей фотографией, изображающей яблоню в цвету, окружённую пионерами. Это одно из деревьев большого фруктового сада, вы-

ращенного руками ребят в те годы, когда Ирина Алексеевна была ученицей. Сейчас эта яблоня стала ещё гуще, ещё ветвистее. Труды пионеров-юннатов не пропали даром: великолепно разрослись и сад и цветник, широко прославив восемнадцатую школу Павлова-Посада.

В музее хранится знамя ЦК ВЛКСМ, вручённое школе за посадку прекрасного фруктового сада. Здесь же ребята видят грамоты лучших юннатов — участников Сельскохозяйственной выставки — и письма, письма, письма... В них школьники Сибири, Дальнего Востока и холодного Севера просят юннатов восемнадцатой школы поделиться опытом и прислать семена садовых цветов. Пишут десятиклассники и третьеклассники, даже совсем ещё маленький мальчик написал очень красиво и вполне грамотно, хотя и без запятых: «Пришлите нам пожалуйста в пакетике семян. Мы все будем рады. Спасибо вам».

Отличная работа юннатов стала традицией восемнадцатой школы. Из года в год завоёвывает она переходящее знамя лучших садоводов.

Другая гордость школы — молодые спортсмены, физкультурники. Вот фотография хорошо известной новичкам Люси Карзановой, лучшей лыжницы области. Рядом другие «родоначальники» славной плеяды школьных спортсменов: лыжник Женя Кузьмин — теперь студент-медик и одновременно заочник Государственного института физической культуры имени И. В. Сталина, — он готовится стать врачом-физикультурником; футболист Виктор Семёнов и бывший школьный чемпион по шахматам Август Ревзон. Сейчас они оба студенты Института физической культуры. Здесь же портреты ученицы Валентины Галаановой и других юношей и девушек. Завоевав спортивное первенство, они оставили о себе в школе хорошую память: все эти годы восемнадцатая школа не уступает первенства по плаванию, лыжам и лёгкой атлетике никому в городе и районе. Прозрачные крылья модели планёра, сделанного Серёжей Лейкиным, напоминают ещё об одном рекорде школы. Это модель-победительница на областном соревновании по авиамоделизму; она продержалась в воздухе девятнадцать минут.

Но не об одних рекордах говорят материалы музея. Здесь отражена обычная жизнь школы — учёба, праздники, походы, экскурсии. Начиная с младших классов, ребята знакомятся с промышленностью своего края, известного главным образом текстилем. Школьники побывали, например, на Павлово-Покровской текстильной фабрике, и те-

перь на одной из витрин выставки показано производство полотна. На другой витрине образцы продукции Ленской и Карповской фабрик, цветные платки и ткани Городковской фабрики, яркие ткани и погоны фабрики имени Свердлова.

Летом каждого года ребята совершают дальние походы. Вот фотографии и дневники, в которых рассказывается о впечатлениях, полученных в Ясной Поляне. Ребятам старших классов, побывавшим в Ясной Поляне, это очень пригодилось, когда им пришлось писать сочинение на тему о Л. Н. Толстом. Ведь ничто так отчётливо и прочно не укладывается в памяти, как то, что увидел своими глазами.

На одном из стендов фотография автора книги «Люди с чистой совестью» Вершигоры с личной его надписью. Писатель подарил эту фотографию участникам школьного похода по местам, где в годы войны били врага партизанские отряды дважды Героя Советского Союза С. А. Ковпака. В альбоме хранятся письма самого Ковпака.

«Дорогой друг, — пишет Ковпак одному из участников похода, — вы должны учиться на этих славных, бесстрашных примерах истории нашей Отчизны, творцами которых были ваши отцы, братья и деды. Так же как и они, вы должны мужественно и бесстрашно защищать нашу цветущую родину — СССР».

Целый год готовились к этому походу ребята вместе со своим преподавателем физкультуры Михаилом Семёновичем Сафроновым. Имя этого уже немолодого, но неутомимого руководителя дальних походов упоминается во всех альбомах и путевых дневниках.

Михаил Семёнович — живой источник старинных преданий. Сколько интересных историй рассказывает он в походах ребятам! От него ребята услышали рассказ о партизане войны 1812 года крестьянине Герасиме Курине. Он был крепостным и жил в селе Вохневе — так в то время назывался Павлово-Посад. Курина сам Кутузов награждал георгиевским крестом.

Рассказывал Михаил Семёнович и о ещё более древних годах, о том, что происходило здесь, на реке Вохне, в начале 17-го века, в Смутное время.

И вот однажды, копая яму для парников, ребята услышали, что лопата зазвенела, ударившись о что-то твёрдое. Оказалось, это кубышка. Она была наполнена монетами неправильной формы с надписью: «Мих. Фед.». Ребята принесли свою находку Михаилу Семё-

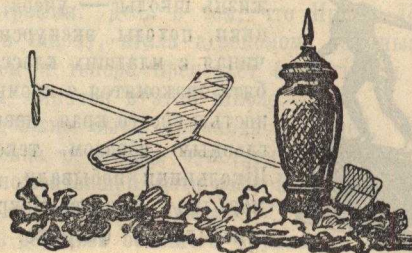
Ребята рассматривают в школьном музее призы, завоеванные спортсменами школы.

новичу, и он разъяснил им, что это монеты времён первого царя из рода Романовых — Михаила Фёдоровича. Должно быть, жители в Смутное время, боясь интервентов, прятали свои деньги в землю. Специалисты-историки и знатоки монет — нумизматы — подтвердили догадку Михаила Семёновича. А ребята с тех пор овладели страстью к раскопкам, и музей скоро пополнился различными интересными вещами. На берегах Вохны и Блязмы юные археологи находили окаменелости с отпечатками раковин и моллюсков — признак того, что сотни миллионов лет назад здесь было морское дно.

В земле попадались позеленевшие от времени монеты различной формы, обломки орудий труда, украшений и другие следы жизни наших предков. Встречались, правда, находки и не столь древние. Один мальчик отыскал глиняную бутылочку, которая производила впечатление очень старинной, но обнаруженная на ней дата показала, что ей всего шестьдесят лет. В другой раз ребята притащили в музей заржавевшую шашку — на первый взгляд она тоже казалась музейной редкостью, а в действительности она была не старше бутылки. И всё же эти вещи бережно хранятся в музее. Неважно, что глиняная бутылка и другие находки не представляют особой исторической ценности, —

дорого чувство, с которым раскапывал их юный археолог. Ведь ребята, откопавшие их, проявили терпение и упорство, достойные настоящих изыскателей. И если это чувство сохранить, кто знает, какими научными изысканиями юный археолог может прославить свою школу, свою Родину.

...Осмотр «музея» окончен. Новички выходят в коридор, больше похожий на сад, — так густо заставлен он всевозможными цветками. Глядя на эти цветы, новички думают, что и они вырастят замечательные растения, разыщут редкие минералы, памятники старины. И, может быть, в новых грамотах, рассказывающих о новых школьных рекордах и достижениях, будут упомянуты также и их имена.

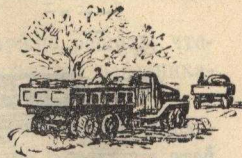

Всегда готовы

М. Львовский

Тёплые яблоки в круглых корзинах
Уезжали из сада на пыльных машинах...
Мы свежей травой их прикрыли в дорогу:
Пусть будет в пути им прохладней немного.

А когда пятитонки затихли раскаты,
Нас построил в шеренгу старший вожатый.
Он сказал, что работали все мы, как надо,
И за труд объявил благодарность отряду.

Прозвучали в ответ два коротеньких слова,
Так, что эхо вдаль повторило: «Готовы!»,
Словно поле, река и высокие ели
Обещание наше запомнить хотели.

По дороге пошли мы в строю по четыре,
И вечернее небо казалось нам шире,
Летний воздух прозрачней, земля необъятней,
Даже птиц перекличка казалась понятней.

Пионерскую песню запел запевала,
Мы, пропев её, вновь начинали сначала,
Пионерскую песню костров и походов —
«Готовься в дорогу на долгие годы!».

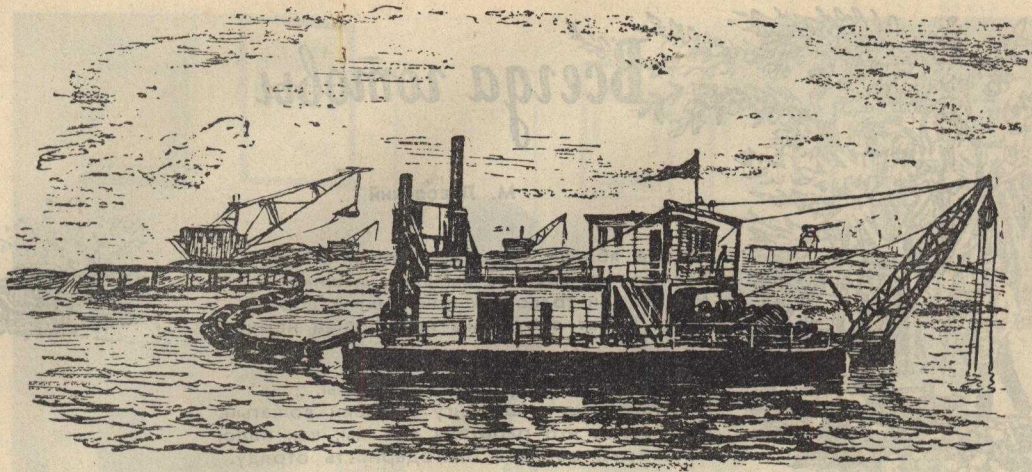

А когда на закате в село мы вступили,
Все колхозники окна пошире раскрыли,
И, наверно, повсюду про нас толковали,
Только мы торопились, только мы не слыхали.

Под навесом тесовым нас ждал золотистый
Мёд ароматный, прозрачный и чистый.
Молоком мы его запивали из кринок,
К звёздам головы запрокинув.

И лишь на колхозном большом сеновале
Нам стало понятно, как все мы устали.
Но каждый подумал, уже засыпая:
«Всю жизнь мне прожить бы, вот так уставая!»

ВОДА-СТРОИТЕЛЬ

А. Некрасов

Рисунки В. Цельмера

МОГУЧИЙ РАБОТНИК

Вода — могучий работник. Миллиарды лет изо дня в день она упрямо разрушает горы, где по песчинке, по горсточке смывает и уносит их в низины; где налетает в лоб, с разгону, с рёвом и грохотом ломая твёрдые скалы; где, подкравшись тайком, подмывает подошвы гор, и горы падают, разбившись на тысячи кусков, а вода, подхватив обломки, дробит их, уносит за тысячи километров и бережно опускает добычу в глубокие тайники морей.

Миллиарды миллиардов тонн земли подняты, перенесены и уложены под водой. Долины и русла рек, просторные равнины, глубокие ущелья и овраги, прибрежные отмели в морях, широкие косы и острова в реках... Куда ни помотришь, везде видна работа воды.

Жаль только, что людям мало пользы от этой работы. А порой и прямой вред приносит человеку вода: там ползёт берег, подмытый водой, там овраг перерезал пахотное поле, там весенний разлив разрушил дорожную насыпь, там выросла мель посреди судового хода, а бывает и так, что ни с того, ни с сего, сама себе загородив дорогу, большая река выбирает новый путь, и целая страна, лишившись воды, превращается в пустыню.

Веками следили люди за работой воды, дивились её грозной силе и, конечно, мечтали обуздать воду, заставить её работать по их указке. Но вода упрямо не желала покоряться

человеку. И только в сказках богатыри-герои умели управлять могучими силами воды.

Был у древних греков миф о герое-полубоге Геракле. Много подвигов совершил Геракл, но однажды и он стал втупик: нужно было очистить огромные конюшни царя Авгия, в которых за долгие годы скопилось много навоза. Очистить конюшню — работа не хитрая, но, как говорят в наше время, «трудоемкая». Даже богатырю-полубогу с вилами да с лопатой трудно было управиться с таким делом в срок. Тогда Геракл подвёл к конюшням царя две быстрые реки — Алфей и Пеней, — и вода сделала то, что годами не могли сделать рабы Авгия.

Эта сказка прожила тысячелетия. Люди рыли глубокие котлованы, копали крепостные рвы, прокладывали дороги в горах, соединяли реки каналами. А подвиг Геракла так и оставался несбыточной мечтой, и только в наше время человек покорил воду, заставил её работать по своему приказу, и дела, подобные подвигу Геракла, каждый день совершают простые советские люди на стройках, которые народ назвал великими стройками коммунизма.

Небывалые работы взялся совершить советский народ: прорыть тысячи километров глубоких каналов, создать новые моря, перегородить Волгу, Дон и Днепр высокими плотинами мощных электростанций, повернуть Аму-Дарью на новый путь...

Чтобы осуществить эти смелые замыслы, придётся пробурить тысячи глубоких скважин,

забить в землю сотни тысяч стальных свай, приготовить и уложить миллионы кубометров бетона, создать невиданные турбины и генераторы, построить новые города, с места на место перенести старые...

Много разных работ ждёт строителей, но больше всего им придётся выкопать, перенести и уложить земли.

Нужно расчистить просторные площадки под новые города, нужно вырыть котлованы для будущих огромных сооружений, прокопать глубокие каналы, заровнять, где нужно, впадины, овраги, насыпать дамбы и плотины, которые будут удерживать новые моря... С лопатой да с тачкой нечего и браться за такую работу. Вот если взнудать воду да заставить строить, сделать из неё послушного помощника, — вот тогда дело пойдёт!

ВОДОГОН

Говорят: «Вода камень точит». Это верно, но не всегда. У воды, пока она неподвижна, удивительно покладистый характер: она покорно принимает форму сосуда, в котором заключена, и так же покорно изменяет свою форму.

Бросьте в неподвижную воду крошечную песчинку. Если удельный вес этой песчинки хоть немного больше удельного веса воды, песчинка потонет и будет медленно опускаться вниз до тех пор, пока не ляжет на дно сосуда.

Как ни мала песчинка, как ни легка, на любой глубине вода покорно уступит ей дорогу, расступится и пропустит песчинку туда, куда влечёт её сила земного притяжения.

Но стоит воде придти в движение, от её покладистого характера не остаётся и следа. Всё, что встречается на пути движущейся воды, — будь то гладкий берег ручья или камень, перегородивший дорогу, — всё ей помеха. Бурля и кружась, несётся поток падающей воды, бежит, разрушая всё на своём пути, перекатывает камни, поднимает песок, подмывает берега, и чем круче падение воды, тем быстрее бег потока, тем больше его разрушительная сила, и, кажется, нет преграды, способной его остановить. Поток упорно пробивает путь сквозь горы, а если обвалится берег, сдавит, сожмёт русло потока, — в этом узком месте вода не замедлит, а, наоборот, ещё ускорит свой бег. И только там, где широко и просторно, вода разольётся спокойным озером, потеряет свою силу и всё, что несла с собой, опустит на дно.

Значит, чтобы превратить воду в землекопа, нужно заставить её разбежаться побыстрее. Чтобы сделать её носильщиком, нужно проложить ей дорогу и вместе с поднятой землёй, с

песком отвести туда, где земля нужна для стройки.

А чтобы сделать воду укладчиком, нужно остановить её бег, дать ей успокоиться, отстояться и, когда она опустит на дно всё, что принесла с собой, чистую, осветлённую воду отпустить на свободу — куда-нибудь в реку, в озеро, в море...

Вот три задачи, которые нужно решить, чтобы превратить воду в послушного работника-строителя.

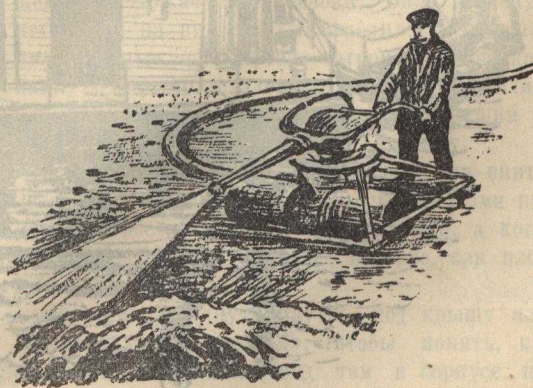
Но сделать это нелегко. Проще всего проложить дорогу воде и заставить её бежать по этой дороге. В древнем Риме инженеры уже умели строить водопроводы и воду рек по трубам проводили в города. Гораздо труднее дать воде нужный разбег. Больше ста лет назад русские инженеры на Урале заставили воду работать на добыче золота. Заключив в трубу воду быстрой горной реки, они направляли её к месту разработки, и вода послушно трудилась, размывая золотоносные пески. Но горные речки не так уж часто встречаются на земле, а поднимать воду на гору, чтобы потом сбросить с большой высоты, — бесполезное дело. Легче лопатами, вручную выкопать пруд, чем поднять его на гору.

Правда, воду можно качать насосом. Но там, где речь идёт о земляных работах, нужны целые реки воды. А таких насосов, чтобы загнать в трубу целую реку, долго не могли придумать.

Но вот в начале прошлого века русский инженер А. А. Саблуков изобрёл насос для подачи воздуха в глубокие шахты.

В 1835 году центробежный воздушный насос Саблукова впервые начал работать на одном из алтайских рудников. И в том же году изобретатель попробовал качать своим насосом и воду.

Опыт удался. Центробежный водяной насос Саблукова, «водогон», как назвал его изобретатель, мог гнать воду с огромной скоростью в огромных количествах.

Трудная задача наконец была решена. Но осталось ещё найти удобный двигатель для водогона.

В то время паровые машины уже работали повсюду, но таскать за маленьким насосом громоздкую машину с тяжёлым котлом с запасом топлива невыгодно и неудобно.

Водогонки работали на заводах, на шахтах, на кораблях — всюду, где близко был пар, но прошло ещё много лет, прежде чем с помощью водогона удалось взвалить на воду тяжёлую работу землекопа.

В конце прошлого века русский учёный Доливо-Добровольский изобрёл лёгкий, удобный электромотор, который мог работать за сотни километров от электростанции. И вот наконец уже в годы советской власти появились на свет первенцы современной гидромеханизации — гидромонитор и землесос.

Тяжёлую лопату землекопа впервые заменила мощная струя воды. Но на первых порах ей пришлось копать не землю, а торф. Мощные гидромониторы впервые стали работать на торфяных полях под Москвой.

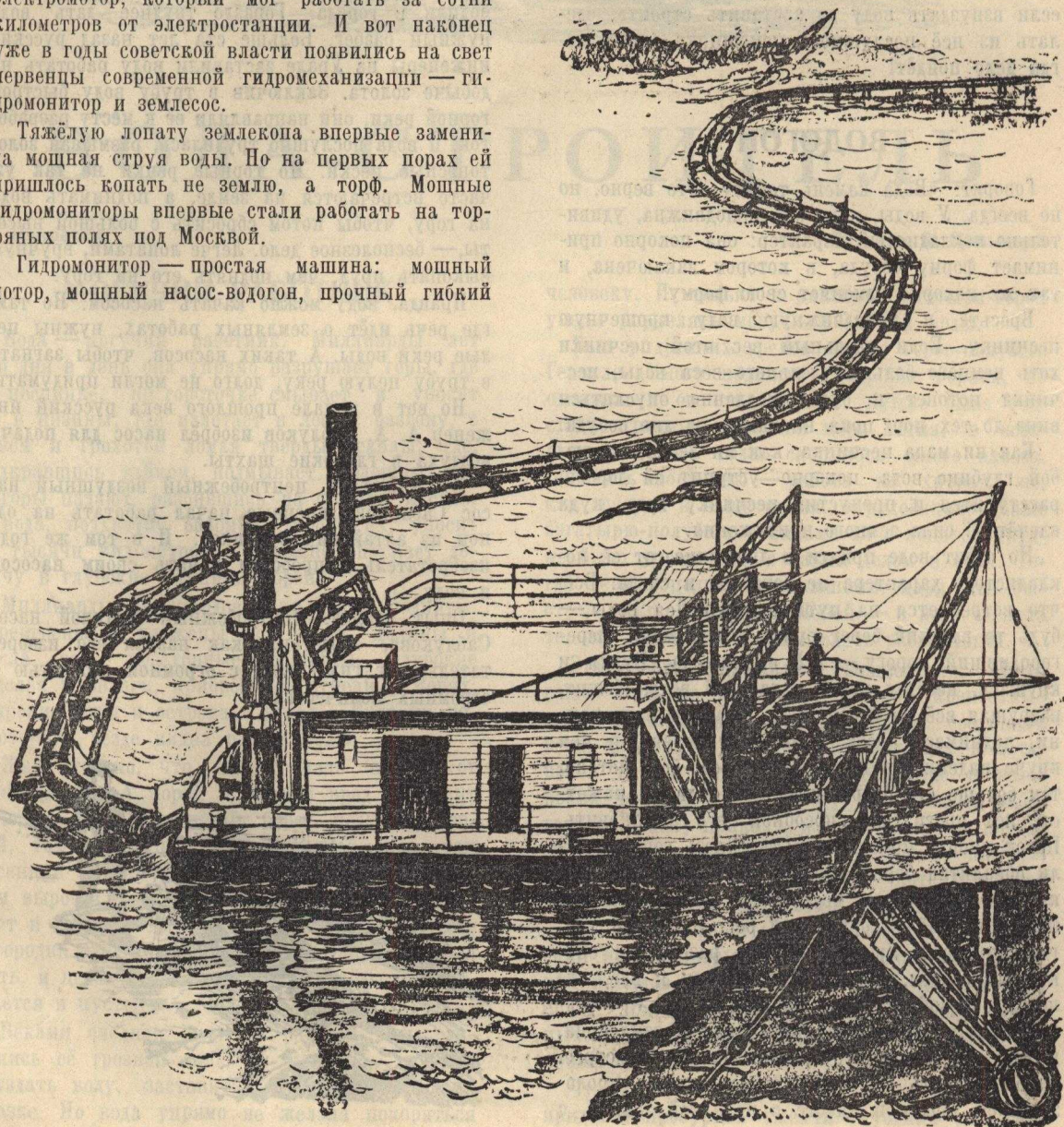
Гидромонитор — простая машина: мощный мотор, мощный насос-водогон, прочный гибкий

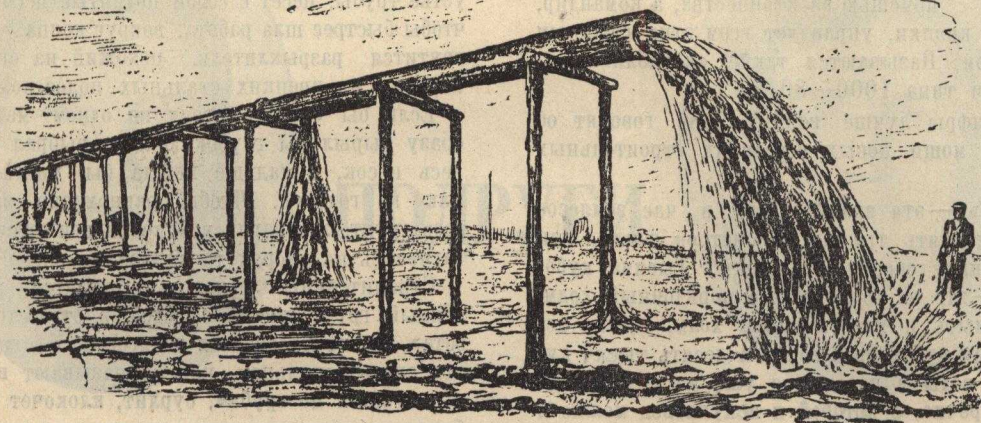
шланг и металлическая труба на подвижной треноге — вот и всё.

Труба эта с виду похожа на пушку, это сходство не ограничивается внешностью: гидромонитор и действует, как пушка. Только стреляет он не ядром, не снарядом, а непрерывной стремительной струёй воды.

А струя воды, летящая со скоростью больше двухсот километров в час, тоже похожа на артиллерийский снаряд.

Рабочий, как пушку, нацеливает гидромонитор, пускает воду, и струя, врезавшись в торф,

подхватывает, разносит в стороны песчинки, камушки, корни, глубже и глубже забирается в толщу слежавшегося мха, заполняет каждую щелку, каждую трещинку, с чудовищной силой разрывает сросшиеся стебельки... Там, где только что зеленели кочки торфяного болота, остаётся глубокая воронка, наполненная бурлящей коричневой водой, похожей на кофейную гущу. Она хлещет фонтанами через край воронки и целым озером растекается кругом.

За сутки один гидромонитор может размыть до десяти тысяч кубометров торфа!

Но разрушить торф — это не всё. Нужно ещё собрать поднятые струей мельчайшие стебельки торфяного мха, которые разбрелись и носятся в бурлящей воде. Это дело тоже поручают воде.

Рядом с работающим монитором опускают в воду приёмную трубу «торфососа». Это тоже несложная машина: труба, водогон и снова длинная труба. Торфосос сосёт размытый торф, гонит по трубам на сухое ровное поле, со всех сторон окружённое невысоким земляным валом. Тут вода разливается широким озером, останавливается, теряет силу и, просочившись в землю, уходит, оставив на дне слой чистого торфа. Солнце сушит торф, а потом приходит трактор с ножами, приделанными к колёсам, и режет торф на ровные кирпичи. Там, где прежде по колено в гнилой, болотной воде трудились тысячи рабочих-торфяников, сейчас трудится вода, а люди с помощью машины только управляют ею. Тридцать лет назад, когда только что появилась эта нигде и никогда в мире невиданная техника, она поражала людей, и люди за тысячи километров приезжали на торфяные поля Подмосковья, чтобы своими глазами увидеть, как работают эти необыкновенные маши-

ны. Сейчас они никого не удивляют. С 1928 года землесосы и гидромониторы стали применяться в горном деле, а через три года пловучие земснаряды уже работали на строительстве Южной гавани под Москвой. С тех пор гидромеханизация стала широко применяться в строительном деле — и каждый год вступают в строй новые машины и снаряды, созданные руками советских людей. С помощью этих машин покорённая вода послушно трудится, освобождая советских людей от тяжёлых земляных работ. Особенно широко применяется гидромеханизация на великих стройках коммунизма.

«ЗЕМСНАРЯД 1000—80»

Год назад на Дону и на Волге, на Днепре и на Аму-Дарье загремели буровые станки, замелькали ковши экскаваторов, застучали копры, зашевелились стальные стрелы кранов.

И рядом с этими, уже знакомыми глазу советского человека строительными машинами появились новые, невиданные пловучие сооружения, похожие на корабли. Они, пожалуй, неуклюжи на вид, эти «корабли». Тупоносые, низкобортные, с палубой, загромождённой кранами, лебёдками, стальными канатами, с длинным «хвостом» из толстых труб, плывущим за кормой, с длинным «хоботом» на носу.

У такого «корабля» нет ни колёс, ни винта. Он ползёт, медленно подтягиваясь лебёдками при помощи тросов, закреплённых якорями, а когда нужно перебраться подальше, покорно, как плот, идёт за буксиром.

Но стоит заглянуть внутрь, под крышу надстроек такого «корабля», чтобы понять, как обманчив его внешний вид: там, в корпусе, построен большой машинный зал. В зале установ-

лен землесос величиной в два человеческих роста, соединённый с электромотором такой мощности, что её хватило бы для большого города.

Механизмы этого удивительного «корабля» работают с помощью электричества, а командир, нажимая кнопки, управляет всем этим сложным хозяйством. Называются такие «корабли» земснарядами типа 1000—80.

Эти цифры лучше всяких слов говорят об огромной мощи новых советских строительных машин.

«1000» — это значит, что в час землесос должен поднять тысячу кубометров земли, или породы, как говорят строители. Тысяча кубометров — это не гора, но это порядочный холм. Чтобы смыть и унести такой холм, нужно десять тысяч кубометров воды. А десять тысяч кубометров воды в час — это уже не ручеёк, это хорошая речка, в которой и искупаться можно и на лодке поплавать.

Чтобы прогнать эту воду по трубам, нужно дать ей большую скорость, а скорость зависит от давления, с которым землесос гонит воду.

Вот об этом давлении и говорит вторая цифра, «80». Если бы землесос прямо кверху гнал воду вместе с размытой породой, он смог бы поднять её на высоту восьмидесяти метров.

Конечно, так высоко гнать воду не приходится. Зато под таким давлением её можно гнать очень далеко — за два, за три, за четыре километра от места, где будет работать эта чудесная машина.

Провести четыре километра труб для наших инженеров и рабочих — задача не такая уж сложная, но она требует времени, а земснаряду ждать некогда. Всё его рабочее время расписано наперёд, по плану, и каждый час, каждую минуту нужно использовать так, чтобы не простаивала эта дорогая, могучая машина.

Вот поэтому там, где ждут земснаряд, специальные бригады монтажников заранее прокладывают трубы: где на эстакадах, где по берегу ведут они эти толстые, в полтора обхвата, стальные трубы, где проводят их по воде на специальных поплавах — «понтонках», а там, где приходится перебрасывать грунт с берега на берег через судоходные реки, трубы, сваренные в длинные плети, опускают на дно.

А земснаряд приходит, присоединяет к водопроводу свой пловучий «хвост», заводит якоря, протягивает с берега силовой электрический кабель, опускает «хобот» и начинает работать...

Земснаряд не разбивает воду струёй. Он сосёт песок прямо со дна, с пятнадцати метров глуби-

ны. Туда, в глубину, на самое дно, земснаряд опускает свой «хобот» — широкую трубу, почти в метр диаметром. Огромный землесос начинает сосать воду, и вода, со всех сторон устремляясь в устье трубы, несёт с собой поднятые песчинки, а чтобы быстрее шла работа, вокруг конца «хобота» крутятся разрыхлитель, похожий на огромную корзину из крепких стальных полос-ножей.

Если бы «хобот» стоял на одном месте, он сразу вырыл бы глубокую яму, выбрал бы тут весь песок, а дальше пошла бы чистая вода. Так не годится. Чтобы равномерно забирать весь грунт, земснаряд всё время движется, перетягиваясь на якорях то вправо, то влево.

Стремительным потоком врывается разрыхлённый грунт вместе с водой в отверстие «хобота», бежит на лопасти землесоса, а оттуда вся эта смесь, «пульпа», как её называют инженеры, несётся по трубам, бурлит, клокочет и, пробежав не один километр, разливается, где нужно, по широким полям, окружённым земляными валами. И сразу после бурного бега в тесной трубе — простор и покой. Вода, совершив своё дело, теряет силу, и миллиарды песчинок одна за другой плотным слоем садятся на дно. Сначала те, что покрупнее, потом те, что помельче, потом самые мелкие, самые лёгкие, а чистая вода спокойным, неторопливым потоком сливается обратно в реку. И то, что песчинки не все сразу выпадают из пульпы, очень важно для строителей.

Вот, например, намывают плотину; тут нужно так уложить грунт, чтобы крупные частицы — песок, гравий — легли по бокам, а в середине — мелкие глинистые частицы, образующие непроницаемое ядро плотины.

Никаким, самым мелким ситом не отсеешь глину от песка, не разделишь грунт, а водой можно разделить.

Для песка, для глины, для лёсса — для любой породы есть своя, «критическая» скорость течения, при которой порода выпадает на дно. Инженеры знают эти скорости. Изменяя скорость движения воды на полях намыва, они укладывают грунт так, как нужно.

День и ночь крутятся стальные лопасти мощных землесосов, день и ночь бежит пульпа по трубам, и вода, укрощённая, покорная, по воле советских людей, роет землю, несёт её и укладывает, как самый старательный работник.

Растут перемычки и дамбы, поднимаются площадки под будущие города и основания плотин, и больше половины всех земляных работ на великих стройках коммунизма делает вода, покорённая человеком.

Тамара Кузьмина.

Галина Ракова.

ПОДРУГИ

«Товарищ! Знай и верь, что ты — самый необходимый человек на земле. Делая твое маленькое дело, ты начал создавать действительно новый мир».

М. Горький

Тамаре казалось, что теперь-то в её жизни должно что-то измениться. Что именно, она и сама не знала. Но по вечерам долго не могла уснуть, перебирала в памяти все события своей недлинной ещё жизни. Снова ей вспоминался старший брат, такой, каким она его видела в последний раз, — в куртке, подпоясанной ремешком, в тёплой шапке-ушанке. Он стоял среди комнаты, невысокий, тонкий, а мать обнимала его и беззвучно плакала.

— Мама! — говорил брат. — Я же комсомолец.

Тамара сидела на кровати в одной рубашонке. Неровно горела коптилка. Длинные тени метались по потолку. Брат подошёл к кровати, как взрослой, пожал Тамаре руку и вышел из комнаты. Слышно было, как хлопнула входная дверь. Вдалеке неумолчно гремела канонада. Это подступали к Сталинграду немцы.

Много лет прошло с тех пор, как брат Тамары ушёл в партизанский отряд. Тамара выросла, пошла работать на завод, и вот теперь её приняли в комсомол. На собрании она рассказала о брате. Не только потому, что гордилась им: ей

хотелось, чтоб все поняли, — вот таким должен быть комсомолец — смелым, отважным, готовым на подвиг. И хотя она говорила сбивчиво, её поняли. Вручая ей комсомольский билет, секретарь сказал: — Будь достойной брата, Тамара Кузьмина. Ты теперь комсомолка!

И Тамаре казалось, что теперь в её жизни должно произойти что-то очень значительное. Но ничего особенного не происходило. Попрежнему каждый день Тамара спешила на Силикатный завод. Торопливо пробегала мимо песчаных карьеров, откуда экскаваторы грузят песок в вагонетки, мимо дозеров, где готовится смесь из песка и извести, мимо транспортеров, которые с глухим шумом подают смесь в огромные силосные кубы для гашения извести. Отсюда масса по транспортерам идёт на прессы, в прессовальный цех. В этом цехе работает Тамара.

В цехе шумно. Огромные круглые прессовальные станки безостановочно выталкивают на вращающиеся металлические столы прямоугольнички кирпича-сырца. Подле каждого пресса три работницы. Одна следит за чистотой вокруг пресса, подливает воду в массу, две по очереди снимают со стола кирпичи и укладывают их в вагонетки. Высоко нагруженные вагонетки движутся к сушилкам, окутанным облаками пара.

Тамара — бригадир пресса № 2. Она принимает пресс у смены и становится возле стола. Напротив неё стоит Галя

Ракова. Из-под пресса один за другим выскакивают кирпичи. Тамара и Галя поочередно берут кирпичи и размеренными, точными движениями укладывают их в вагонетку. Иногда рука срывается, и сырой, непрочный кирпич разваливается на части. Если кирпич портит Галя, Тамара делает ей замечание. Галя молчит, но круглое миловидное лицо её краснеет, глаза смотрят исподлобья. Ещё одно тамарино слово — и Галя в ответ выпаливает целый десяток. Так стоят они и ссорятся, ни на секунду не прерывая работы.

— Ну, пошло-поехало! — говорит Зина Елагина, третья из тамариной бригады. — Чего вы никак не поделите? Подруги же!

Верно, подруги. Но странная, неровная это была дружба. Началась она чуть ли не с первого дня, когда Тамара пришла на завод. Растерянная, стояла она, разглядывая цех.

Её взгляд остановился на маленькой коренастой девушке у одного из прессов, которая укладывала кирпичи в вагонетку и то и дело подпрыгивала, с трудом доставая до верхнего ряда кирпичей.

— Что ты прыгаешь? — с удивлением спросила она.

— Да вот не выросла, не достаю! — засмеялась девушка. — Хорошо тебе, ты высокая!

На первых порах Галя помогала Тамаре, показывала, как брать кирпич, как поворачиваться, чтобы не делать лишних движений. Вместе ходили они и на занятия по техминимуму, изучали механизм пресса. Потом Галя заболела. И так вышло, что в это время Тамару назначили бригадиром. Гале это показалось обидным: как так, она старше подруги на целый год, и вдруг та над ней начальство!

— Да не начальство я! — убеждала Тамара подругу в минуты примирения. — Я бригадир. Если что не так, я же обязана сказать.

— Знаю! — соглашалась Галя. — Но ничего не могу с собой поделать. Мне бы смолчать, а меня так и подмывает.

Но когда явилась возможность перейти на другой пресс, девушки посмотрели друг на друга, и Галя сказала:

— Уж лучше я останусь здесь.

И попрежнему повсюду их видели вместе. Рядышком сидели они и на этот раз, слушая доклад, который так взволновал Тамару. Незадолго до этого было опубликовано решение правительства о великих стройках коммунизма, и докладчик с

увлечением рассказывал о грандиозных работах на строительстве Волго-Донского канала и Куйбышевской ГЭС.

Тамара слушала, то и дело подталкивая подругу. К концу доклада решение её созрело. Вот оно, то необыкновенное, о чём она мечтала всё время!

Подруги вышли из ворот завода. Над Сталинградом стоял ясный летний день. По асфальту вереницей катились машины. Вдоль улиц зеленели деревья, стояли высокие каменные дома. Это были новые дома и новые деревья. С каждым днём их становилось всё больше. Ещё неделю назад вместо того дома высились леса, а здесь, где теперь разбит сквер, лежал пустырь, заваленный битым кирпичом. Подруги любили бродить по родному городу, смотреть, как на глазах возрождается Сталинград. Но сегодня Тамара ни на что не обращала внимания.

— Поедем! — говорила она подруге. — Ты подумай только, мы с тобой на стройке коммунизма! Да там знаешь, что можно сделать? Там...

Она рисовала Гале заманчивые картины будущего. Кто знает, может быть, их научат управлять шагающим экскаватором, и они поставят рекорд по рытью канала, или, может быть, они будут строить гидроэлектростанцию...

Девушки мечтали. Галя старалась представить себе, как они едут на стройку. И вдруг ей стало грустно. Неужели она навсегда покинет свой завод? Она пришла туда совсем девочкой. Вместо цехов стояли пустые, полуразрушенные коробки. Вместе с другими рабочими она разбирала развалины, била щебёнку, строила... И постепенно подымались цехи. Такой замечательный вырос завод... Но что решено, то решено. И девушки условились завтра же подать заявление об уходе.

Мастер Дубин прочёл заявление и внимательно посмотрел на девушек:

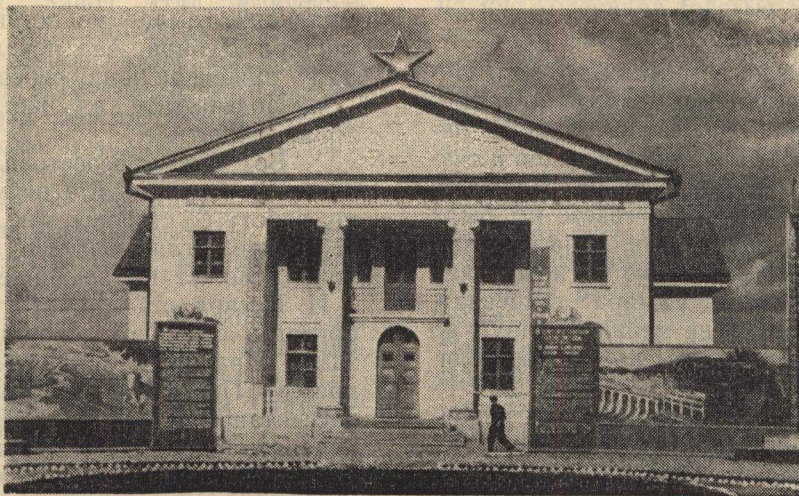
— Значит, решили строить гидроэлектростанцию?..

— Ну да! Что тут у нас — кирпич и кирпич... А там...

— Что ж, дело неплохое. У меня у самого такая думка была. А вот теперь раздумал. Будем здесь, на своём заводе, строить Куйбышевскую гидроэлектростанцию.

Подруги переглянулись.

— Непонятно? Наш завод будет выпускать кирпич для великихстроек. Уже получен приказ. Вот я и подумал: пойду

Красивые, благоустроенные дома выросли на строительстве Волго-Донского канала. На этом снимке вы видите новый клуб в рабочем посёлке, построенный из белого кирпича.

к девушкам, посоветуюсь... Надо теперь по-новому работать... Но раз вы уезжаете... Пойду в бригаду к Марине Чичериной.

Бригада Тамары Кузьминой соревновалась с бригадой Чичериной.

— Погодите, Борис Николаевич, — сказала Тамара. — Вы сначала скажите, что вы задумали.

— Надо увеличить выпуск кирпича у вас на прессе.

— Да это просто невозможно. Пресс старый, выпускает всего сорок кирпичей в минуту. Увеличить скорость нельзя: совсем станет. И так текущий ремонт замучил. Сколько времени на него уходит...

— А вы всё-таки подумайте, — сказал мастер.

Оказывается, можно думать чуть ли не всю ночь напролёт и ничего не придумать. Тамара приходила в цех пасмурная, неразговорчивая, у Гали настроение тоже было не лучше. Однажды девушки читали вслух газету. В небольшой статье рассказывалось про двух комсомолок. Они работали посменно на старом токарном станке и решили взять свой станок на социалистическую сохранность. Девушки стали приходить пораньше и до работы осматривали станок, чистили, следили, чтобы он всегда был исправен. И старый, видевший виды станок словно помолодел. Он стал работать без поломок.

— Вот что нам нужно! — сказала Тамара, и девушки отправились к мастеру.

Не только мастер, но и комсомольское собрание и главный инженер завода одобрили предложение Тамары Кузьминой. И вот Тамара Кузьмина перед собранием всех рабочих завода дрожащим голосом объявляет, что её бригада взяла пресс на социалистическую сохранность и открыла свой лицевой счёт, по которому обязуется выпустить в фондстроек коммунизма пятьсот тысяч штук кирпича сверх плана. Никогда Тамаре не приходилось выступать перед таким большим собранием, да ещё с таким ответственным обещанием. А если старый пресс подведёт? Она просто боялась об этом думать.

Но пресс не подвёл. Вернее, не подвела бригада. Девушки неустанно ухаживали за старой машиной. До начала смены осматривали её, приводили в порядок. Малейшую неисправность устраняли тотчас же, на ходу, чтобы не терять ни одной минуты. Тамара побеседовала и с другими сменами, работающими на этом же прессе, и они так же бережно стали обращаться с машиной. Пресс стал работать без задержек. Мало того: обычно каждые шесть месяцев его ставили на капитальный ремонт на двадцать дней. Теперь же пресс проработал без перебоев целый год. А на маленькой дощечке над прессом под надписью «Лицевой счёт бригады Кузьминой» с каждым месяцем учётчик выводил всё большую и большую цифру. 31 декабря 1950 года он написал: «985 800 штук кирпича сверх годового плана дала

бригада Кузьминой в фонд великих строек коммунизма».

Ещё никогда не встречали подруги Новый год так весело. Все поздравляли их — рабочие, мастера, директор, главный инженер, — все желали новых успехов и счастья. Их портреты висели на заводской Доске почёта, в стенной газете им была посвящена большая статья. А на новогоднем вечере не было отбою от желающих танцевать с ними. Тамара танцевала, смеялась и шутила не меньше подруг, но какая-то затаённая мысль не оставляла её.

— Всё думаешь? — спрашивала её Галя. — Ну хоть сегодня не надо!

Тамара отмалчивалась. Она не могла не думать. На завод привезли новые прессовальные станки. Это были совершенные, хорошо налаженные машины. Пятьдесят кирпичей в минуту выкладывали они на стол. План выпуска кирпича на этих прессах был увеличен.

— Мы должны дать ещё миллион кирпича сверх плана, — упрямо говорила Тамара подругам. — Поймите, теперь это — дело нашей чести.

Тамара Кузьмина и Галина Ракова в гостях у рабочих Люберецкого силикатного завода. Девушки делятся опытом своей работы.

Девушки понимали. Но как дать этот миллион? Тамара не оставляла в покое мастера Дубина, она повела его к главному инженеру и потребовала:

— Подскажите, вы же руководители, должны знать.

— Вот что, — посоветовал ей главный инженер, — попробуйте посмотреть на вашу работу со стороны, так, будто впервые её видите. Вглядывайтесь в каждую мелочь... Может быть, найдёте ответ.

И Тамара стала смотреть на работу бригады «со стороны», будто чужими глазами. Правильно ли стоят девушки у пресса? Правильно, движения их точно рассчитаны. Может быть, вагонетки надо подавать ближе? Нет, и тут всё рассчитано. Плохо только, что не всегда удаётся нагрузить вагонетку одинаковым количеством кирпича. Иногда в ряд укладывается 28 кирпичей, а иногда столько не влезает, и кирпич накапливается на столе. В чём тут дело? Тамара вызвала контролёра и попросила измерить несколько кирпичей. По стандарту толщина кирпича должна быть 64 миллиметра, а на деле оказалось, что каждый кирпич на два — три миллиметра толще.

После работы девушки вооружились карандашами и принялись вычислять, сколько кирпичей можно будет уложить в вагонетку, если все они будут не толще стандарта. Оказывается, 940 штук, на 92 кирпича больше, чем до сих пор.

И бригада потребовала от слесаря так отрегулировать пресс, чтобы все до одного кирпичи выходили стандартной толщины.

Что же это даёт за час, за день, за год? Девушки опять сели за подсчёты. Да, они не ошиблись. Вот где был спрятан новый миллион кирпича сверх плана! В двух миллиметрах лишней массы... А экономия материала? Её тоже можно высчитать...

— Совсем математиками сделались, — смеялась Галя, — всё считаем, считаем...

— Знаете, девчата, что я заметила, — сказала Зина не без лукавства. — Вы что-то ссориться перестали.

— У Тамары характер переменился, — отшутилась Галя.

Нет, характер у Тамары не переменился. Попрежнему она была требовательна к себе и другим. Это бригада её стала работать так, что и при желании не придёшься. И не только тамарина бригада. На всех прессах в цехе переняли опыт

трёх девушек. Завод стал выпускать 12 миллионов кирпичей сверх плана.

Но иногда, бывало, задерживалась подача воды или электроэнергии, и прессы останавливались. Вот тогда-то от Тамары доставалось всем: и подругам, и мастеру, и технику. Она не могла скрыть своё огорчение даже от домашних.

— Что, опять воды не было? — догадывалась мать. — Но мы-то чем виноваты? Ты на нас хоть не злишься.

— Мама, как вы не понимаете, душа болит... Целый час простояли! А за час, знаете, сколько можно сделать?..

— Вся в брата! — говорила мать. — Такой же был. Горячий.

И всё-таки наступил день, когда мечта Тамары и Гали, от которой они давно отказались, осуществилась. Они ехали на строительство Волго-Донского канала.

Переполненная машина мчалась по степной дороге мимо вновь отстроенных посёлков, мимо свежевырытых карьеров, к каналу. Почти год прошёл с тех пор, как подруги бродили по Сталинграду и строили планы на будущее. Всё обернулось совсем по-иному, но не хуже, никак не хуже.

Недавно со всей области съехались стахановцы других силикатных заводов, и Тамара выступила перед ними с докладом. Вместе с Галей они составляли этот доклад, исписали целую тетрадку. Но когда Тамара увидела перед собой внимательные лица слушателей, услышала свой голос, усиленный микрофоном, она так смутилась, что не могла прочитать ни строчки. Она отложила тетрадь в сторону и попросту рассказала, как работали они с подругами, берегли каждую минуту, чтобы дать побольше кирпича стройкам.

Теперь на всех силикатных заводах области стали работать по методу трёх подруг. Узнали о них и в Москве. Центральный Комитет комсомола наградил их Почётной грамотой, и Министерство стройматериалов вынесло благодарность. И вот они вместе с другими почётными гостями — стахановцами завода — едут на строительство Волго-Донского канала.

Гости осматривают строительство. Высокие краны легко поднимают и кладут

на дно котлована толстые трубы, мощный вездеход перетаскивает гору металлических балок. А вот и шагающий экскаватор. Подруги переглядываются. Это на нём они мечтали ставить мировые рекорды. Но и без них экскаватор работает совсем неплохо: вгрызается огромными челюстями в дно канала и за один раз вынимает чуть не целый вагон земли.

Усталых гостей ведут к посёлку. И перед ними в зелени недавно посаженных деревьев возникают дома и улицы, целый город из белого кирпича. Машины сгружают белый кирпич у новой стройки.

— Наш! — говорит Галя и берёт в руки белый прямоугольник. На нём ясно видно заводское клеймо «150» — это значит, что кирпич выдерживает давление 150 атмосфер. — Наша марка...

Девушки забывают об усталости. Они расспрашивают, хорош ли кирпич в стройке, нет ли изъянов...

Узнав, что перед ними те, кто делает этот кирпич, строители обступают подруг,жимают им руки.

— Отличная марка! Превосходный кирпич! — говорят они. — Давайте только побольше!

Услышав про миллион кирпичей сверх плана, они смотрят на девушек с особым уважением. Шутка ли, миллион! Старик-прораб даже произносит речь.

— Что такое кирпич? — говорит он. — Небольшая как будто вещь. И сделать его нетрудно... А из него воздвигают дома, заводы, гидростанции... Города будущего! Великая вещь — кирпич.

...Ночью машина везёт девушек домой, в Сталинград. Над степью тёмная звёздная ночь. Но на строительстве ярко горят огни, и далеко по степи разносится шум работ.

— Знаешь, о чём я думаю? — говорит Тамара. — Приедем, поговорим с механиком. Надо увеличить число оборотов прессы, чтобы он давал не пятьдесят, а пятьдесят пять, даже шестьдесят кирпичей в минуту. Как ты думаешь, справимся?

— Каждую секунду по кирпичу? — переспрашивает Галя. — Трудно. Но думаю, справимся. Зато сколько домов можно построить!.. А может быть, и в самом деле гидростанцию...

Д. Елагина

ЗАНЯТОЙ ЧЕЛОВЕК

Ю. Новикова, Ю. Сотник

Рисунки В. Константинова

Пьеса в одном действии,
в четырёх картинах

Действующие лица:

ЛЕША ЗАЙЦЕВ — ученик 6-го класса.
МИША — редактор школьной стенгазеты.
ВАЛЯ — его помощник.
Режиссёр драмкружка.
Ребята, играющие Волка } старшечклассники.
и Медведя
Девочка, играющая Лису.
ВАЛЯ — староста юннатского кружка жен-
ской школы, ученица 6-го класса.
ЛЮСЯ — ученица 4-го класса.
Преподаватель физкультуры.
Мальчик из музыкального кружка.
Физкультурники.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Пионерская комната. За столом члены редкол-
легии Валя и Миша. Они заняты работой над
очередным номером школьной стенгазеты.

ВАЛЯ. Миша!.. Миша!

МИША (отрываясь от работы). Ну?

ВАЛЯ. Можно наклеивать заметки?

МИША. Погоди... А что у нас есть для этого
номера?

ВАЛЯ. Во-первых, передовая... Во-вторых, за-
метка от драмкружка «Поставим на сцене сказ-
ку для малышей». В-третьих, статья «Юные
техники — в помощь юным натуралистам». Ну,
и разные заметки о дисциплине, успеваемости
и всё такое...

МИША. А отдел сатиры и юмора готов?

ВАЛЯ. Не готов... Лёша Зайцев обещал при-
нести сегодня к семи вечера сатирические сти-
хи, а сейчас уже половина восьмого, а его всё
нет... Наклеивать?

МИША. Погоди ты со своей наклейкой! Нам
и так уже на совете дружины говорили, что у
нас мало юмора, а тут... Куда делся этот
Лёша?

ВАЛЯ. Откуда я знаю, куда он делся! Ты
ведь знаешь, какой он занятой человек... Дай
мне клей! Я пока хоть заголовок приклею.

МИША (передавая бутылку с клеем). Акку-
ратней наклеивай. Это такой клей!.. Уж если
приклеил, так не отдерёшь.

(За сценой шум приближающихся шагов: кто-то
мчится по коридору.)

ВАЛЯ. Стой! Слышишь?

(Дверь с треском распахивается. Вбежавший
Лёша Зайцев, столкнувшись с Мишей, сбивает
его с ног и выбивает из валиных рук бутылку
с клеем.)

ЛЕША. Привет!

МИША (подымаясь, шипит от боли). Что ты
носишься, как сумасшедший? Я из-за тебя но-
гу расшиб.

ВАЛЯ. А я весь клей пролил. Прямо на
стул...

МИША. Где сатира и юмор?.. Где ты про-
падал?

ЛЕША. Где пропадал? Где пропадал?..
А знаете, что у меня ни минуты времени?..
Только такой энергичный человек, как я, мо-
жет делать столько дел сразу!

ВАЛЯ. Каких дел?

ЛЕША. А таких... Я не то, что вы... Только
и знаете, что свою стенгазету, да книжки, да
волейбольную команду... У меня кипучая на-
тура. Я... знаете, ребята, в скольких я кружках
состою?.. Вот сегодня, например... Погодите,
где моя записная книжка? Вот план на сего-
дняшний день: девять ноль-ноль — встаю, за-
рядка, завтрак. Десять ноль-ноль — готовлю
уроки. До восемнадцати часов — занятия в
школе. Девятнадцать ноль-ноль — редакция
стенгазеты...

МИША. Ха! А сейчас уже девятнадцать три-
надцать.

ВАЛЯ. Без двадцати восемь даже.

ЛЕША (захлёбываясь). Погодите! Погодите!
В девятнадцать часов двенадцать минут —

драматический кружок. Старшеклассники решили поставить сказку «Лиса и Кот» для наших малышей. Витя Борисов эту сказку на стихи переложил. А я Кота играю, главную роль. Это — раз! Второе — оказываю техническую помощь кружку юных натуралистов в школе у девочек, устраиваю электрическое отопление для ушей и лягушек. Затем — физкультурный кружок, затем — музыкальный, затем...

МИША. Ладно, хватит. Где сатира и юмор? Стихи принёс?

ЛЕША. Стихи? Не принёс. Но не беспокойтесь. Будут стихи. Сами знаете, моё слово — закон.

ВАЛЯ. Да когда же они будут? Нам сегодня газету вывесить надо. Когда ж ты успеешь?

ЛЕША. Сейчас успею. Дайте карандаш и бумагу. Я вам напишу сатиру на человека, который не умеет использовать своё время.

МИША. Хорошо. Вот карандаш. Вот бумага. Садись.

ЛЕША. Ничего, я так, на ходу. Как Маяковский. Не мешайте только. (Бормочет.)

МИША (к Вале). Заголовок успел наклеить? Клей-то весь пролился...

ВАЛЯ. Тише! Какой ты, Мишка, право... Видишь, человек работает...

МИША. Ладно, молчу.

(Пауза. Лёша стоя что-то пишет на бумажке.)

ЛЕША (протягивая Мише бумажку). Держите. Готово.

ВАЛЯ. Как готово?

МИША. Вот это здорово!

ЛЕША. Всего! Бегу в драмкружок! Ни минуты времени!

(Хлопает дверью.)

МИША (кричит вслед). Спасибо, Лёша! Вот это оперативность, так оперативность!

ВАЛЯ. Лёша, спасибо! (Довольным голосом.) Так... Теперь сядем, почитаем... (Садится на стул, залитый клеем. Читает.)

Если не хочешь быть бесполезным волком, Употребляй своё время с толком.

Не слушайся лени

И правильно используй своё время.

Береги часы и минуты,

И тогда будет всё в порядке...

(С ужасом.) Миша! Миша! Миша! (Пауза.) Где тут сатира и юмор?

МИША. Чего там сатира и юмор? Где тут смысл? (Кричит.) Лёшка! Вернись сюда минуту. Ой!.. Валя, догони его! У меня нога болит. Ну, скорее! Чего ты возишься? Не видишь, что ли? Я не могу бежать...

ВАЛЯ (медленно). Я тоже не могу бежать. Я к стулу приклеился.

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Сцена в школьном зале. Идёт репетиция драматического кружка. Режиссёр (ученик девятого или десятого класса) стоит перед тремя кружковцами, одетыми в костюмы волка, медведя и лисы.

РЕЖИССЕР. А Лёши Зайцева всё нет... Давайте песенку прорепетируем... Волк, начинай!

ВОЛК (поёт). Братцы, верь не верь,
Говорит Лиса,
Что пришёл в леса
Очень лютый зверь.

РЕЖИССЕР. Теперь Лиса вступает. Лиса, вступай!

ЛИСА (поёт). Он свиреп на вид,
Он могуч и лют,
Перед ним дрожит
Весь звериный люд.

РЕЖИССЕР. Звериный люд? Тут автор чего-то намудрил. Уж если «звериный», то «люд» здесь не при чём. Надо сказать Вите, чтобы исправил... Медведь, вступай!

МЕДВЕДЬ (мрачно). Не могу я вступать.
РЕЖИССЕР. Что такое? Почему?

МЕДВЕДЬ. Попробуй-ка ты посидеть два часа в такую жару в медвежьей шкуре! Волку вон хорошо: у него шкура на пуговицах. А тут зашили тебя — и сиди. По-моему, у меня даже шерсть вспотела...

ЛИСА. И у меня тоже! И у меня, девочки, тоже!.. У меня хоть шкура и потоньше, а я тоже вся мокрая.

РЕЖИССЕР. Ну, хватит, Лиса. И без тебя тошно...

ЛИСА. Нет, не хватит! И знаете, девочки, что я вам откровенно скажу: не знаю, как в вашей школе, а у нас, у девочек, никогда так не бывает, чтобы четверо одного целый час ждали...

РЕЖИССЕР. Ну, ладно... Придёт Лёша — поговорим серьёзно. А пока давайте ещё раз песенку повторим. Медведь, ты можешь не петь... На-ча-ли!

ЛИСА и ВОЛК (поют унылыми голосами). Братцы, верь не верь, и т. д.

РЕЖИССЕР. А знаете, ребята, здорово! Вот сейчас именно так, как нужно, получается. Такое, знаете, уныние, удручённость. А ну-ка ещё раз... (Ребята начинают петь.) Тихо! Слышите?... (Звук торопливых шагов. Лёша с треском распахивает дверь.)

ВСЕ. Вот он!.. Сколько тебя ждать прикажешь?! Безобразие прямо! Я просто погибаю в медвежьей шкуре!..

ЛЕША. В редколлегии задержался. Стихи писал... Где кошачий костюм?.. У меня ещё живой уголок в школе девочек, потом физкультурный кружок, потом музыкальный! Давайте!.. С чего начнём? (Надевает кошачью маску, пристёгивает хвост.)

ЛИСА. Ты раньше уши пристегни. Какой же это кот без ушей?

ЛЕША. Есть! Пристегнул. Давайте скорей!

РЕЖИССЕР. Репетируем сцену Кота с Лисой. Лёша, в тот раз ты этой сцены совсем не знал. Теперь выучил?

ЛЕША (торопливо). Не совсем. Но я всё равно знаю... Давай поскорее только.

РЕЖИССЕР. Нет, уж лучше я тогда вам ещё раз прочитаю. Итак, Кота выгнали из дома, он встречает Лису... Лиса говорит (читает): «Ты ли, Котофей Иванович? Кот отвечает: «Я, кума... Я, Патрикеевна... Теперь Лиса: «Что гуляешь, глядя на ночь?» А Кот: «Ох, судьба моя плачевна...»

Вот бреду путём-дорогой,
Весь заботами умаян,
Мало слов, а горя много...

Ох, прогнал меня хозяин!

— Да за что ж такие беды?

— Стар, мол, стал... Мышей не слышу...

Сплю с обеда до обеда,

А под носом пляшут мыши.

М-яса! М-яса! Нету мочи.

Ох, кума, могила близко.

Умираю...

— Куманёчек,

Погоди!..

— Чего ты, Лиска?»

ЛЕША. Ну, ладно... всё понятно. Давайте начнём.

РЕЖИССЕР. Погоди! Значит, Лиса говорит (читает):

Слушай, здесь тебя не знают...
Распушу я слухи быстро,
Будто в лес к нам присылают
Ненасытного бурмистра.
Коль спастись хотите сами,
Припасайте горы снеди!..
И придут к тебе с дарами
Вепри, волки и медведи.

ЛЕША. Ну, хватит. Давайте начнём. Честное слово, ни минуты времени!

РЕЖИССЕР. Ладно, начали. Итак, Лиса...

ЛИСА (играет). Ты ли, Котофей Иванович?

ЛЕША (торопливо). Здорово, Лиса... Ну, дальше?..

ЛИСА (удивлённо). Что гуляешь, глядя на ночь?

ЛЕША (торопливо). Стариком стал. Поясница болит... Мясa, прямо, ну, совсем не могу есть! Ох, кума... могила близко... Умираю... Всё?

РЕЖИССЕР. Отставить. Ты же всё перервал. Давайте сначала.

ЛЕША. Некогда мне сначала. Лиса, дальше читай...

ЛИСА (возмущённо). Ну, девочки, так же нельзя репетировать!

ЛЕША. Тогда я совсем не буду репетировать... Ну?.. Дальше, дальше...

ЛИСА. Ну, пожалуйста, если ты такой... (Без интереса.)

Слушай, здесь тебя не знают...

Распушу я слухи быстро,

Будто в лес к нам присылают...

ЛЕША (перебивает). Понятно! (Тараторит.) Ох, судьба моя плачевна... Хожу себе да хожу по дороге... Ох, прогнал меня хозяин... Мыши чего-то меня совсем заели... (Решительно.) Всё! Я пошёл! (Убегает, сбросив на ходу маску и хвост.)

ВСЕ. Куда ты? Погоди, мы же не кончили!.. Лёша, вернись!

ЛИСА (со слезами в голосе). Девочки, ну что же это такое?!

РЕЖИССЕР. Нет, такого человека надо просто гнать из кружка! (Пауза. За сценой слышны ковыляющие шаги. В дверь, противоположную той, в которую убежал Лёша, хромя, входит Миша.)

МИША. Здравствуйте!

РЕЖИССЕР. Здравствуй. Что это у тебя с ногой?

МИША. Расшибся... У вас Лёши Зайцева нет?

РЕЖИССЕР. Сбежал только что. И сорвал нам репетицию.

МИША. А нам сатиру и юмор сорвал. (Со вздохом.) Пойду искать его. (Удаляется, хромя.)

РЕЖИССЕР. Ну как подействовать на такого человека?!

ЛИСА. А я, девочки, знаю, как подействовать, знаю, как подействовать! Давайте напишем на него коллективную записку в стенгазету!

ВСЕ. Правильно! Давайте!

РЕЖИССЕР. Идёт. После репетиции напишем. Ну а сейчас что же будем делать? Давайте, что ли, опять песенку повторим. На-ча-ли!.. (Поют.)

Занавес

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Живой уголок в женской школе. Стол, этажерка, на окнах — растения, клетки; на столе, возле настольной лампы, — пустой террариум, рядом с ним — плотно завязанные банки из тёмного стекла. Староста кружка Варя в тревоге ходит по комнате. Входит Люся с булкой в руках.

ЛЮСЯ. Варя, ты ещё здесь? Я кроликов покормить пришла...

ВАРЯ. Здесь, как видишь... Безобразие просто!

ЛЮСЯ. Почему безобразие?

ВАРЯ. Понимаешь, сделали новый террариум, и мальчики обещали нам прислать кого-нибудь, чтобы провести электрическую лампочку для обогрева...

ЛЮСЯ. Ну и что же? А зачем тебе здесь сидеть?

ВАРЯ. Как зачем? Я же староста кружка. Мне нужно дожидаться, когда лампочку проведут. Тогда я всех земноводных в террариум переселю, а то в банках им тесно... Слушай, сколько сейчас времени?

ЛЮСЯ. Четверть девятого.

ВАРЯ. Ой! Четверть девятого. А он обещал к половине восьмого прийти... Ой, что же мне делать? Я маму не предупредила, и она беспокоится. Ой!.. Люсь! Ты же здесь, во дворе, живёшь... Ты не можешь тут полчаса посидеть, пока я сбегаю, маму предупрежу?

ЛЮСЯ (нерешительно). Посидеть? Со всякими змеями?

ВАРЯ. Да какие же это змеи! Здесь только лягушки, да ящерицы, да два ужа.

ЛЮСЯ. А я всё равно их боюсь.

ВАРЯ. Чудачка! Во-первых, они совсем безвредные, они даже пользу приносят. А потом, они все в банках.

ЛЮСЯ. Да-а... А вдруг они выползут?.. (После раздумья.) Ну, Варя, ладно, иди тогда... Только ты скорее приходи. А то я прямо умру от страха.

ВАРЯ (обрадованно). Ну, спасибо, Люсенька! Я очень скоро... Я через полчаса. (Убегает.)

ЛЮСЯ (заглядывает в одну из банок сквозь тёмное стекло). Ой, какая ужасная земноводная! Брррррр! (Отскакивает.) И как только они их руками трогают!.. То ли дело — кролики! (Подходит к ящику, стоящему у стены.) Трусик! Трусенька! Трусёночек!

(С треском распахивается дверь, вбегает Лёша.)

ЛЁША. Привет! Где патрон? Где лампочка? Где провода?

ЛЮСЯ. Здравствуйте... Я не знаю, где патрон, и лампочка, и провода. Вот скоро придёт староста...

ЛЁША (бежит, оглядывая комнату). Какой староста? Когда придёт? У меня ни минуты времени.

ЛЮСЯ. Она сказала, что через полчаса придёт. Она вас ждёт...

ЛЁША (перебивает). Что? Через полчаса? Да за эти полчаса мне, знаешь, сколько дел нужно переделать? (Находит лампу и шнур.) Ага! Лампа здесь, шнур тоже здесь. А патрон?.. Патрон мы от этой лампы сейчас возьмём! (Указывает на негорящую верхнюю лампу и лезет на стол.)

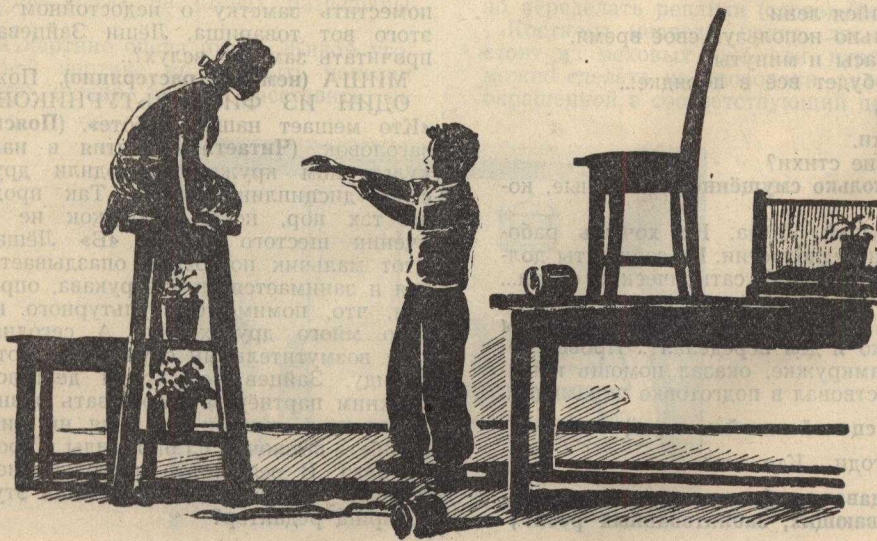
ЛЮСЯ. Осторожней! Там банки...

ЛЁША (достав перочинный нож, перерезает провод над патроном). Не мешай! Видишь, человек работает... (Треск, гаснет свет. На сцене почти совсем темно.) Гм... Замыкание... Так. Придётся слезать. (Грохот, звон разбитого стекла.) Что это тут валится?

ЛЮСЯ. Ой! Да ведь вы, наверное, банки со стола уронили! С этими... земноводными! Ой, куда же мне теперь деваться?

ЛЁША. Верно ведь... Что-то тут ползает да прыгает.

ЛЮСЯ (со слезами). Ой! Где?! Где прыгает? (В темноте карабкается на тумбочку для цветов.) Ой! Ну, кто же теперь починит электричество?

ЛЕША. Спокойно! Сейчас почию. Где ты там?

ЛЮСЯ. Я на тумбочке сижу. Ой, ой, ой, сюда какой-то гад лезет!

ЛЕША. Это не гад. Это я спички ищу. Они здесь лежали.

ЛЮСЯ. Вот вам спички!

ЛЕША. Так! (Зажигает спичку.) Теперь найдём пробки. Сейчас... (Часы бьют один раз.) Сколько это пробило?

ЛЮСЯ. Половина девятого.

ЛЕША. Что? Половина девятого?! Всё! Пока! Я пошёл!

ЛЮСЯ. Ой! Куда же вы?

ЛЕША. На физкружок! Ни минуты времени!

ЛЮСЯ. Ой, как же я? Я же не могу слезть с тумбочки, когда они тут ползают...

ГОЛОС ЛЕШИ (за сценой). Ни минуты времени!

ЛЮСЯ (всхлипывает в тишине). Что же мне теперь делать? Ну, что же мне теперь делать? (Слышны ковыляющие шаги. Входит Миша.)

МИША (сам с собою). Темно... (Лёша всхлипывает.) Есть тут кто-нибудь?.. Лёша Зайцев сюда не приходил?

ЛЮСЯ (плача). Приходил. Испортил электричество и ушёл. Почините, пожалуйста, пробки.

МИША. Я не могу, у меня нога болит.

ЛЮСЯ. Ой, ну так пришлите сюда кого-нибудь!.. Потому что я сижу на тумбочке и не могу сойти: по полу уж и ползают.

МИША. Ладно, пришло. (Уходит.)

ЛЮСЯ (одна, продолжает всхлипывать). Вот возьму и напишу про этого Лёшку в стенгазету. Возьму и напишу! Чтобы не присылали больше к нам в школу таких помощников!

Занавес

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Декорация первой картины. За столом сидит Валя. Входит Миша.

МИША. Ты как? Отклеился?

ВАЛЯ. Я-то отклеился... А вот сатиры и юмора у нас всё-таки нет... Ты Лёшу не нашёл?

МИША. Найдёшь его... (За сценой шум топотливых шагов.) Тихо... слышишь?

ВАЛЯ. Похоже, Лёша пробежал...

МИША. Беги, тащи его сюда!

ВАЛЯ. Есть тащить Лёшу. (Убегает.)

(За сценой возня. Голос Лёши: «Пусти! Ни минуты времени!»)

ВАЛЯ (втаскивает Лёшу). Всё равно не выпущу! Всё равно!

МИША. Ага, поймали? Ты что нам написал? Ты что, издеваешься над нами?

ЛЕША. Где издеваюсь? Чего издеваюсь? Говори конкретно, у меня ни минуты времени!

МИША. Ты же всегда хорошие стихи писал. А теперь ты что написал? (Читает.)

Не слушайся лени

И правильно используй своё время.

Береги часы и минуты,

И тогда будет всё в порядке...

Что это такое?

ЛЕША. Стихи.

МИША. Какие стихи?

ЛЕША (несколько смущённо). Неважные, конечно, стихи...

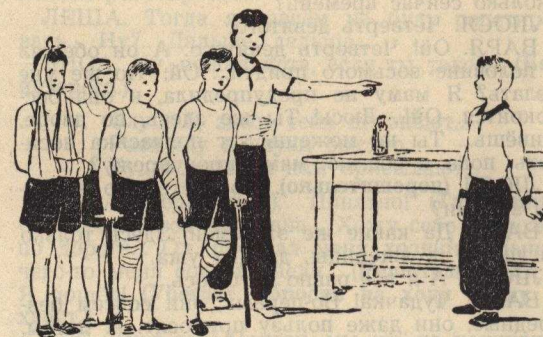
МИША. Слушай, Лёша. Не хочешь работать, выходи из редколлегии. Но сейчас ты должен написать хорошие сатирические стихи... Ясно?

ЛЕША. Не могу. Ни минуты времени! Ты знаешь, сколько я дел переделал?.. Провёл репетицию в драмкружке, оказал помощь юннатам, затем участвовал в подготовке пирамиды...

(За сценой какой-то шум.)

МИША. Погоди... Кто это?

(Входит преподаватель физкультуры и несколько прихрамывающих, забинтованных ребят.)

МИША. Здравствуйте, Иван Николаевич. Ох, ребята, откуда это вы?

ОДИН ИЗ ФИЗКУЛЬТУРНИКОВ (хмуро). От врача.

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ФИЗКУЛЬТУРЫ (сурово). Так вот, уважаемый редактор... Я попрошу поместить заметку о недостойном поведении этого вот товарища, Лёши Зайцева. Можно прочитать заметку вслух?..

МИША (немного растерянно). Пожалуйста...

ОДИН ИЗ ФИЗКУЛЬТУРНИКОВ (читает).

«Кто мешает нашей работе». (Поясняет.) Это заголовок. (Читает.) «Занятия в нашем физкультурном кружке проходили дружно, весело, дисциплинированно. Так продолжалось до тех пор, пока в кружок не записался ученик шестого класса «Б» Лёша Зайцев. Этот мальчик постоянно опаздывает на занятия и занимается спустя рукава, оправдываясь тем, что, помимо физкультурного кружка, у него много других дел. А сегодня произошёл возмутительный случай. Мы готовили пирамиду. Зайцев всё время дёргался, мешая верхним партнёрам удерживать равновесие, и, наконец, с криком: «У меня ни минуты времени!» — выскочил из пирамиды и бросился вон из зала. В результате несколько человек получили ушибы». Всё! Поместишь эту заметку, товарищ редактор?

МИША. Хорошо. Поместим.
ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ФИЗКУЛЬТУРЫ. До свидания! Пошли, ребята!..
ОДИН ИЗ ФИЗКУЛЬТУРНИКОВ. На выход, шагом марш! (Хромая, уходят.)

(Входят Лиса и Медведь.)

ЛИСА. Здравствуйте, девочки! Мы просим вас напечатать заметку. Вот про него, про этого Лёшу. Потому что это безобразие просто... Работали до него хорошо, а как он записался в драмкружок, так всё насмарку пошло. По целому часу заставляет людей дожидаться...

МЕДВЕДЬ. Да ещё в меховых шкурах...

ЛИСА. Заметка прямо так и называется: «Кто мешает нашей работе»... Напечатаете?

МИША (неуверенно). Ладно, оставляйте. Напечатаете. (Входят Люся и Варя.)

ЛЮСЯ. Здравствуйте!

МИША. Это ты? Ну, как, свет у вас починили?

ЛЮСЯ. Починили. Мы вам заметку принесли. Вот про него. (Указывает на Лёшу Зайцева.)

ВАРЯ. Заметка так и называется: «Кто...»

МИША (перебивая). Знаю: «Кто мешает нашей работе».

ВАРЯ и ЛЮСЯ. Откуда ты знаешь?

ВАЛЯ. Мы все знаем.

ЛИСА. Ой, девочки, уже целых две заметки!

Занавес

РЕБЯТА!

Поставить у себя в школе эту пьесу несложно. Все четыре картины могут происходить в одной и той же комнате, меняется только меблировка.

В первой и четвертой картинах на сцене стоит стол, два стула, на стенах развешаны стенгазеты.

Во второй картине сцена пуста. Живой уголок в третьей картине может быть показан очень просто: нужно только расставить на

ВАЛЯ. Не две, а целых три!
МИША. А мы от себя ещё четвертую добавим.

ВАЛЯ (неожиданно). Миш!.. А знаешь, какая у меня появилась гениальная мысль! Вот же — сатира и юмор! Лёшка, не надо нам никаких твоих стихов! Мы лучше о тебе самом сатирический рассказ напечатать. О том, как человек сразу много дел нахватал и ничего толком не делает... Верно, Миша?

МИША и ВСЕ РЕБЯТА. Правильно! Верно! Вот это верно!

(Входит мальчик из музыкального кружка.)

МАЛЬЧИК (к Лёше). Ну, чего ты на спевку не идёшь? Про тебя уж там заметку в стенгазету собираются писать... Идём! (Лёша молчит.) Слышишь? Идём скорее!..

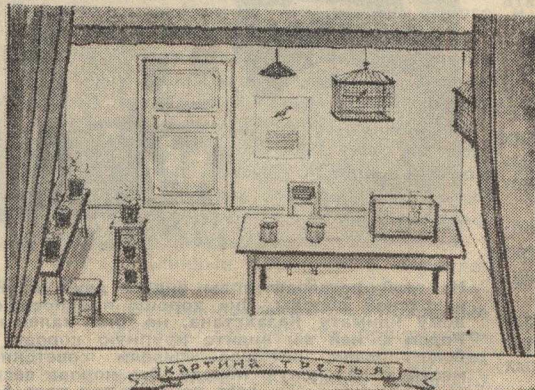
ЛЕША. Никуда я не пойду.

МАЛЬЧИК. Это почему ещё?

ЛЕША. Потому... (С неожиданным вдохновением.) потому, что невозможно человеку сразу двадцатью делами заниматься! Человек должен выбрать себе по вкусу два — три каких-нибудь интересных дела и уж делать их как следует, а не тяп-ляп... Верно я говорю, товарищи?

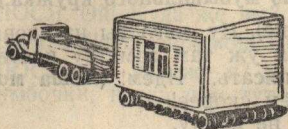
ВСЕ. Верно! Конечно, правильно.

ЛЕША. Ну и вот. А теперь идите, ребята... Нам газету дописывать надо. У нас ни минуты времени! Ни минуты!

Крошечные "кузнецы"

Страстиующие дома

Мы все привыкли жить в домах, прочно стоящих на фундаменте. Правда, советские инженеры с большим искусством передвигают даже многоэтажные дома, но на новом месте дома снова устанавливаются на прочном, неподвижном фундаменте.

В Академии архитектуры разработаны проекты домов, которые легко можно перевезти на платформе, поставленной на колёса или полозья.

Такие дома предназначены для работников, которым приходится переходить с места на место.

Дом-путешественник прежде всего должен быть лёгким. Стены у него тонкие — толщина их всего 12 сантиметров, — но сделаны они из материалов, плохо проводящих тепло, и покрыты алюминиевой фольгой, отражающей тепловые волны так же, как отражает зеркало лучи света. Поэтому они надёжно защищают жильцов от холода и жары. Стены эти в 80 раз легче обычных кирпичных. Весь дом весит всего 3,5 тонны. Один трактор-тягач может поднять шесть таких домов зараз, а десяток тракторов за несколько рейсов могут перевезти большой посёлок.

Архитекторы позаботились и о том, чтобы передвижные дома были удобны и благоустроены. В них есть все удобства: и водопровод, и паровое отопление, и электрическое освещение.

Дома обставлены лёгкой и удобной мебелью, которая быстро убирается в стены, когда дом пускается в путешествие.

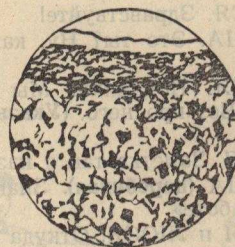
Московский вагоноремонтный завод уже приступил к изготовлению таких удобных и благоустроенных домов.

Если вы проведёте по железной или медной пластинке стальной иглой, на пластинке останется глубокая царапина. Вы сразу почувствуете, что в ваших руках мягкий, податливый материал. Но если эти пластинки обработает кузнец, они под ударами молота станут более прочными и твёрдыми. На поверхности пластинок образуется так называемый наклёп — тонкий, но очень прочный слой металла, — пластинки как бы прикроются прочной бронёй. Наклёп образуется не только при ковке, но и при прокате и при закалке металлов.

Образование этого тонкого прочного слоя металла требует от машиностроителей и инструментальщиков большого искусства: наклёпанная поверхность должна измеряться десятками долями миллиметра, иначе металлические изделия будут хрупкими, ломкими.

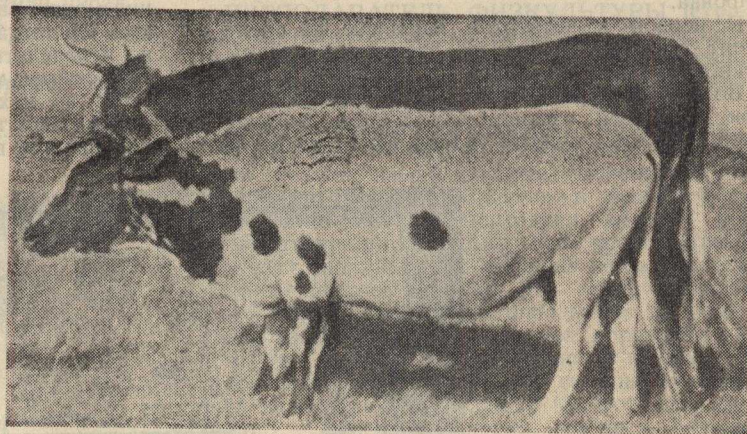
Сотрудники Центрального научно-исследовательского института технологии машиностроения разработали новый способковки металлов при помощи крошечных чугунных дробинки. Как же могут дробинки заменить кузнечный молот? Оказывается, могут.

В особый аппарат — дробомёт — насыпают очень много дробин — триста килограммов. Эти дробинки падают на быстро вращающиеся лопатки, которые отбрасывают дробинки на поверхность обрабатываемой детали. Миллионы чугунных дробинки, словно микроскопические молоточки, ударяют по металлу.

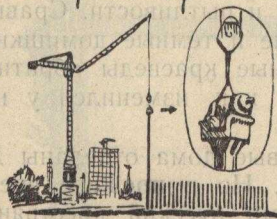
Под ударами дробинки меняет строение металла, как это видно на рисунке. Изделия покрываются тончайшей бронёй, прочной, гладкой, не боящейся царапин и трения.

Часть дробинки разбивается во время «ковки» в пыль, которая мешает работать. Конструкторы дробомёта для удаления этой пыли построили особую веялку, которая сдувает чугунную пыль с изделий.

На этой фотографии вы видите двух коров. Белая корова — местной казахской породы. Она хорошо приспособилась к резкому, засушливому климату Казахстана, но она маленькая и даёт мало молока. Рядом с ней вы видите крупную корову новой породы «Казахская белоголовая», которую вывели советские животноводы, улучшив местную казахскую породу. Эта корова весит вдвое больше, а молока даёт почти в три раза больше.

Вибратор

Представьте себе, что вам нужно забить в землю палочку. Это легко можно сделать, ударяя молотком по верхнему концу палочки. Но можно поступить и иначе: заставить палочку мелко-мелко дрожать в руке. Тогда частицы земли, расступаясь в стороны, позволят погрузить палочку в песок без ударов сверху.

Такой нехитрый опыт может вам наглядно объяснить сущность нового способа забивки свай.

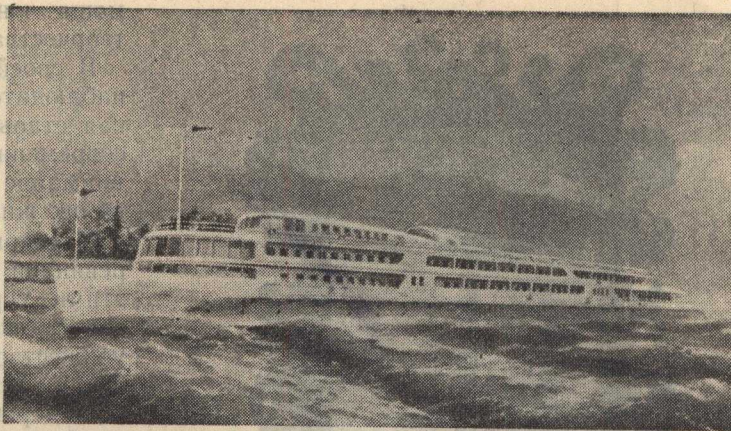
Сваи обычно забиваются в грунт мощным молотом, который приводится в движение паровой машиной или двигателем внутреннего сгорания.

Эти работы требуют громоздкого оборудования, для них нужен большой, мощный молот, удар за ударом вгоняющий балку в грунт. Сильные удары огромного молота изменяют строение балки, деформируют её. А деформация балки — это уже серьёзный дефект.

Поэтому инженеры и учёные всё время изыскивали новый способ забивки свай. Теперь такой способ найден.

Советские инженеры сконструировали особую машину — вибратор, — которая укрепляется на верхнем конце балки. Машина эта заставляет балку дрожать, делать до двух с половиной тысяч колебаний в минуту. Дрожание балки — вибрация — передаётся грунту, частицы его под влиянием этих колебаний теряют связь друг с другом, земля становится как бы разжиженной, податливой. И балка всё глубже уходит в грунт, передавая свои колебания всё новым слоям земли. Человеку, смотрящему со стороны, кажется, что балка сама почему-то укоротилась.

Вибратор можно применять и для установки бетонных свай. Он надевается на металличе-

Перед вами эскизный проект нового теплохода, который разработали конструкторы горьковского завода «Красное Сормово» имени А. А. Жданова. Такие теплоходы будут плавать по каналу Волга—Дон между Москвой и Ростовом. На них будут удобные каюты для пятисот пассажиров, ресторан, музыкальный и танцевальный залы, кинозал, бассейн для плавания и библиотека.

скую трубу и быстро вгоняет её в грунт на нужную глубину. Потом трубу наполняют бетоном и, заставляя её вибрировать, вынимают, а бетон остаётся в земле.

Вибратор позволяет строителям каналов, плотин и гидроэлектростанций работать по-новому. Он вгоняет балки примерно в пять раз скорее, чем молот.

Арбузы в пустыне

С севера к столице Туркмении Ашхабаду близко подходит пустыня Кара-Кумы.

Лето в пустыне долгое, горячее, сухое. Ни одной капли дождя не падает на землю в течение семи—восьми месяцев. Можно проехать по пустыне десятки километров, не встретив ни одного зелёного листика.

Тихо. Жарко... Чуть колеблется у горизонта раскалённый воздух, и вдруг вдалеке среди песков видна яркая, сочная зелень.

Что это, мираж? Нет, это колхозные бахчи... Среди сыпучих обнажённых песков колхозники выращивают без полива прекрасные арбузы.

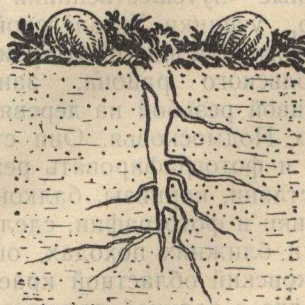
Длинные плети густо переплетаются на песке. Блещат на солнце темнозелёные и полосатые арбузы. От лёгкого прикосновения ножа арбуз с тихим хрустом разламывается. Капли сладкого сока падают на песок...

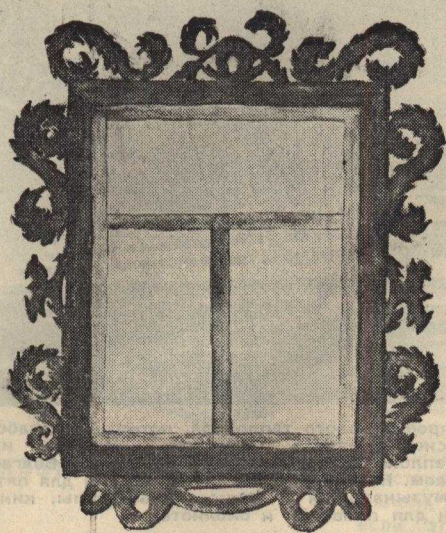
Какой же водой питаются арбузы? Оказывается, что в песках на небольшой глубине очень долго удерживается влага весенних дождей и растаявшего снега.

Кусты каракумских арбузов по внешнему виду отличаются от выросших на влажных почвах. У них крепкие стебли, плотные, кожистые листья покрыты жёсткими волосками, а корень их, толстый и грубый, напоминает древесный. От него отходят тонкие корни, достигающие в длину десяти метров. Чтобы одни растения не отнимали влагу у других, арбузным кустам отводят большое пространство — их сажают на расстоянии 15—20 метров друг от друга.

Чем больше осадков выпадает зимой и весной, тем лучше урожай арбузов и тем они крупнее. Нередко они достигают 20 килограммов.

С одного куста снимают 15—20 и более арбузов, а урожай с гектара достигает шести тонн.

ДЕРЕВЯННЫЕ КРУЖЕВА

Дм. Соболев

Издавна в русских селениях дома украшались деревянной резьбой. По всей России — и в Волоколамске, и в Иркутске, и на Урале, и под Архангельском — можно увидеть прекрасные образцы этого народного искусства. Иной домик сверху донизу будто кружевами украшен красивой и тонкой резьбой. Вокруг окон — широкие узорные наличники. Примыкая друг к другу, сливаясь вверху с резным карнизом, они почти целиком закрывают тёмный бревенчатый сруб. И домик кажется праздничным, нарядным.

Все украшения, все сложные, причудливые узоры — это работа простых деревенских плотников, которыми руководили стремление к красоте, прирождённый вкус, мастерство.

Юные путешественники по родному краю, ученики Лигачёвской школы Химкинского района и Щербинской школы Подольского района, заинтересовались красивой резьбой на деревянных домах в сёлах Подмосковья. Они стали срисовывать и фотографировать резные наличники, ставни, карнизы, балкончики. Эти зарисовки и фотографии, сделанные в дальних и ближних походах, они передали в Московский областной краеведческий музей, где с великой радостью приняли по-

мощь юных исследователей народного творчества.

В своей работе ребята проявили много наблюдательности и пытливости. Сравнивая старые, тесные и тёмные домишки с современными, юные краеведы обратили внимание на то, как изменился у нас облик жилища.

И старые и новые дома отделаны деревянной резьбой. Но в прежнее время этими украшениями русский крестьянин словно старался прикрыть и скрасить убожество своей маленькой и бедной избушки. А на новых, современных постройках деревянные кружева подчёркивают удобство и зажиточность просторного жилища с его светлыми горницами и высокими потолками.

Посмотрите на рисунки, сделанные ребятами: они помещены здесь и на последней странице обложки.

Из многих, очень интересных, мы выбрали только несколько зарисовок. Одни из них воспроизводят наличники со старых домишек, другие — с новых, построенных уже в наше время.

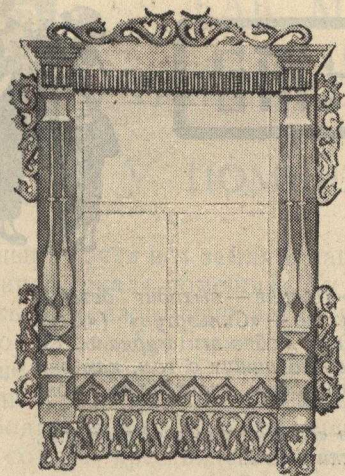
Сколько изобретательности и фантазии проявляет народный художник, создавая свои замечательные узоры! Здесь и геометрические фигуры — ромбы, кружочки, треугольники, квадраты, здесь и любовно использованные мотивы родной природы — листья, травы, цветы, ёлочки, петушки. А на новых постройках орнамент ещё богаче и красивее и почти всегда увенчан нашей родной советской пятиконечной звездой.

Изучать народное искусство очень полезно и интересно. Многие прославленные русские художники находили неисчерпаемый источник вдохновения в народных орнаментах — вышивке, резьбе, росписи.

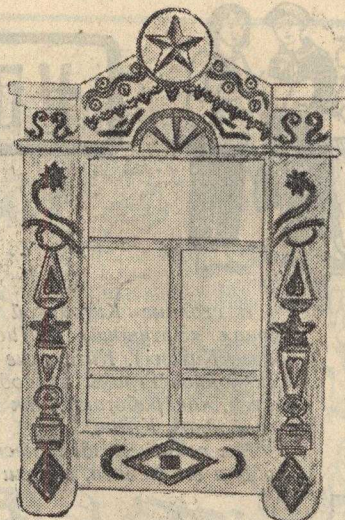
То, что начали пионеры Химкинского и Подольского районов, могут продолжить ребята других школ.

Вечно молодо и не умирает народное искусство. Но оно никогда не повторяет в точности прежних образцов. А надо сохранить их, чтобы они не исчезли вместе с деревянными домиками.

Прекрасные образцы народного творчества можно собрать во всех краях и республиках. В Узбекистане в простом глинобитном домике вы можете увидеть узорную дверь, на которой деревянная резьба сочетается с латунными украшениями, и

Ребята из Лигачёвской школы зарисовали этот наличник в Химкинском районе, Московской области.

Такой резьбой украшены наличники недавно построенного дома в Подольском районе.

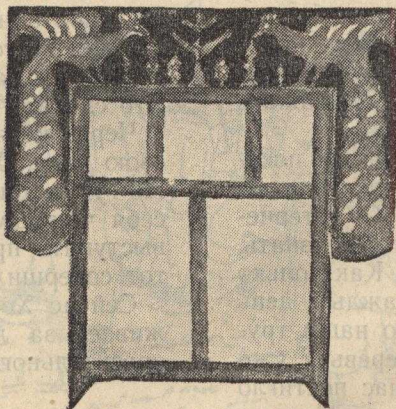
столбы внутренней галереи, покрытые сверху донизу кружевными узорами. На Урале в сёлах и городах часто встречаются старинные массивные ворота и ставни с замечательными накладными украшениями. На Украине в белых хатках вы найдёте печи и стены, расписанные нарядными и яркими орнаментами. А на Севере — у саами — замечательные детские люльки, украшенные резными узорами, медью и бисером.

Зарисовывая и собирая образцы народного творчества, как это делают пионеры Подмосковья, вы принесёте пользу не только своими рисунками, но и тем, что привлечёте внимание людей к произведениям искусства, окружающим их в быту. Народный художник часто творит, как птица поёт: ни он, ни те, кто пользуется

его изделиями, не видят в них ничего особенно удивительного и ценного. Резной валёк или расписное донце у прялки — вещи, которые с радостью принял бы любой музей, — могут быть выброшены, отслужив свой век.

Когда-то сокровища народного творчества изучались только одиночками-любителями. В наше время, когда народ — хозяин всех богатств страны, в том числе и художественных, этой работе посвящает своё время множество людей — и учёные-специалисты и просто ценители народного искусства.

Поэтому не случаен интерес подмосковных ребят к деревянной резьбе. Но это — только начало. Несомненно, вскоре юные разведчики сокровищ народного творчества появятся во всех уголках страны.

Посмотрите, какие диковинные птицы украшают окно одного из домов в Химкинском районе, Московской области.

НАША ПОЧТА

В столице Китайской Народной Республики — Пекине — выходит детский журнал «Эртундуй» («Пионеры Китая»), в Тяньцзине — «Синьэртун» («Дети нового Китая»). Китайские пионеры и школьники очень любят эти журналы. Со всех концов страны приходят в редакции письма. Ребята пишут о том, как они учатся, как работают, как помогают старшим строить новую, счастливую жизнь в свободном Китае.

Мы печатаем здесь несколько писем из журналов «Синьэртун» и «Эртундуй», чтобы и вы, ребята, смогли узнать, как живут китайские дети.

ЛЕС ВДОЛЬ КАНАЛА

В нашей провинции всегда не хватало воды для орошения полей. Отец отдавал помещику каждый пятый мешок зерна за то, чтобы тот пускал воду на наше поле. Теперь у нас нет помещика. Мы сами владеем своими полями и арыками.

В позапрошлом году крестьяне всего уезда очистили и восстановили оросительные каналы. Мы получили много воды на поля и собрали в прошлом году хороший урожай. Но как-то к нам приехал агроном и рассказал, что если бы у нас было больше зелёных насаждений, то урожай был бы ещё лучше. Вожатый нашего отряда Чжу Хо-мин на пионерском сборе рассказал нам о лесных посадках в Советском Союзе. «Если бы у нас тоже были лесозащитные полосы, мы могли бы собирать с полей очень высокие урожаи», — сказал он. Тогда мы решили помочь нашим родителям посадить лес возле канала.

И вот осенью прошлого года мы посадили вдоль канала молодые деревца на протяжении пятнадцати ли. С нетерпением ожидали мы весну, чтобы узнать, принялись ли наши саженцы. Как только стали набухать почки, мы каждый день бегали на канал, радуясь, что наши труды не пропали даром. На деревьях уже были листочки... и вдруг нас постигло несчастье. Ночью кто-то обломал больше двухсот молодых деревьев. Кто это сде-

лал, узнать не удалось. Наш пионерский отряд в один день посадил новые саженцы на место сломанных. Взрослые были заняты на полях, и нам пришлось работать самостоятельно. Время для посадки было неподходящее. Саженцы долго болели, и мы, чтобы спасти их, носили воду, поливали и обирали гусениц. И деревья выжили...

Совсем неожиданно наш труд дал ещё один результат. Однажды к нам на сбор пришёл Хо Ин-гуй, сын бывшего деревенского старосты, и попросил разрешения остаться на сборе. Мы были очень удивлены. Ведь он не был пионером и никогда раньше не высказывал такого желания. Но ещё больше мы были поражены, когда Хо Ин-гуй заявил на сборе: «Товарищи пионеры, я видел, как вы самоотверженно спасали лес, который предохранит от высыхания канал. Я видел, что вас никто не заставлял делать это. Вы работали для себя, для нашей деревни, для всего народа. Мне стыдно, что я не сказал раньше, кто поломал деревья. Это сделали мой дядя и отец».

Через месяц их судили, и они признали свою вину. А недавно мы приняли Хо Ин-гуя в пионерский отряд. Он показал себя честным человеком и не побоялся выступить против отца, когда узнал, что тот совершил преступление.

Сейчас Хо Ин-гуй вместе с нами ухаживает за лесом и следит за чистотой оросительного канала.

Пионер Ван Ю-фу,
деревня Цзипу, провинция Чахар

КАК МЫ НАШЛИ ХЛЕБ У ПОМЕЩИКА

Раньше почти вся земля в нашей деревне принадлежала помещику Ху Гуан-цаю. Крестьяне должны были арендовать у него землю. За это Ху Гуан-цай забирал себе больше половины урожая, а крестьяне голодали. Когда же к нам пришла Народно-освободительная армия и в нашей деревне был создан крестьянский комитет, для Ху Гуан-цай настали плохие дни. Народная власть запретила ему брать огромную арендную плату за землю и приказала вернуть незаконно отобранный у крестьян хлеб. Но на общем собрании крестьян Гуан-цай клялся своими предками, что у него нет хлеба. У него сделали обыск и в самом деле хлеба не нашли. Тогда председатель крестьянского комитета Цао Ю-фын собрал наш пионерский отряд, который был ещё только что организован, и дал нам первое боевое задание: найти хлеб, спрятанный толстым дьяволом Ху Гуан-цаем. Мы стали следить за домом Гуан-цай и заметили, что Гуан-цай носит своим буйволам сено из сарая, который стоит в другом конце двора, а стог сена около хлева он почему-то не трогает. Мы рассказали об этом Цао Ю-фыну, и крестьянский комитет снова обыскал дом

Радостным стал для крестьян труд в новом Китае. Они теперь во всём помогают друг другу: делятся сельскохозяйственными орудиями, вместе обрабатывают землю, вместе убирают урожай. Рассмотрите внимательно рисунок художника Ся Фына. Как дружно работают крестьяне, как сердечно поздравляют они по окончании работы того, кто трудился лучше всех!

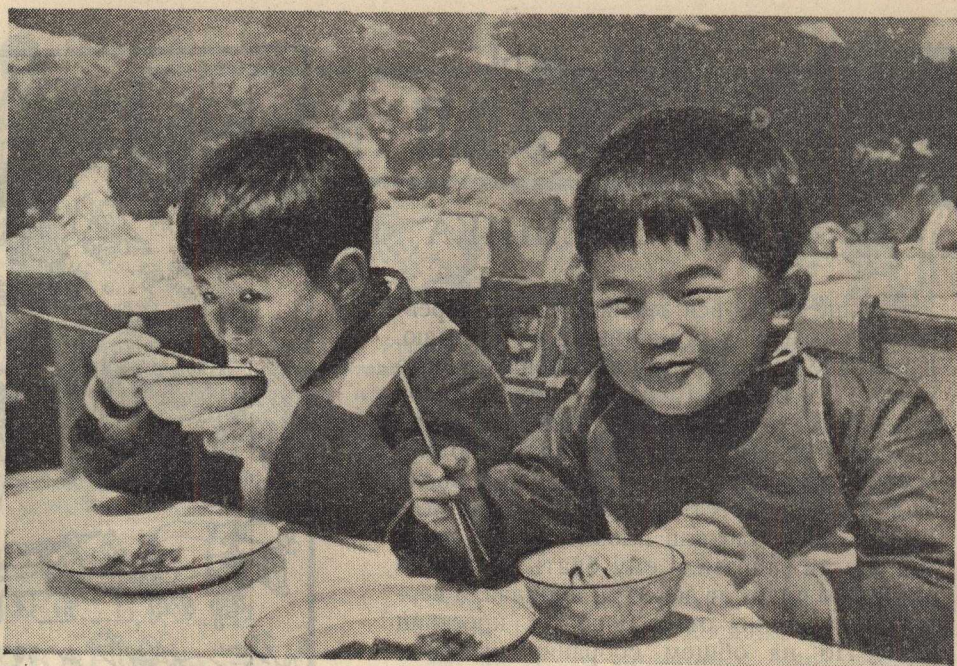
и двор помещика. Под стогом сена возле хлева обнаружили яму, в которой был спрятан хлеб.

Пионер Цао Цзи

Раньше почти вся земля в Китае принадлежала кулакам и помещикам. Народная власть отобрала у них землю и бесплатно передала её крестьянам. На этом лубке художник Ван Мань-шо изобразил это радостное для китайских крестьян событие: крестьяне делят помещичью землю и отмечают границы своих владений.

Тёплой заботой
окружены дети
в новом Китае.

НАШ ОТРЯД СТАЛ ДРУГИМ

В журнале «Синьэртун» мы прочли статью о советских пионерах. Она нас очень заинтересовала, и мы обсудили её на общем собрании. Мы попросили нашего учителя Мао и вожатого отряда Ли подробнее рассказать нам о советских пионерах. Через несколько дней Ли привёз из города кинокартину о жизни советских пионеров в Артеке. Она нам очень понравилась. А потом учитель Мао рассказал нам, как в Советском Союзе принимают в отряд новых пионеров. И мы решили завести такой же порядок в своём отряде. Теперь, когда мы принимаем в отряд новичка, он даёт торжественное обещание на общем пионерском собрании, и после этого ему надевают красный галстук.

Мы теперь отдаём салют, когда здороваемся друг с другом или со старшими товарищами. По субботам мы собираемся ненадолго, и каждый пионер отчитывается в том, как он выполняет порученное ему дело.

Пример советских пионеров очень помогает нам. Мы стали лучше помогать друг другу в работе, серьезнее относиться к своим обязанностям. У нас повысилась успеваемость и окрепла дисциплина.

Пионер Сяо Лин-шань,

школа воспитанников 4-й полевой армии

РАДИО В НАШЕЙ ДЕРЕВНЕ

Осенью прошлого года в соседней с нами деревне Балицзяо был установлен громкоговоритель. Учитель Чжан Дэ-ван рассказывал нам в школе о радио, но мы никогда не видели настоящего радиоприёмника или громкоговорителя. И мы решили всей школой пойти посмотреть громкоговоритель и послушать радиопередачу. В назначенный день мы все собрались к месту сбора, даже самые маленькие, хотя было холодно и ветрено. Когда мы подходили к Балицзяо, мы издали услышали музыку. Мы подумали, что это репетирует наша районная агитбригада. Но когда вышли на площадь, то увидели толпу крестьян около здания районного управления. Ни одного артиста там не было, а всё-таки кто-то играл на флейте и пел. Подойдя поближе, мы поняли, что пение несётся из небольшого полированного ящичка, который был укреплен на стене дома. Оказывается, это и был радиорепродуктор. Мы прослушали концерт, а потом сообщение о событиях в Корею. По пути домой Сяо Жень-ю спросил учителя, почему в нашей деревне не установили громкоговоритель. Учитель ответил, что власти не могут сразу радиофици-

цировать все деревни из-за недостатка рабочих рук. Мы замолчали, обдумывая слова учителя. И вдруг шустрая Ло Си предложила такое, что мы все запрыгали от восторга. Она сказала: «Учитель Чжан, ведь до нашей деревни от Балицзяо совсем недалеко — всего четыре ли (ли — около половины километра). Почему бы нам самим не провести линию? Ведь наши старшие мальчишки уже совсем сильные! Если радиотехник из Балицзяо покажет нам, как и что делать, то мы со всем справимся сами». Вот она какая, наша Ло Си!

Через месяц мы подвели линию к деревне. Собрали деньги на покупку репродуктора. Покупать репродуктор поехали учитель Чжан, Ло Си и ещё двое мальчишек. Мы встречали их с песнями и флагами. Репродуктор торжественно установили на дереве, что растёт на площади, у дома бывшего помещика, который сбежал с гоминдановцами. Теперь в этом доме кооператив. И так повелось, что на площади под деревом крестьяне нашей деревни собираются на собрания, обсуждают новости и решают спорные вопросы. А с того дня, как мы установили на дереве репродуктор, народ приходит сюда послушать музыку, песни, последние известия. И долго после радиопередач беседуют крестьяне и обсуждают свои дела.

Лю Шэн-хун,

ученик 6-го класса сельской школы
провинции Чжэцзян

КАК МЫ РЕМОНТИРОВАЛИ ШКОЛУ

Когда гоминдановцы уходили из нашего города, они взорвали завод рядом со школой, в которой мы учимся. От взрыва в школе обвалилась стена и вылетели окна. Как только в город пришла Народно-освободительная армия, в школе начались занятия, но заниматься было очень тесно: несколько классов было разрушено, а детей на занятия приходило гораздо больше, чем при гоминдановцах, — ведь теперь не надо платить за учение, и каждый рабочий может послать своих детей в школу.

Однажды на уроке учитель рассказал нам об огромном строительстве, которое

Обложка одного из номеров журнала «Пионеры Китая».

идёт сейчас в свободном Китае. Он рассказывал, как важно теперь беречь народное

достояние и быть экономным, как нужны теперь рабочие руки в новом Китае — не то что при гоминдановцах, когда наши родители не могли получить работу даже за самую низкую плату. Тогда один из учеников, Ю Мин, сказал, что мы сами можем отремонтировать свою школу, не требуя от государства денег на ремонт.

Вечером на собрании пионерского отряда мы разработали план и на следующий день

МОЯ ПЕРВАЯ ЭКСКУРСИЯ НА ЗАВОД

Однажды на перемене к нам в класс прибежал ученик из соседней группы, Сяо Лин. При гоминдановцах Сяо Лин не мог учиться по-настоящему. Он работал маслёнщиком на заводе и учился только урывками, самоучкой.

Сяо объявил, что завтра пионерский отряд идёт на экскурсию на завод.

Когда мы пришли на завод, нам рассказали, что при гоминдановцах в нашей стране было очень мало заводов и фабрик и оборудование на них было всё заграничное. Американские, английские, японские и другие фабриканты только показывали рабочим, как надо управлять машинами,

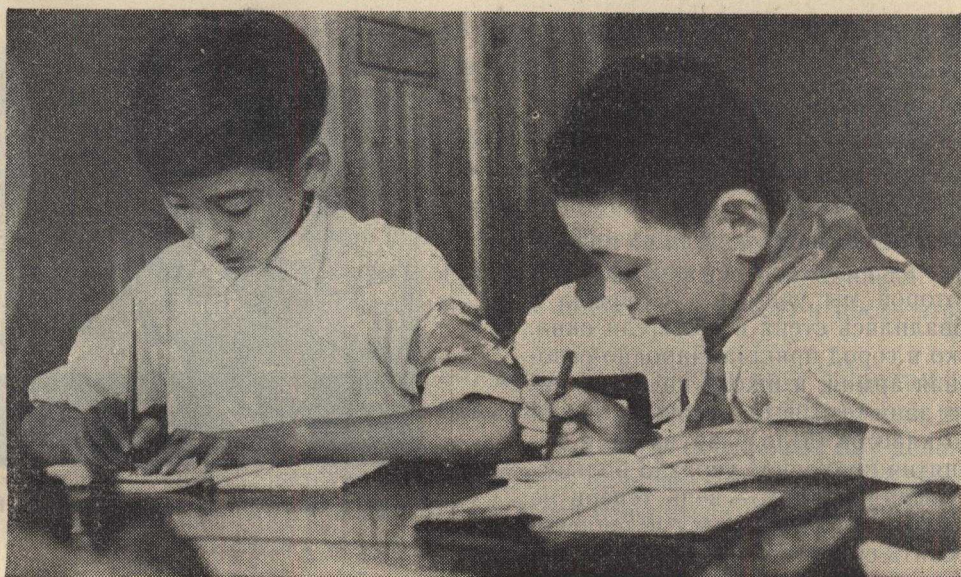
после занятий приступили к ремонту. Мы так хорошо сделали новую стену, что люди, проходя мимо школы, спрашивают, сколько мы заплатили каменщикам. А мы не потратили ни одного юаня государственных денег! И все деньги, которые государство выделило нам на ремонт школы, мы передали в фонд обороны.

Сунь Ши-эр,
ученик 4-го класса, город Мукден

но не объясняли, как они устроены, как их надо ремонтировать. Фабрикантам было выгодно иметь неграмотных, забытых рабочих, с которых можно драть по три шкуры.

Мы видели на заводе, как строят машины и моторы для наших заводов и фабрик. Нам очень нужны сейчас машины, нужно уметь их строить, нужно уметь ими управлять. Ведь каждая новая машина делает нашу страну ещё сильнее. Когда я окончу школу, я тоже стану инженером и буду строить машины.

У Цин-хуа,
ученица 6-го класса 3-й школы,
город Тяньцзинь.

На уроке. Семилетняя школа в Ханьюю.

Тренировка детских команд на городском стадионе в Подольске. Команда «Спартак» ждёт своей очереди.

МЯЧ В ВОРОТАХ

Н. Александрова

„Уличные“ команды

В Подольске летом играет много детских футбольных команд. Они возникают во дворах, на улицах — всюду, где соберутся пять — шесть мальчиков. Такие команды можно увидеть в любом городе. Нет у них ворот — поставят два камешка, нет футбольного мяча — играют любым, даже самым маленьким, для лапты; нет судьи — судят игру сами. И играют горячо, азартно, защищают свои два камешка с такой же страстью, как футболисты настоящие ворота на настоящем стадионе. Таких мальчишеских безымянных

команд у нас тысячи, только не все их признают за настоящие. Мало ли кто там гоняет мяч по улицам!

А в Подольске между этими командами устраивают розыгрыш на первенство города по футболу. Вывешивают афиши, объявляют по радио. И с любой улицы, с любого двора в Городской комитет по делам физкультуры приходят мальчики и заявляют о том, что на такой-то улице, там-то и там-то собралась команда, она тоже просит включить её в игру. И её обязательно принимают. Но только уж раз команда, то у неё должно быть и своё имя и своя форма.

Так одна за другой появились в городе футбольные команды «Чайка», «Стрела», «Молния», «Спартак», «Звёздочка», «Красное знамя». Одни играют в синих майках, другие — в красных; у одних на груди эмблема — летящая птица: «Чайка», у других — большая буква «Т»: «Торпедо», у третьих — железнодорожный знак:

Острый момент в игре между командами «Спартак» и «Стрела».

«Локомотив». Адрес у команды простой: «Спартак» живёт на Рабочей, «Стрела» обитает на Красной, а «Молния» — на Большой Ивановской.

Раньше эти команды так и называли «уличными». Но теперь решили их так не называть.

«Уличные»... Как-то напоминает это название тех мальчишек, которые бегают целыми днями по улицам, висят на буферах, гоняются за машинами. А мальчики из футбольных команд совсем не похожи на таких ребят, они организованные, подтянутые, на груди почти у каждого из них — значок БГТО, знак силы, здоровья и тренированности. И можно целый день проходить по городу, заходить в переулки, пересекать улицы, добираться от центра до самой окраины и нигде не увидеть ни одного «уличного» футболиста. Такое теперь здесь твёрдое спортивное правило: на улице и во дворах в футбол не играют! Уже много времени прошло с тех пор, как команда «Локомотив» последняя нарушила это правило. Ребята проводили свои тренировки на улице, мешая пешеходам и рискуя попасть под машину. Судейская коллегия дисквалифицировала эту команду, отстранила её от участия в розыгрыше.

Футболисты ушли с улиц, их здесь не встретишь. Зато в лесу, за городом, можно увидеть на поляне воткнутые в землю

колья, снятый полосами дерн — это футбольное поле команды «Родина». На берегу речки устроила свой стадион «Молния». У гостеприимных ремесленников на их спортивной площадке проводит свои тренировки команда «Буревестник», спартаковцы играют в городском парке. Всем нашлось хорошее место!

А соревнования и встречи команд происходят на городском стадионе, там, где играют взрослые. И так же, как взрослых футболистов, всех мальчиков перед играми осматривает врач.

Много бывает интересных встреч за лето.

Можно было бы рассказать о первой игре, когда на стадион собрались мальчики со всего города и команда «Родина», прошлогодний победитель, сыграла вничью с только что организованной командой «Стрела»; или о том, как Толя Смоленков из «Спартака» в игре со «Звёздочкой» три раза подряд бил по мячу головой и всё попадал в штангу, а на четвёртый раз всё же угодил в ворота; или о том, как «Молния» забила первый гол в своей жизни; или о том, как вратарь «Стрелы», маленький Витя Клякушев, в отчаянном прыжке взял мяч, летевший в верхний угол.

Можно было бы рассказать о том, как каждая улица волновалась за свою команду, как на игры приходили даже

взрослые, как запасные, а их всегда было больше, чем игроков, страстно рвались с трибун на поле, чтобы помочь своим.

Многое можно было бы рассказать, но, пожалуй, самым интересным событием в сезоне была всё-таки встреча двух сильнейших команд города — «Спартак» и «Стрелы». Удивительная это была игра, особенно её последние восемь минут.

Последние восемь минут

Споров было много. Трудно было решить, какая команда сильнее. Обе прошли весь круг без единого поражения. У обеих было крепкое нападение и стойкая защита. Победив всех остальных, они теперь должны были сыграть последнюю игру и решить вопрос о первенстве. Кому-то из них эта игра сулила первое поражение, а кому-то решающую и последнюю в сезоне победу. Многие думали, что игра кончится вничью. Но футболисты команды «Родина», уже прочно занявшие третье место, были уверены, что победят спартаковцы.

— Нет, они гораздо сильнее «Стрелы». Они обязательно выиграют, — горячо говорил Володя Булгаков, капитан «Родины». — Вот мы с ними играли. Так со «Стрелой» получилась ничья, а «Спартак» обыграл нас.

Это был убедительный довод. Действительно получалось, что «Спартак» сильнее, он и должен победить.

Игра началась так, как думали. «Спартак» забил гол команде «Стрела», и этот счёт 1:0 сохранялся почти до самого конца состязания. Оставалось всего восемь минут до конца игры. Но за эти восемь минут случилось событие, ошелолившее всех, кто был на стадионе: за эти восемь минут «Стрела» забила «Спартак» четыре гола подряд.

Обычно об этом начинают рассказывать так: «Пошёл дождь...»

Дождь действительно пошёл, но начать следует с того, что всю вторую половину игры «Стрела» «висела» на воротах противника. И вдруг кто-то из спартаковцев задел рукой мяч. Судья назначил штраф-

ной одиннадцатиметровый удар в ворота «Спартак». Центр нападения «Стрелы» Боря Носырев хорошо пробил его. И счёт сравнялся — 1:1. С этой минуты наступил перелом в игре. Едва вратарь выкинул мяч, как тот же Боря сильным и резким ударом почти с самого центра поля вернул мяч к воротам «Спартак». Толя Коптев, самый быстрый игрок «Стрелы», обогнал защитников «Спартак» и внезапно очутился с мячом у самых ворот. Вратарь не ожидал, что мяч так быстро вернётся. Он заметался, хотел закрыть своим телом ворота, потом почему-то подумал, что будет резкий удар в верхний угол, и приготовился прыгать. А Толя спокойно послал мяч понизу, и мяч тихо, как будто даже чуть-чуть насмешливо, прокатился мимо растерянного вратаря.

Тем временем дождь усилился, на поле заблестели лужи, и мяч отяжелел. Всем стало казаться, что этот дождь ужасно мешает «Спартак» и почему-то помогает «Стреле». Даже после игры многие говорили, что «Спартак» проиграл из-за дождя. И действительно, на первый взгляд так могло показаться... Ведь именно в

Борьба за мяч у ворот «Стрелы».

эти восемь минут ярко обнаружились недостатки «Спартак». Вратарь хорошо принимал мячи, но он дожидался их в воротах и не умел захватить мяч перед воротами. А игроки «Стрелы» били резко, с налёта, не давая раздумывать противнику. Самый сильный защитник «Спартак», Боря Козловский, славился своим умением перехватывать верхние мячи, он немало отбил их в начале игры. Но теперь «Стрела» повела передачу понизу, короткими точными пасами, и главное борино преимущество пропало. Нападение «Спартак» привыкло получать мяч от своей защиты, поэтому сейчас, когда защита не могла передать мяч, оно бездействовало.

«Стрела» уверенно шла к победе. Дождь не мешал ей.

На ногах у игроков были буцы. Не те настоящие буцы, которые продаются в магазинах, а обыкновенные старенькие ботинки с оторванными каблуками и кусочками кожи, прибитыми к подошве. Ноги в этих ботинках не скользили.

И отяжелевший скользкий мяч не пугал игроков «Стрелы». Они умели быстро менять тактику. Так, играя с «Родиной» в ветреную погоду, они стали давать про-

долные пасы, чтобы ветром не относило мяч. А теперь под дождём быстро сообразили, что трудно намокшим мячом бить дальние пасы, трудно передавать его с одного конца поля на другой. И стали играть концентрированно, двигаясь гибкой и короткой цепочкой.

Видно, недаром эти ребята оставались на стадионе, чтобы посмотреть, как играют другие, недаром так часто пробовали в игре разную тактику и даже нарочно тренировались в ветреную погоду.

Они были великодушны и добры. Както перед игрой со «Звёздочкой» они отдали одному из игроков противника свои запасные буцы, чтобы ему удобнее было играть против них. А в другой игре они добровольно уменьшили свою команду на три человека, потому что в команде противника не хватало трёх игроков. Но, добрая перед игрой, в игре «Стрела» не спускала противнику ни одного промаха.

В первой половине игры они приглядывались к «Спартаку», к тактике команды, к игре самых сильных футболистов противника и старались понять, какие мячи труднее всего для вратаря, в чём слабость Бори Козловского, как строит игру защита спартаковцев. И во второй половине игры «Стрела», усилив свою защиту сильным игроком Лёвой Чухровым, бросила все силы в нападение.

Кто научил команду этой гибкой и умной тактике? Наверно, и Петя Уколов, капитан команды, и верный «болеельщик» команды Николай Иванович Истратов, и Михаил Курдюков, который был теперь далеко в Черноморском флоте, а когда-то жил рядом с ребятами и учил их играть в футбол. Команда аккуратно посылала ему теперь письма, рассказывая о своих делах.

— В футболе надо думать. Надо учитывать обстановку,— часто говорил Курдюков. И ребята помнили его слова.

У «Спартак» было ещё время отыграться. Но после первых двух голов «Стрелы» спартаковцы потеряли присутствие духа, и в команде началось самое худшее, что может случиться в минуты неудач: спартаковцы начали ссориться между собой. Все напали на вратаря. Как он мог пропустить такой лёгкий мяч?

— Попробуйте сами возьмите!— сердито ответил вратарь и демонстративно отошёл за штангу. Он и без того был огорчён, а тут ещё...

Юра Сазонов, капитан команды «Молния», на тренировке.

Нападающий «Спартака» Трофимов вдруг заспорил с судьёй. Все ребята знали, как честно судит Женя Рыбаков, студент Энергетического института, игрок юношеской команды. Знал это отлично и Трофимов и всё-таки стал доказывать, что судья судит неправильно.

После трёх замечаний судьёе пришлось удалить Трофимова с поля, и команда осталась без своего лучшего нападающего. Потом начал грубить Чоботов. Потом Боря Козловский перестал пассивать кому бы то ни было. Он верил теперь только себе. И пока они ссорились, ещё два гола завершили победу «Стрелы».

Уходя со стадиона, ребята обсуждали игру спартаковцев, и кто-то сказал:

— Эх, им бы у «Молнии» поучиться!

Упорная „Молния“

«Молния» была слабая, но мужественная команда. Она проигрывала. Она начала проигрывать с того первого дня, как вышла на поле. Её обыграл «Спартак», потом обыграли «Стрела», «Родина», «Зенит», «Чайка», «Красное знамя». И футболисты из других команд, зная по себе, как тяжело бывает проигрывать, дружески советовали:

— Не позорьтесь! Не приходите больше!

А «Молния» приходила. Она не пропустила ни одной игры. Команда приходила всегда в полной форме — в синих майках и чёрных трусах, в гетрах, с ботинками, к которым по примеру «Стрелы» были прибиты кусочки кожи. Впереди шагал капитан Юра Сазонов, за ним — вратарь Лёня Куликов со своим мячом, который уже давно стал мячом всей команды. И хотя все знали, что «Молния» сейчас проиграет, насмешки быстро смолкали. Такие это были жизнерадостные, бодрые и дружные мальчики, что всем хотелось поверить, а вдруг сегодня выиграют? Но это была напрасная надежда. Играть «Молния» не умела: все в этой команде играли первый год. У игроков «Молнии» был неточный удар, слабая пассивка, они

не умели обводить соперников. И снова их вратарь, вытирая вспотевший лоб, доставал мячи из своих ворот. Ему больше всего доставалось в игре.

Проигрывая, они всегда огорчались. Их весёлые лица грустно вытягивались. Жалко было смотреть, как, опустив руки и чуть сгорбившись, они отходили после гола на середину поля. Но никогда эти ребята не падали духом, никогда не ссорились. Это была очень стойкая команда. Сколько команд рассыпалось после одного — двух поражений, сколько команд, даже сильный «Спартак», теряли самообладание при первых признаках проигрыша. И как часто, проиграв, ребята с одной улицы расходились в разные стороны. А эти и приходили и уходили вместе. И, огорчаясь, ещё старательнее продолжали игру.

Правда, и у этой команды были сомнения.

Сначала они твёрдо надеялись на победу. Ведь выигрывали же они у своих соседей с Зеленовской.

После первого проигрыша Юра Сазонов бодро сказал:

— Ничего! Одну проиграли, другую выиграем. Так всегда бывает.

Но после второй и особенно третьей игры они почувствовали силу противников и поняли, как трудно им будет победить. И тогда им захотелось послушаться тех, кто отговаривал команду от участия в розыгрыше. Но Юра сказал:

— А по-моему, не надо отступать. Всегда лучше играть с сильными командами. Смотрите, ведь третью игру мы провели уже лучше, чем первую.

Это была правда: в третьей игре счёт был не 5 : 0, а 3 : 0.

И ещё Юра сказал:

— Неужели мы уйдём, не забив ни одного гола? Даже стыдно.

И с тех пор мальчики стали мечтать о том, чтобы забить в ворота противника хотя бы один гол. Но это было трудно, у всех была крепкая, слишком крепкая для них, новичков, защита. И только в седьмой игре им удалось исполнить своё желание. Все, знавшие историю «Молнии», так аплодировали этому единственному голу, словно увидели что-то замечательное. Но это был самый простой удар, и успеху немало способствовало то, что вратарь противника слишком рано выбежал за ворота.

Но все видели: с каждым днём «Молния» играет всё лучше и лучше. И на Юру Сазонова, которого вначале кто-то даже насмешливо прозвал «капитан-проигрыш», все теперь глядели с невольным уважением. Юра твёрдо вёл свою команду вперёд. На насмешки он отвечал насмешками. Обидное словечко презрительно пропускать мимо ушей. Всё было неважно: и обиды и насмешки, — важнее всего для него была команда, её успех, её игра.

Был в жизни у Юры случай, когда ему во что бы то ни стало надо было сразиться с одним мальчиком. Этот мальчик был гораздо сильнее его, но он обижал всех в классе, кичился своей силой. И Юра хотел проучить его. Юра долго тренировался, готовясь к борьбе, и в конце концов победил драчуна. И сейчас Юра понимал, что пройдёт время — и «Молния» обретёт силу, станет играть по-настоящему.

Капитан команды... Каким заботливым, стойким и верным человеком должен быть тот, кого ребята выбрали капитаном. Особенно в «уличной» команде, где нет тренера, где капитан — это самый старший.

Юра Сазонов был хорошим капитаном. Не только потому, что устроил с ребятами в карьере спортивную площадку и заставил команду заниматься гимнастикой, плаванием и метанием ядра. Не только потому, что заботился о форме каждого игрока. Нет, он сделал самое главное: сплотил команду и бодро сквозь все поражения повёл её к цели.

Шестьдесят семь мячей вынула из своих ворот команда «Молния». Она заняла последнее место в розыгрыше. Но в тот день, когда матч окончился и представитель комитета по делам физкультуры поздравил участников с успешными играми, он хорошо и тепло сказал о команде, которая стояла в самом конце шеренги, — о «Молнии»:

— Чемпионами люди не рождаются. Они становятся ими благодаря своему упорству, стойкости и силе духа. Эти качества мы увидели в команде «Стрела», которая заняла первое место в матче. И эти же качества есть у команды «Молния». За весь сезон она забила всего три мяча в ворота противника, но мы знаем, как дорого ей достались эти мячи! Я уверен, когда-нибудь благодаря своему упорству и сплочённости команда «Молния» будет также возглавлять шеренгу футболистов, как её сегодня возглавляет «Стрела». Такие побеждают!

На току

В. Трубицын

Молотят и старый и малый.

Течёт, словно речка, зерно.

А солнце, наверно, устало:

За горы скатилось оно.

И где-то раздольной сторонкой

Нырять в волнах полевых

Бегущая к стану трёхтонка,

Вся в травах-муравах степных.

Фургоны с тугими снопами,

Качаясь, по полю плывут.

И машут подростки кнутами,

Быков погоняя, поют.

Звезда о звезду зажигалась.

Прохладой тянуло с реки.

И каждый забыл про усталость,

Зерно насыпая в мешки.

Медовые дни урожая

Бегут, словно Волга-река.

Звенит на току, не смолкая,

Колхозная песня движка.

В БОРЬБЕ ЗА МИР!

Они шли стройной колонной, под песню ровня шаг, десять тысяч юношей, девушек и детей в голубых блузах, со знамёнами в руках. У входа в город Любек две тысячи вооружённых автоматами и пулемётами полицейских преградили им дорогу. У молодёжи не было ни автоматов, ни пулемётов, но у неё было другое могучее оружие — единство и воля к победе. По сигналу своих руководителей участники шествия все, как один, легли и сели на дорогу. Серое шоссе вдруг стало ярко-голубым. И движение по трассе замерло. Полицейские грозили, ругались, уговаривали — ничто не помогало. И полицейским пришлось уступить. Поздно ночью они пропустили колонну, приказав идти тихо. Но как только молодёжь вступила в город, громкая песня разбудила улицы. Жители открывали окна, выбегали из домов, а им навстречу неслись молодые голоса: «Да здравствует мир, друзья! Долой оккупантов! Да живёт единая Германия!»

Так возвращались домой, в западную зону Германии, делегаты общегерманского слёта молодёжи. Этот слёт созвала демократическая молодёжь в восточном секторе Берлина 27 мая 1950 года. В нём участвовали 700 тысяч молодых немцев, прибывших со всех концов германской земли. Они собрались для того,

чтобы принять манифест о борьбе за мир, выразить свою преданность Германской Демократической Республике и объявить во весь голос, что они за единую, свободную, миролюбивую Германию. Американцы пытались помешать слёту. Угрожая арестом, они запрещали делегатам западной зоны участвовать в слёте, устраивали облавы, уверяли, что на слёте будут вооружённые столкновения и что всевозможные болезни и эпидемии грозят участникам слёта. Они предупреждали родителей: не пускайте своих детей на слёт!

Но никто им не поверил. Молодёжь, скрываясь от полиции, переходила границу. А в день слёта, несмотря на проливной дождь, не только делегаты — весь Берлин, от мала до велика, был на улицах. С песнями, с весёлыми возгласами, словно весенний бурливый поток, двигалось шествие молодёжи. И первое слово, которым президент Германской республики Вильгельм Пик приветствовал молодёжь, было слово «дружба». Подхваченное сотнями тысяч голосов, оно пронеслось над всем Берлином. Вспыхнули ракеты, и в небо взвились флаги Советского Союза, Германской Демократической Республики, стран народной демократии. Стая белых голубей — символ мира — взлетела к небу под пенье, возгласы и гром оркестров. А молодёжь шла и шла, и мимо трибун проплывали транспаранты, выражающие мысли и чувства народа. Дружба победит! Американцы, долой! Дорогу немецкой молодёжи!

Русские, чешские, болгарские песни звучали на улицах Берлина, и несмолкаемо гремели овации в честь великого борца за мир во всём мире: «Да здравствует Сталин! Да здравствует великий Советский Союз! Наша дружба нерушима!»

Пётр Андреевич Павленко, замечательный советский писатель, был на этом слёте. Обо всём, что он видел, он написал книгу для советских ребят и молодёжи. Назвал он её «Молодая Германия». Не только потому, что речь в ней идёт о молодёжи. Он рассказал в своей книге о жизни молодой Германской Демократи-

ческой Республики, созданной в Восточной Германии.

Рабочие управляют здесь фабриками, заводами, шахтами. Во главе правительства стоят люди, которых избрал народ: рабочие, учёные, писатели. Безработные получили работу, безземельные крестьяне — землю. Здесь строятся школы и дома пионеров, открываются университеты и клубы. Все могут учиться, перед всеми широкое светлое будущее. Делегаты слёта из Западной Германии, которая оккупирована американскими, английскими и французскими войсками, знакомились с жизнью Германской республики, и им казалось, что они попали в сказочную страну. При расставании многие ребята плакали: им не хотелось возвращаться домой, в западную зону.

Пётр Андреевич Павленко рассказал в своей книге и о Западной Германии, где народ бесправен, где у людей нет жилья, потому что разрушенные дома никто не восстанавливает. Многие жители давно не имеют работы. Только среди молодёжи 750 тысяч безработных. Там не о школах мечтают дети, а о куске хлеба.

Всеми правдами и неправдами американцы стараются завербовать молодёжь в армию, которую по их приказу готовят бывшие гитлеровцы в западной зоне Германии. Но немецкую молодёжь обмануть

невозможно. Несмотря на голод и безработицу, немецкие юноши не идут добровольно в армию. Молодёжь хочет мира и не хочет войны. Она поняла, что лучший друг немецкого народа — Советский Союз, и никогда не поднимет против него оружие. Тысячи юных борцов за мир заявили об этом на митингах в Дюссельдорфе, Нюрнберге и других городах. Полиция разгоняла митинги, избивала и хватала молодёжь, но борьба продолжалась. На стенах домов, на тротуарах каждый день появлялись надписи, призывающие к дружбе с Советским Союзом, к борьбе за мир.

Пётр Андреевич Павленко за свою жизнь написал много книг. Все вы любите его книгу «Степное солнце», широко известны его замечательные романы «Счастье», «На Востоке»; по его сценариям поставлены фильмы «Клятва» и «Падение Берлина». И всегда Пётр Андреевич писал о том, что близко народу, что волнует сердца и умы советских людей. Книга «Молодая Германия», которую Пётр Андреевич написал незадолго до смерти, тоже посвящена теме огромной важности: судьбе молодёжи, борьбе за мир во всём мире.

Эта волнующая, прекрасная книга — последний дар писателя-большевика детям и молодёжи.

ПРОЧИТАЙТЕ ЭТИ КНИГИ

Недавно в свет вышли две интересные книги: «Утро новой Болгарии» В. Соколова и «Встречи с друзьями» О. Гончара. Писатели побывали в странах народной демократии и рассказывают в своих книгах о своих

встречах и впечатлениях. Разная история у Китая, Болгарии, Чехословакии, разные обычаи, но во всех этих странах народ стал хозяином своей судьбы, и это роднит их. Народ здесь строит по примеру Советского Союза социализм.

Электрический свет зажётся в сёлах Болгарии, тракторы вышли на поля Чехии, новая железная дорога проложена в горах Словакии, новые дамбы и мосты возводятся на реках Китая, всюду строятся новые школы, организируются пионерские лагеря.

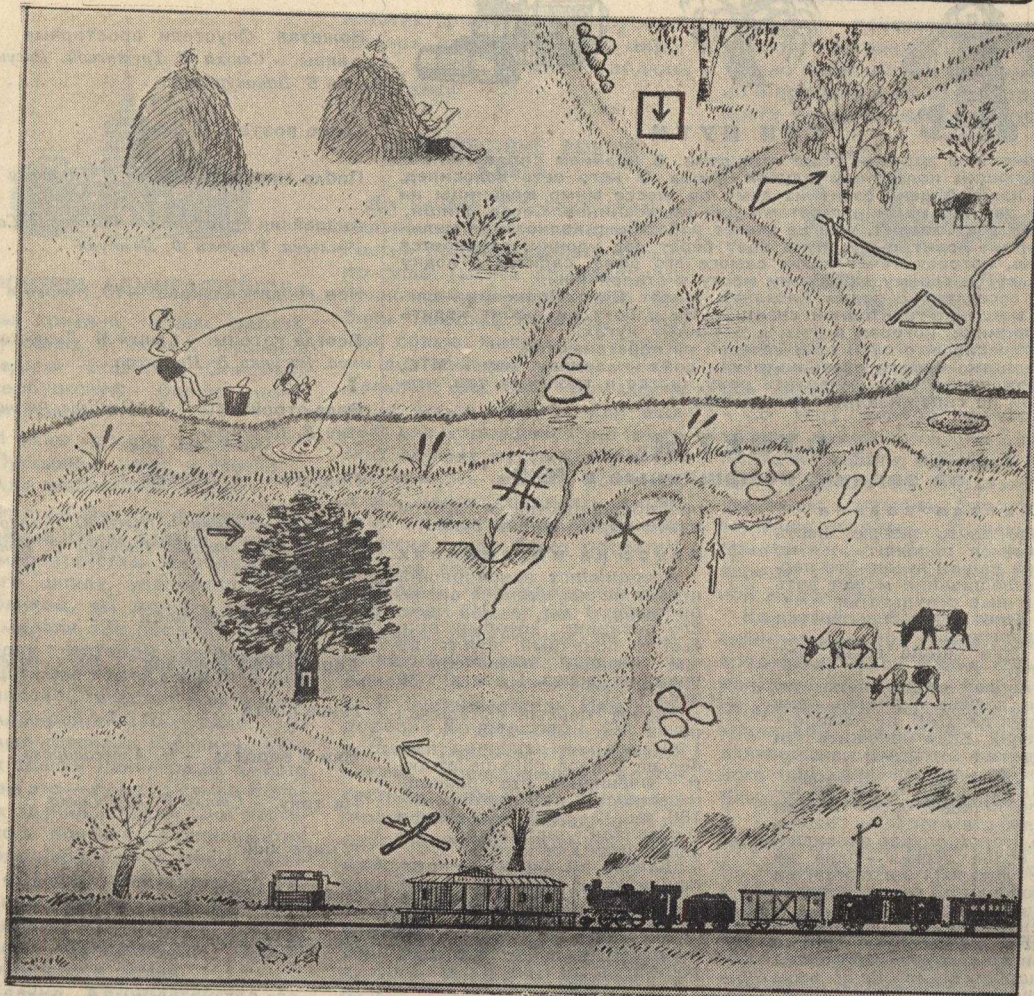
Путь к счастью указывает народам Советский Союз. «Светит, эй, светит ясная зоренька там, где Сталин наш живёт», — поётся в болгарской народной песне. Она выражает чувства всех простых людей.

Книги «Утро новой Болгарии» и «Встречи с друзьями» помогут вам, ребята, лучше познакомиться

с жизнью дружественных нам народов. Эти книги пригодятся вам при подготовке пионерских сборов, посвящённых странам народной демократии.

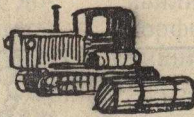
На местности, показанной здесь на плане, ребята провели игру; в ней можете принять участие и вы.

При выполнении приказа имейте в виду, что раньше вас к лагерю прошли два звена и оба

Скопируйте план местности, напечатанный в журнале, расшифруйте все дорожные знаки и отметьте чернилами или цветным карандашом путь, по которому, выполняя приказ, должно идти третье звено. Копию плана пришлите в редакцию. Если вы нетвёрдо знаете дорожные знаки, то посмотрите на таблицы, которые найдёте в «Книге водителя».

И. Чкаников

ТРИ ПУТИ

У околицы деревни стоят три дома. В крайнем справа живёт заведующий колхозным клубом Миша. У него есть велосипед, и он каждый день ездит из дому по шоссе мимо мельницы на почту за письмами и газетами для колхозников. Сосед Миши, старый дед Савелий, уже не может работать в колхозе; он целыми днями ловит рыбу. Чуть свет берёт дед удочки, спускается к реке, которая течёт возле самого его дома, садится в лодку и плывёт к своему любимому месту у старой ивы.

По соседству с дедом Савелием живёт Пётр Иванович — слесарь машинно-тракторной станции. На работу он любит ходить по тропинке, которая вьётся в заливных лугах.

Интересно, что пути трёх соседей не пересекаются.

На листке бумаги обозначьте три дома, мельницу, иву и МТС, а потом попробуйте начертить реку, шоссе и тропинку так, чтобы они не скрещивались между собой.

ОТВЕТЫ

на задачи, помещенные в № 7

Хитрая задача

Надо взять любые шесть деталей и положить их по три на чашки весов. Это первое взвешивание может дать различные результаты:

1) Весы будут находиться в равновесии.

2) Одна чашка весов опустится.

В первом случае ясно, что более лёгкой является одна из двух деталей, не лежащих на весах. Если положить эти две детали по одной на чашки весов, то, конечно, приподнимется та чашка, на которую попадёт более лёгкая деталь.

Во втором случае очевидно, что более лёгкая — одна из трёх деталей, находящихся на той чашке весов, которая приподнялась.

Освободив весы, надо взять из этих трёх деталей любые две и положить их по одной на чашки весов. Если весы уравниваются, это будет означать, что не положена на весы более лёгкая деталь.

Если же одна из чашек весов приподнимается, то значит, на ней лежит более лёгкая деталь.

Какое слово

Атлас, нагар, арфа, глава, роман, адрес, масло, майка, актёр. Из первых букв составляется: анаграмма. Так называется слово, кото-

рое превращается в другое путём перестановки букв.

Кросс на мотоциклах

Мотоциклист закончивший пробег на час раньше срока, проезжал 1 км за 1/45 часа. Его товарищ, который прибыл в конечный пункт на час позднее назначенного времени, делал 1 км в 1/30 часа.

Значит, первый выгадывал на 1 км 1/30—1/45, т. е. 1/90 часа; он закончил пробег на 2 часа раньше второго. Очевидно, эта разница сложилась на протяжении 180 км (2:1/90), которые и составляли дистанцию, назначенную для кросса.

Первый мотоциклист пробыл в пути 4 часа (180:45). Следовательно, участники пробега, закончившие его точно в заданное время, ехали в течение 5 часов со скоростью 36 км (180:5).

Далеко ли почта?

На каждой четверти пути ребята затрачивали различное время, чтобы пройти один километр: 1-й — 6 мин. (60:10); 2-й — 10 мин. (60:6); 3-й — 12 мин. (60:5); 4-й — 20 мин. (60:3).

Значит, 4 км ребята прошли за 48 минут, в среднем они находились в пути 60 минут, — следовательно, почта в пяти километрах от лагеря.

СОДЕРЖАНИЕ:

Желаю вам успеха, ребята! — И. А. Каиров, министр просвещения РСФСР 1 стр

Школа на Имарге — Рассказы А. Малых. Рисунки Е. Васильева 2 .

Вожатая. Опустели просторные нивы. — Стихи Е. Трутневой. Рисунки Б. Винокурова. 15 .

Голос поэта — О. Савич. 16 .

Пабло Неруда. — Стихи Н. Тихонова . 20 .

Андрейкин проступок. — Рассказ П. Савельева. Рисунки Ф. Лемкуля 21 .

Чем гордится школа. — Ю. Новикова . 26 .

Всегда готовы. — Стихи М. Львовского. Рисунки В. Цельмера 29

Вода-строитель. — А. Некрасов. Рисунки В. Цельмера 30 .

Подруги. — А. Елагина 35 .

Занятой человек. — Пьеса Ю. Новиковой и Ю. Сотника. Рисунки В. Константинова 40 .

Отовсюду и обо всем 46 .

Деревянные кружева. — Дм. Соболев 48 .

Наша почта 50 .

Мяч в воротах. — Н. Александрова . 55 .

На току. — Стихи В. Трубицына . . . 60 .

В мире книг 61 .

В часы досуга 63 .

Наш календарь III стр. обложки

На обложке:

картина Г. Нисского „В порту“

Редколлегия: Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Маркова С. Е., Орлов В. И., Печникова З. И., Прилежаева М. П., Смирнова В. В., Шмаринов Д. А., Щипачёв С. П.

Адрес редакции: Москва, улица «Правды», 24, комната 235, тел. Д 3-30-73.

Подписано к печати 9/VIII 1951 г.

Изд. № 396.

82 × 110.

А 04397.

8 печ. л.

Тираж — 115 000.

Заказ 1753.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

НАШ КАЛЕНДАРЬ

СТРОИТЕЛЬ АДМИРАЛТЕЙСТВА

Вы, конечно, читали, ребята, вступление к поэме Пушкина «Медный всадник». Описывая петербургскую белую ночь, поэт говорит:

И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла...

«Иглой» Пушкин называет золочёный шпиль здания Главного адмиралтейства. Изображение этого шпиля, увенчанного корабликом, вы можете увидеть на медали «За оборону Ленинграда», которой награждены защитники города-героя в дни Великой Отечественной войны.

Адмиралтейство — одно из самых красивых и величественных зданий Ленинграда. Вместе с тем это — одно из самых больших зданий в мире. Оно растянулось почти на полкилометра вдоль набережной Невы. Четыре фасада, украшенные сотнями колонн и множеством статуй и барельефов, создают впечатление необычайной торжественности и мощи.

Здание Адмиралтейства задумал и построил гениальный русский зодчий Андреян Дмитриевич Захаров, родившийся сто девяносто лет назад, 19 августа 1761 года.

Захаров с детства очень хорошо рисовал. Ему было всего шесть лет, когда его приняли в школу при Академии художеств. Академию он окончил архитектором.

Вся жизнь Захарова прошла в Петербурге. Им построены многие здания, украсившие северную столицу России. Работы Захарова положили начало

архитектурному стилю «русский ампи́р», который принёс мировую славу русским зодчим XVIII века.

ПУТЕШЕСТВИЕ ВОКРУГ СВЕТА

До начала XIX века связь с дальневосточными владениями России поддерживалась только по суше. Тысячи лошадей медленно тянули через всю Сибирь тяжёлые подводы с мукой, солью, железом, материалами для жителей городов и сёл Дальнего Востока. Громоздкие вещи вроде канатов или якорей для строящихся на охотских верфях русских кораблей приходилось рубить на части, а на месте соединять вновь. Чтобы добраться от Москвы до Охотска, надо было потратить больше года.

Первым, кто проложил водный путь через два океана к русским поселениям на Камчатке, Курильских островах и Аляске, был знаменитый русский мореплаватель Иван Фёдорович Крузенштерн. Он был первым русским путешественником, совершившим кругосветное плавание. Команда географической экспедиции из двух парусных кораблей, «Надежда» и «Нева», он провёл свои суда из Кронштадта через Атлантический океан, вокруг Южной Америки и через Тихий океан до дальневосточных берегов России и вернулся в Россию через Индийский океан, обогнув Африку и Европу. «Надежда» была первым европейским кораблём, который прошёл вдоль западных берегов Японии.

В пути Крузенштерн произвёл много научных наблюдений, открыл много неизвестных островов и «закрыл» те, которые попали на карту по ошибке прежних исследователей.

Крузенштерн умер сто пять лет назад, 24 августа 1846 года. В Ленинграде, на набережной Невы, против Морского училища, стоит памятник моряку-

патриоту, показавшему, что русские моряки умеют не только побеждать в сражениях, но и преодолевать любые трудности самых дальних походов.

ВЫШЕ, ДАЛЬШЕ, БЫСТРЕЙ!

Каждый год в августе происходят всесоюзные соревнования авиамоделлистов.

Со всех концов советской земли съезжаются на этот праздник ребята, строящие модели самолётов. Приезжают украинцы, грузины, белорусы, таджики, латыши... И каждый привозит с собой заветный ящичек с заботливо упакованной моделью.

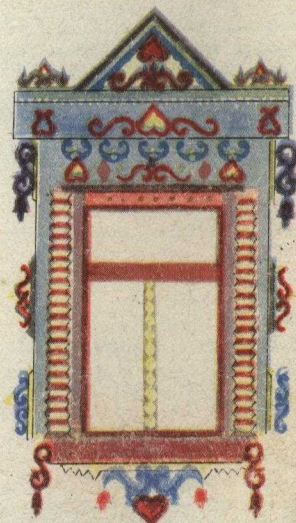
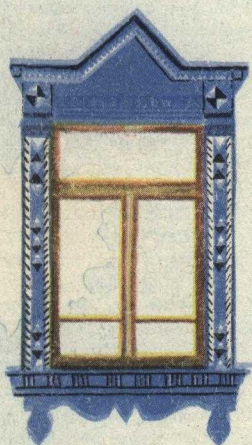
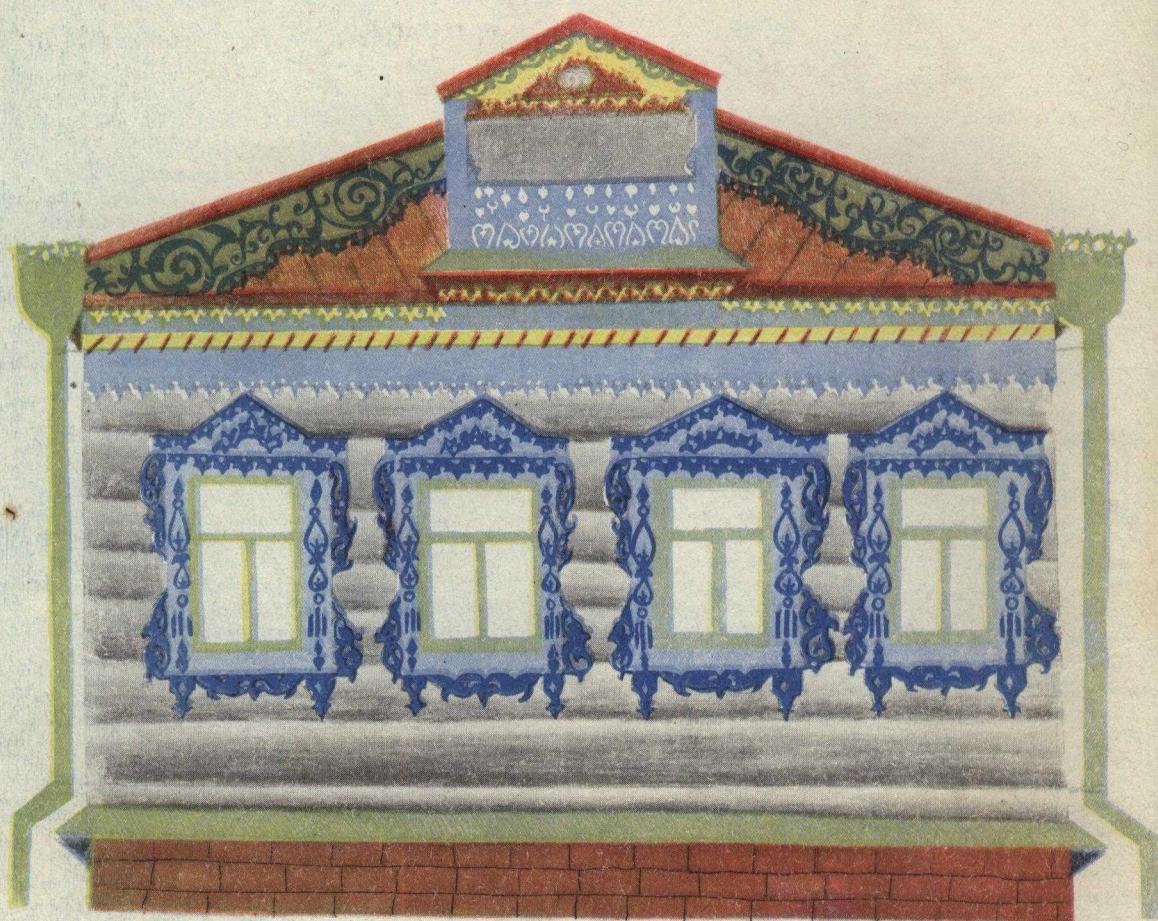
Как стайка белых голубей, взлетает в воздух миниатюрный воздушный флот. Каких только конструкций здесь не увидишь: от крохотного самолётика с закрученной резинкой вместо движка до солидного воздушного корабля с настоящими бензиновыми моторчиками! А сколько изобретательности, творческой мысли, настойчивого, терпеливого труда вложено в каждую модель! Сколько вечеров прошло над верстаком или у станка, как много пережито волнений, когда впервые поднялась в воздух механическая птица, сделанная собственными руками!

Постройка авиамоделей развивает способности конструктора. Недаром создатель знаменитых боевых самолётов Яковлев начинал с постройки авиамоделей.

Советские ребята-авиамоделлисты добились немалых успехов. Они завоевали мировые рекорды продолжительности, дальности и скорости полёта модели. И с каждым годом модели наших ребят летают всё дальше, всё выше и всё быстрее.

цена 2 р. 50 к.

4
ТОВАРИЩЕСКИЙ ДЕР.
Д. 20 КВ. 4
НЕКРАСОВУ А. С.
6 1.12 ПИСЬМ

В очерке «Деревянные кружева», на стр. 48, ты прочтёшь о резных украшениях домов. Здесь помещены зарисовки ребят Щербинской и Лигачёвской школ, сделанные с натуры.